

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1900.

№ 21.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Рѣчь по освященіи Епархіального пріюта для вдовъ и сиротъ. *Пресвященнаго Иммонентія, Епископа Сумскаго* . . . . . 541—543
- Религія, ея сущность и происхождение (окончаніе). Профессора Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевича* . . . . . 544—559
- Вѣра и знаніе. *И. Невзорова* . . . . . 560—587
- Систематическое изложеніе педагогическихъ воззрѣній свв. отцовъ и учителей церкви (продолженіе). *И. Миролобова*. . . . . 588—600

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія. Критическій разборъ этихъ понятій. Профессора философіи Варшавскаго Университета *Генриха Струве*. . . . . 349—365
- Истинная наука и ложныя притязанія современной учености (продолженіе). *Н. Н. Страхова*. . . . . 366—380

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о заведеніяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ селеній (продолженіе). В. Давыденно.—Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г. (окончаніе).—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редаціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гиларовскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редаціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. В. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА И РАЗУМЪ въ 1901 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1901 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890—1894 г., и по 9 р. за 1895—1898 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 85 р. съ пересылкою.

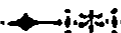
Кромъ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1900 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Ноября 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солменъ.*

РѢЧЬ

по освященіи Епархіальнаго пріюта для вдовъ и сиротъ ¹⁾).

Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго.

Всякій разъ, когда приходится совершить освященіе зданія, мысль невольно переносится къ цѣли, съ какой построено оно, къ обитателямъ, которые наполняютъ и оживятъ его бездушныя стѣны. Чѣмъ выше и благотворнѣе эта цѣль сооруженія зданія, тѣмъ глубже наше сочувствіе ей, тѣмъ усерднѣе молитва о благословеніи свыше освящаемаго зданія. Чѣмъ ближе и тѣснѣе примыкаетъ она къ христіанскимъ началамъ, тѣмъ поучительнѣе для насъ становится самое учрежденіе, тѣмъ больше умиленія и душевнаго умиротворенія вызываетъ устройство его.

Нынѣ законченъ освященіемъ этотъ домъ призрѣнія беззащитныхъ вдовъ и безпріютныхъ сиротъ,—домъ христіанскаго милосердія о нихъ, многолюбивой попечительности объ ихъ бездомномъ существованіи.

Что же сказать о немъ въ заключеніе молитвы нашей? Прославляютъ-ли щедрую руку и пастырскую заботливость того, кто созидаетъ этотъ милосердый домъ, указывать ли, какъ тепломъ и кровомъ своимъ онъ отретъ не одну сиротскую слезу, какъ поддержитъ и упокоитъ онъ вдовью старость, воспитаетъ и взлелѣетъ сиротѣющую юность, или призывать васъ, отцы и братія, къ сочувствію и помощи тому, что и цѣлю, и устройствомъ само вызываетъ на сочувствіе и помощь?!

Возблагодаримъ Господа и Его Пречистую Матерь, Покрову коей ввѣряется это учрежденіе, за благую христіанскую мысль, свыше ниспосланную на сердце нашему Архипастырю и исполнившуюся на этихъ зданіяхъ, пріютившихъ тѣхъ, ко-

¹⁾ Произнесена по освященіи каменнаго корпуса въ новоустроенномъ Саротскомъ пріютѣ близъ с. Деркачей, 26 Октября сего года.

му такъ дорогъ пріютъ. Да будетъ благословенъ день и часъ рожденія этой мысли!

Что такое сиротство—знають испытавшіе его. Для сироты оно то же, что для всѣхъ насъ глубокое ненастье, если бы продолжалось оно цѣлый годъ, со своими дождями, вѣтрами и сѣрымъ нависшимъ небомъ. Тяжело было бы для насъ такое состояніе погоды, продолжающееся изо дня въ день круглый годъ, а для сироты ненастье жизни продолжается десятки лѣтъ, пока не станетъ онъ самостоятельнымъ работникомъ. Кому свѣтло и радостно, а сиротѣ—темно и грустно, кому тепло и уютно, а сиротѣ—холодно и безпріютно, кому сытно и весело, а сиротѣ живется впроголодь и съ рѣдкой улыбкой сквозь слезы. Никто и никогда такъ больно не переживаетъ дней своей беспомощности, сознанія своей незащитности, какой-то особой безпризорности, какъ сирота. Въ обществѣ другихъ дѣтей, отцовскихъ, онъ ниже ихъ, хуже ихъ, ему всякая вина виновата, потому что онъ—сирота. Рѣзвость, беззаботное веселье, радость жизни накормленныхъ и обласканныхъ сверстниковъ—для сироты предметъ печали и зависти, ибо онъ и плохо пригрѣтъ, и мало накормленъ.

А слезы вдовъ—матерей многосемейныхъ и необезпеченныхъ?! Нѣтъ, кажется, въ мірѣ слезъ, настолько горькихъ, настолько тяжкихъ, какъ плачь вдовы съ семьей, потерявшей мужа и ставшей горемычной и безпріютной. Дѣти видятъ эти слезы своей матери, не понимаютъ часто ихъ они своимъ малымъ разумомъ, но чуткимъ сердцемъ они чувствуютъ, что эти слезы о нихъ, о ихъ сиротствѣ, незащитности и неустроенности. Такъ омрачаются, окрашиваются въ грустный тонъ сиротства самыя первыя дѣтскія впечатлѣнія и настроенія: къ худшему измѣняется и положеніе ихъ въ глазахъ вдовы матери: то, что было предметомъ радости при отцѣ, теперь, безъ него, предметъ грусти и долгихъ, тяжелыхъ думъ; то, что утѣшало и развлекало, теперь огорчаетъ и повергаетъ въ раздумье: какъ поднять, воспитать, выучить и устроить беспомощной вдовѣ малолѣтнюю семью, пока малосмысленную, но съ каждымъ днемъ и годомъ подрастающую и требующую новыхъ заботъ, новыхъ расходовъ...

Тяжела горькая доля сиротства и для вдовы-матери и для

дѣтей, мрачна для первой, безрадостна для вторыхъ. Лишь Одинъ Сердцевѣдецъ Господь съ высоты небесъ видитъ эту сиротскую безпризорность, грусть и сокрушенную Ему молитву.

Не могу не вспомнить при этомъ случаѣ своего личнаго сиротства. Мнѣ судилъ Господь лишиться родителя—священника 8 лѣтъ отъ роду. Насъ осталось съ вдовой—матерью 6 человекъ, изъ которыхъ старшему было 16 лѣтъ, а младшему 3 года. Я былъ четвертымъ по старшинству въ семьѣ. Ясно помню грустныя, убитыя горемъ лица старшихъ братьевъ и сестры, свое собственное чувство сиротливой, обездоленной, какъ будто обиженной кѣмъ-то беззащитности,—помню слезы матери, такъ жалобно глядѣвшей на насъ, что и мы съ нею вмѣстѣ плакали о своемъ горькомъ, тяжеломъ положеніи.

Припоминается и то, какъ сердобольные прихожане покойнаго родителя несли намъ свои незатѣйливыя приношенія—хлѣбъ и холсты для прокормленія и одѣянія „Божьихъ сиротокъ“.

Заканчивая свое немудреное слово, я не имѣю пужды, отцы и братія, взывать къ вамъ о сочувствіи и помощи этому нарождающемуся благому учрежденію. Оно говоритъ само за себя своею цѣлію, своимъ устройствомъ и существованіемъ. Это—уготованный Владычною заботливостью кровъ и пристанище вдовицъ, колыбель, родина и мѣсто дѣтства сиротъ-дѣтей.

Долготерпитъ Господь по отношенію ко всѣмъ, даже тяжкимъ грѣшникамъ,—но кто изъ васъ скажетъ съ увѣренностью, что рука смерти не коснется его завтра, послѣ завтра, и не понадобится пріютъ семьѣ его подъ этою кровлею?

Въ этомъ сознаніи почерпнемъ источникъ для дѣятельной помощи и любви къ сему дому христіанскаго милосердія и Архипастырской попечительности о сирыхъ и немущихъ.

Да продлитъ Господь дни жизни виновника этихъ зданій! Да воздастъ ему Своею небесною любовію и щедротами за это дѣло земной любви и щедрости!

Мати Божія, сирыхъ защитница, обуреваемыхъ пристанище, всѣхъ скорбящихъ радости, пріими въ державный покровъ Твой домъ сей и благочестно живущихъ въ немъ, покрой и сохрани ихъ отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ! Аминь.

РЕЛИГИЯ, ЕЯ СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

(Окончаніе *).

Что касается *состава* религіознаго культа, то въ каждой отдѣльно взятой религіи, вслѣдствіе вѣроисповѣдныхъ особенностей и привнесенія въ него многихъ частныхъ и случайныхъ священнодѣйствій, онъ можетъ быть чрезвычайно сложнымъ и разнообразнымъ. Но если мы будемъ имѣть въ виду только религію вообще и обратимъ вниманіе лишь на однѣ существенныя черты, общія всѣмъ вообще дѣйствительно существовавшимъ или существующимъ религіямъ, то мы увидимъ, что, по своему составу, религіозный культъ простъ и немногосложенъ. Такъ какъ культъ есть внѣшнее выраженіе внутренняго религіознаго настроенія и чувствованія, а свои внутреннія настроенія человѣкъ можетъ выражать только двумя способами: *словами* и *дѣйствіями*, то и религіозный культъ состоитъ, собственно, изъ молитвъ и священнодѣйствій.

Молитва (въ христіанскихъ книгахъ св. писанія: εὐχή, ἄρα, προσφῶς, προστροπή, εὐχαριστία, λιτή), по точному опредѣленію пространнаго православно-христіанскаго катихизиса, есть возношеніе ума и сердца къ Богу, являемое благоговѣйнымъ словомъ человѣка къ Богу, или, какъ опредѣляютъ ее нѣкоторые изъ отцовъ христіанской церкви, молитва есть бесѣда души человѣческой съ Богомъ,—отвѣтъ живому Богу,—ибо если въ божественномъ откровеніи Богъ говоритъ человѣку, то въ молитвѣ человѣкъ говоритъ къ Богу. Онъ возноситъ здѣсь свои благодаренія за всѣ полученныя отъ Него милости и щедро-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 20.

ты, онъ прославляетъ Его совершенства, онъ проситъ Его о помощи въ своихъ нуждахъ и скорбяхъ, онъ изливаетъ предъ Нимъ свою душу, раскрываетъ свое сердце. Такъ какъ слово есть наиболѣе удобное средство для внѣшняго выраженія мыслей и чувствованій человѣка, то молитва является высшимъ и наиболѣе всеобщимъ моментомъ въ каждомъ религіозномъ культѣ. Ея значенія не отрицаютъ даже рационалисты, вѣрующіе въ бытіе Божіе, и сектанты. Но однихъ словъ недостаточно для выраженія всѣхъ нашихъ сильныхъ чувствованій и ощущеній; поэтому должно быть признано только естественнымъ, когда у всѣхъ народовъ молитва сопровождается еще многими внѣшними тѣлесными дѣйствіями, какъ, напр., надевіемъ ницъ, колѣнопреклоненіемъ, поднятіемъ рукъ, возведеніемъ очей къ небу и т. п.

Но изъ всѣхъ культовыхъ дѣйствій наибольшее вниманіе со стороны рационалистическихъ мыслителей обращаетъ на себя *приношеніе кровавой* жертвы. Послѣ молитвы это священнодѣйствіе въ до-христіанскомъ мірѣ было самымъ распространеннымъ. Кровавыя жертвы были приносимы не у однихъ только евреевъ; исторія не знаетъ народа, который не вѣровалъ бы, что наиболѣе угодить Богу можно только кровавымъ жертвоприношеніемъ. По словамъ одного историка, въ Азіи едва ли есть цядь земли, которая не была бы обогрета кровію жертвенныхъ животныхъ. Достоинно вниманія, что наибольшее значеніе до-христіанскіе язычники приписывали приношеніямъ въ жертву людей, даже младенцевъ—совершенно невинныхъ. О такихъ жертвоприношеніяхъ довольно подробно говоритъ между прочимъ *Лактанцій*. Въ Саламинѣ, городѣ острова Крита, былъ приносимъ въ жертву Юпитеру человѣкъ. По словамъ Лактанція, столь ужасное жертвоприношеніе установилъ *Тевцеръ*, который далъ своимъ потомкамъ подробное наставленіе, какіе обряды должны быть употребляемы въ этомъ случаѣ. Народы Тавриды долгое время соблюдали законъ, повелѣвавшій имъ приносить въ жертву Діанѣ всѣхъ иностранцевъ, пристававшихъ къ ихъ берегамъ. Древніе Галлы также только человѣческою кровію укрощали гнѣвъ своихъ боговъ—Гезуса, Тентата и Тарамиса. Равнымъ образомъ человѣческія

жертвоприношенія совершали и латины: Юпитеръ Латіума (говоритъ Лактанцій) любилъ человѣческую кровь такъ же, какъ и Юпитеръ Саламина. Въ жертву Сатурну въ Италиі были приносимы человѣческія жертвы съ незапамятныхъ временъ. Отъ латинъ не отставали и кароагеняне. Будучи побѣждены въ одномъ сраженіи Агаѳокломъ, сицилійскимъ царемъ,—и приписывая свое пораженіе гнѣву своего бога,—говоритъ Лактанцій,—они рѣшились укротить его принесеніемъ ему въ жертву двухъ сотъ молодыхъ людей, избранныхъ ими изъ почетнѣйшихъ семействъ. Далѣе человѣческія жертвы были приносимы Цибелѣ, богинѣ войны—Беллонѣ, египетской Изидѣ, финикійскому Молоху и т. д. Фонъ-деръ-Альмъ увѣряетъ, что будто-бы человѣческія жертвоприношенія были совершаемы и древнѣйшими евреями. Хотя такое утвержденіе не имѣетъ для себя совершенно никакого историческаго основанія, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что, по глубокому вѣрованію ветхозавѣтныхъ іудеевъ, только страданія и смерть невиннѣйшаго и безгрѣшнаго человѣческаго Существа примиритъ людей съ Богомъ и доставитъ имъ вѣчное блаженство. Идею эту можно усматривать уже въ жертвоприношеніи Исаака и въ законѣ о посвященіи Богу первенцевъ еврейскихъ.

Какой же смыслъ и значеніе въ религіозномъ культѣ всѣхъ до христіанскихъ народовъ имѣли кровавыя жертвоприношенія?

На этотъ вопросъ весьма странный отвѣтъ даютъ многіе изъ рационалистическихъ мыслителей. Но особенно наивно разсуждаютъ объ этомъ *Фонъ-деръ-Альмъ* (въ своихъ „письмахъ“) и *Эдуардъ Гартманъ* ¹⁾ „Повсюду первоначально вѣровали,—говоритъ послѣдній,—что Богу можно сдѣлать нѣчто угодное чрезъ жертву, думая, что чрезъ это доставляютъ ему вкусное и обильное питаніе, т. е., просто кормили его, или же чрезъ предложеніе различныхъ лакомствъ надѣялись привести его въ хорошее расположеніе духа; даже самъ израильски-іудейскій Яго, помимо всѣхъ примирительныхъ жертвъ, каждое утро и каждый вечеръ получалъ еще особую жертву, какъ ординарный, ежедневный обѣдъ... Это, конечно, не то

¹⁾ Entw. d. relig. Bewusstst. стр. 80 и слѣд.

значить (разсуждаетъ Гартманъ далѣе), что безъ человѣческихъ жертвенныхъ даровъ боги погибли бы съ голоду. Но какъ обыкновенно человѣкъ хотя и предоставляетъ своей лошади лугъ, тѣмъ не менѣе, чтобы укрѣпить ее для проявленія особенной силы, даетъ ей иногда еще хлѣбъ и водку (?) для ея подкрѣпленія и возбужденія, такъ и боги, хотя, собственно говоря, и могли бы прожить безъ жертвенныхъ даровъ, тѣмъ не менѣе съ жадностію сбѣгаются толпами, чтобы воспользоваться предложенными имъ жертвами, напиться и подкрѣпить себя или для проявленія силъ, чего люди желаютъ и о чемъ они молятся. Такое грубо чувственное значеніе поднимается на высшую ступень чрезъ *жертву вины* или *примиренія*, т. е., чрезъ ту жертву, которую приносить Богу человѣкъ, сознающій себя грѣшникомъ. Но и здѣсь однако же смѣшиваются различныя значенія. Древнѣйшее значеніе этой жертвы есть значеніе подарка судѣ, чтобы подкупить чрезъ это его расположеніе, дабы вмѣсто справедливости онъ оказывалъ милость; въ настоящее время, говоритъ Гартманъ, мы назвали бы это взяткою; но свои понятія о справедливости и морали мы не должны переносить на первобытное состояніе культуры. Выше стоитъ понятіе *пени*, искупающей человѣка отъ вины и положеннаго именно за нее наказанія. Здѣсь виновный предлагаетъ оскорбленному имъ Богу, какъ въ иныхъ случаяхъ оскорбленнымъ людямъ, извѣстное количество лошадей, воловъ, овецъ и т. д., и затѣмъ смотритъ уже на себя, какъ на искупленнаго отъ предстоявшаго ему въ противномъ случаѣ божескаго наказанія, такъ какъ Богъ принялъ его жертву. Итакъ чрезъ принесеніе и принятіе жертвы виновный оправдывается въ своемъ грѣхѣ противъ Бога и такимъ образомъ освобождается отъ страха предъ божескимъ наказаніемъ, т. е., искупляетъ себя отъ признанія своей грѣховности. Но такъ какъ и примирительная жертва еще не утрачиваетъ значенія божеской пищи, а по общему пониманію всѣхъ естественныхъ народовъ вмѣстѣ съ кровію жертвеннаго животнаго Богу приносится и его душа; съ другой стороны—такъ какъ сами боги первоначально были созерцаемы въ образѣ животныхъ, то съ примирительною жертвою соединяются еще различ-

ныя мистическія второстепенныя представленія, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ умножаются до чрезвычайности и даже иногда совершенно вытѣсняють главное представленіе искупленія отъ наказанія. Первое изъ такихъ второстепенныхъ значеній жертвы есть значеніе мѣсто заступающаго удовлетворенія или мѣстозаступленіе приносящаго жертву самимъ жертвеннымъ животнымъ. Народъ, племя, семейство искупаютъ несправедливость, причиненную другому, чрезъ то, что нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ имъ, виновныхъ ли то или невинныхъ членовъ передаютъ оскорбленному для казни. Не столь понятно, какъ въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, является теорія мѣстозаступающаго удовлетворенія по отношенію къ жертвѣ животной. Если бы не существовала уже животная жертва, какъ жертва полкуна и жертва искупленія, то никогда человѣкъ не пришелъ бы къ тому, чтобы понятіе мѣстозаступающаго удовлетворенія перенести на жертвоприношенія животныхъ. Въ Египтѣ мѣстозаступающее жертвенное животное постоянно было обозначаемо клеймомъ или печатью, на которой былъ изображенъ привязанный къ столбу человѣкъ съ поставленнымъ къ его горлу ножомъ. Во многихъ мисологіяхъ мы находимъ пластически представленнымъ моментъ, когда религіозное сознаніе о мѣстозаступающей человѣческой жертвѣ переходитъ къ мѣстозаступающей животной жертвѣ,— и эта замѣна представляется какъ предначертаніе воли Божіей (жертвоприношеніе Исаака и Ифигеніи). Но въ жертвѣ,— говоритъ Гартманъ далѣе,—заключается гораздо большее значеніе, чѣмъ простое мѣстозаступленіе виновнаго жертвеннымъ животнымъ, именно мѣстозаступленіе самаго Бога, принимающаго жертву чрезъ жертвенное животное, каковое мѣстозаступленіе можетъ быть мыслимо, конечно, только символическимъ. Возможность такого символическаго мѣстозаступленія Бога жертвеннымъ животнымъ дана чрезъ то, что боги большею частію были почитаемы въ образѣ животныхъ, такъ что жертвенное животное могло быть понимаемо нѣкоторымъ образомъ какъ гіероглифъ самаго Бога. Навысшаго своего выраженія идея жертвы достигаетъ однако же тамъ, гдѣ жертвенное животное понимается какъ *посредникъ* между Богомъ и нуждающимся въ примиреніи человѣкомъ“...

Таково пониманіе смысла и значенія жертвеннаго культа, высказываемое раціоналистическими мыслителями нашего времени. Не трудно однако-же показать, какъ въ приведенномъ разсужденіи Гартмана ложь перепутана съ истинною, дѣйстви-тельно историческія черты и факты смѣшаны съ тенденціозными измышленіями невѣрія и даже враждебности къ истинамъ религіи богооткровенной. Такъ Гартманъ совершенно не имѣлъ никакого основанія утверждать, чтобы въ какой либо изъ извѣстныхъ исторіи религій животная жертва была признаваема заступающею мѣсто самаго Бога. Это утвержденіе есть дѣло не только праздною, но и злостной фантазіи самаго Гартмана, которому хотѣлось, очевидно, пародировать смыслъ христіанскаго ученія о голгоетской жертвѣ Богочеловѣка. Гартманъ свое фантастическое предположеніе думалъ обосновать на томъ, что иногда язычники признавали животныхъ носителями божества. Но въ этомъ случаѣ Гартманъ не принялъ во вниманіе во первыхъ того, что и язычники боготворили не всѣхъ животныхъ, а только нѣкоторыхъ, какъ, напр., египтяне почитали не всѣхъ быковъ сераписами, а только нѣкоторыхъ, имѣвшихъ извѣстные признаки, и во вторыхъ боготворимыя животныя никогда и нигдѣ не были приносимы въ жертву,—напротивъ того,—жертвы были приносимы именно этимъ боготворимымъ животнымъ. Далѣе,—Гартманъ не имѣлъ никакого разумнаго историческаго основанія и для того, чтобы утверждать, будто бы язычники когда-либо признавали за жертвенными животными значеніе посредниковъ между Богомъ и нуждавшимся въ примиреніи съ Нимъ грѣховнымъ человѣкомъ. Ни языческія религіозныя вѣрованія, ни мифологическія сказанія ничего подобнаго не говорятъ намъ. Невѣрующей и ставшей въ явно-враждебныя отношенія къ христіанству Гартманъ, очевидно, искалъ дешевой популярности среди новѣйшихъ эволюціонистовъ, любящихъ ставить христіанское вѣроученіе въ генетическую зависимость отъ язычества, хотя—и безъ всякаго научнаго основанія.

Затѣмъ Гартманъ съ непонятнымъ для философа легкомысліемъ утверждаетъ, будто-бы въ древнѣйшія времена язычники смотрѣли на жертву какъ на пищу боговъ. по кощун-

ственному выраженію его, боги также нуждались въ этой пищѣ для особеннаго проявленія своей силы, какъ лошади нуждаются въ овсѣ или водкѣ (?) Даже „израильски-еврейскій Яго“ будто бы ежедневно получалъ отъ людей свой ординарный обѣдъ. Въ доказательство своего болѣе, чѣмъ страннаго мнѣнія Гартманъ могъ бы привести какое либо *призрачное* основаніе не изъ религіозныхъ, а развѣ изъ грубо-миѳологическихъ представленій индійцевъ и грековъ (по Гомеру). Но во-первыхъ, нѣмецкій философъ долженъ былъ бы знать, что миѳологическія сказанія и религіозныя вѣрованія не одно и то же, а во-вторыхъ, что миѳологическія сказанія, появляясь уже въ эпоху упадка народныхъ религіозныхъ вѣрованій, часто заключаютъ въ себѣ только ироническое отношеніе къ оставленной народомъ религіи. Гартману, конечно, должно быть извѣстно, что по этой именно причинѣ Платонъ въ своемъ сочиненіи „О государствѣ“ не позволяетъ греческимъ дѣтямъ даже читать въ школахъ произведенія Гомера, равно какъ должно быть извѣстно ему и замѣчаніе Пифагора, что „Гомеръ и Гезіодъ должны потерпѣть въ аду тягчайшее наказаніе за тѣ *неприличныя* вещи, которыя они *выдумали* о богахъ“. Что касается разсужденія Гартмана о томъ, будто бы и израильски-еврейскій Богъ Яго ежедневно получалъ утромъ и вечеромъ свой ординарный обѣдъ, то мы не знаемъ, чему здѣсь больше удивляться—недостойному ли серьезнаго мыслителя кощунству или поразительному невѣжеству. Гартманъ не могъ не знать, что, по ученію ветхозавѣтнаго откровенія, Богъ есть чистый и всесовершенный духъ, Творецъ и Промыслитель міра, вседовольный и всеблаженный, дающій человѣку жизнь и все необходимое для ея поддержанія, а Самъ ни въ чемъ не нуждающійся. Гартману должно быть извѣстно и то, что, по вѣрованію ветхозавѣтныхъ евреевъ, Богу была угодна не самая жертва, въ смыслѣ закланія и сожженія того или другаго животнаго, а то настроеніе духа, въ которомъ ветхозавѣтный еврей приносилъ свою жертву. „Жертва Богу—духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже“,— вотъ какъ понимали ветхозавѣтные евреи силу и значеніе своихъ жертвоприношеній! И такое пониманіе было внушено

имъ Самимъ Богомъ: „Такъ говоритъ Господь: небо—престоль Мой, а земля—подножіе ногъ Моихъ, гдѣ же построите вы домъ для Меня, и гдѣ мѣсто покоя Моего? Ибо все это содѣлала рука Моя, и все сіе было, говоритъ Господь. А вотъ, на кого Я призрю: на смиреннаго и сокрушеннаго духомъ и на трепещущаго надъ словомъ Моимъ. Беззаконникъ же, закалающій вола—то же, что убивающій человѣка; приносящій агнца въ жертву—то же, что задушающій пса; приносящій семидалъ—то же, что приносящій свиную кровь; воскуряющій еиміамъ въ память—то же, что молящійся идолу“ (Ис. 66, 1—3).

Что нѣкоторые язычники, по своей грубости и утратѣ богооткровеннаго ученія, приписывали жертвѣ значеніе средства для укрощенія гнѣва боговъ и полученія отъ нихъ чисто матеріальныхъ благъ, то этого факта отрицать нельзя, хотя истинный смыслъ умиловительныхъ жертвъ могъ быть яснымъ не язычникамъ, а лишь израильтянамъ, сохранявшимъ въ чистотѣ ученіе божественнаго откровенія и вѣрно понимавшимъ его. Но даже и грубые язычники были слишкомъ далеки отъ того, чтобы приписывать своимъ жертвоприношеніямъ значеніе подкупа или взятки, даваемой Богу и Имъ принимаемой. Гартманъ предупреждаетъ возраженіе своихъ читателей замѣчаніемъ, что „мы не должны переносить свои понятія о справедливости и морали на первобытное состояніе культуры“. Эту фразу Гартманъ высказалъ, очевидно, потому, что въ то время, когда онъ писалъ свою книгу, еще пользовалась большою популярностію гипотеза *Бокля*, по которой нравственность народовъ будто-бы вполне зависитъ отъ той или другой степени ихъ умственнаго развитія. Но гипотезѣ этой не суждено было пользоваться продолжительнымъ обаяніемъ,—ибо противъ нея рѣзко говоритъ тотъ часто наблюдаемый опытъ, что простой деревенской крестьянинъ, не умѣющій ни читать, ни писать, своею нравственною жизнію и своимъ поведеніемъ нерѣдко превосходитъ великихъ ученыхъ и даже самыхъ философовъ. Древнихъ мы превзошли своимъ умственнымъ развитіемъ, а не своею нравственностію,—и потому если мы считаемъ подкупъ дѣйствіемъ противнымъ требованію нравственнаго закона, то не иначе могли смотрѣть на это и древніе.

Единственно вѣрную мысль въ своемъ разсужденіи о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ высказываетъ Гартманъ, когда утверждаетъ, что въ жертвахъ этого рода нужно усматривать значеніе *вины* и *наказанія* грѣховнаго человѣчества. Здѣсь Гартманъ не досказалъ только главнаго, — что вмѣстѣ съ сознаниемъ грѣха и наказанія въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ нужно видѣть еще и образъ будущихъ добровольныхъ страданій и смерти Мессіи за грѣхи всего рода человѣческаго. И эта то вѣра въ обѣтованнаго Мессію заключала въ себѣ силу, привлекавшую къ людямъ милость Божію. У язычниковъ остался только символъ; но идея его была утрачена, забыта; а потому и жертвы языческія были ложными жертвами, не привлекавшими дѣйствительной милости Божіей. Такими, впрочемъ, бывали жертвы и у ветхозавѣтныхъ евреевъ во времена упадка у нихъ истинной вѣры, когда они забывали истиннаго Бога и Его обѣтованія или когда они утрачивали разумѣніе истиннаго смысла жертвы и привязывались лишь къ одному символу, обряду, внѣшности, буквѣ. Тогда Господь говорилъ имъ прямо: „Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? Я пресыщенъ всесоженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота, и крови тельцовъ и агнцевъ, и козловъ—не хочу. Не носите больше даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно для меня; новомѣсячій и субботъ не могу терпѣть: беззаконіе—и празднованіе!“ (Ис. 1, 11. 13). „Жертва нечестивыхъ—мерзость предъ Господомъ, а молитва праведныхъ благоугодна Ему“ (Прит. 15, 8; 21, 27). „Не благоволитъ Всевышній къ приношеніямъ нечестивыхъ, и множествомъ жертвъ не умилостивляется о грѣхахъ ихъ“ (Сир. 34, 18. 19). „Всесоженія ваши неуютны и жертвы ваши неприятны Мнѣ“, говоритъ Господь (Иерем. 6, 20). Срв. Амос. 5, 21—22; „Съ чѣмъ предстанъ мнѣ предъ Господа, спрашиваетъ пр. Михей отъ лица грѣшника, преклониться предъ Богомъ Небеснымъ? Предстанъ ли предъ нимъ со всесоженіями, съ тельцами однолѣтними? Но можно ли угодить Господу тысячами овновъ или неисчетными потоками едея? Развѣ дамъ Ему первенца моего за преступленіе мое и плодъ чреза моего—за грѣхъ души моей“?

Что все человѣчество всегда сознавало себя грѣховнымъ

предъ Богомъ и за тяжкій прорадительскій грѣхъ подлежащимъ смерти,—это фактъ, не допускающій сомнѣнiя. Самъ Гартманъ приводитъ доказательство сказаннаго, упоминая о томъ, что египтяне клеймили жертвенное животное печатью, на которой былъ изображенъ привязанный къ столбу человекъ съ ножомъ, приставленнымъ къ его горлу. Мысль этого изображенiя понятна: не животное бы слѣдовало умерщвлять для удовлетворенiя оскорбленной правды Божией, а самаго человека, приносящаго въ жертву это животное. Но почему же умираетъ не человекъ, а животное? Откуда эта идея мѣстозаступничества? На эти вопросы точный и вѣрный отвѣтъ даетъ намъ только одно Божественное Откровенiе. Оно учитъ, что послѣ грѣхопаденiя прародителей, Богъ далъ имъ въ утѣшенiе обѣтованiе, по которому ихъ примиренiе съ Богомъ будетъ нѣкогда совершенно чистымъ и безгрѣшнымъ Богочеловѣкомъ, Который прiйметъ на себя добровольно наказанiе смертiю за грѣхи всего рода человѣческаго. Поэтому жертвы не были средствомъ примиренiя ¹⁾, а только символомъ мессiанской идеи, и жертвенныя животныя не имѣли значенiя мѣсто заступничества человека, а только значенiе *прообраза* единственнаго Мѣстозаступника всего рода человѣческаго, единственнаго Примирителя и Ходатая между Богомъ и человекомъ—истиннаго Сына Божiя. Мысль эта довольно ясно раскрывается многими богодухновенными ветхозавѣтными писателями, напр., Давидомъ и Исаею, но особенно полно выражена она въ краткихъ словахъ Иоанна Крестителя, указавшаго своимъ ученикамъ на мимошедшаго Христа и при этомъ возвѣстившаго величайшую истину: „вотъ *Агнецъ* Божiй берущiй на Себя грѣхи всего мiра!“. Не всѣ животныя были приносимы въ жертву Богу. Самая идея мѣстозаступничества требовала того, чтобы символомъ или прообразомъ его было то, что ближе всего стоитъ къ человеку и что хотя нѣкоторымъ

¹⁾ Ап. Павелъ говоритъ (Евр. 10, 1—4): „Законъ, имѣи тѣмъ будущихъ благъ, а не самый образъ вещей, однѣми и тѣми же жертвами, каждый годъ постоянно приносимымъ, никогда не можетъ сдѣлать совершенными приходящихъ съ нимъ. Иначе перестали бы приносить ихъ, потому что приносящiе жертву, бывши очищены однажды, не имѣли бы уже никакого сознанiя грѣховъ. Но жертвами ежегодно напоминаетъ о грѣхахъ, ибо невозможно, чтобы кровь тельцовъ и козловъ уничтожала грѣхи“.

образомъ могло бы замѣнить его самаго. Изъ всѣхъ животныхъ такое значеніе скорѣе всего могло принадлежать такъ называемымъ домашнимъ животнымъ. По этой-то причинѣ въ жертву и были приносимы не дикіе звѣри и животныя, а тѣ, которыя ближе всего стояли къ человѣку, служили ему и поддерживали его существованіе и непремѣнно *мужескаго пола*. Конечно, лучше всего идею мѣстозаступничества могъ бы осуществить только первый сынъ каждаго человѣка, его представитель, его наслѣдникъ, самое любимое имъ существо; и неудивительно, что въ язычествѣ, подѣ руководствомъ только естественнаго разума, идея мѣстозаступничества и нашла для себя послѣднее осуществленіе въ жертвоприношеніи дѣтей. Но у еврейскаго народа такихъ жертвъ не было. Милосердый Господь, по благи своей, не допустилъ ихъ. Евреи ограничились приношеніемъ въ жертву животныхъ и посвященіемъ Богу первенцевъ мужескаго пола вмѣстѣ съ приношеніемъ за нихъ жертвеннаго животнаго или орлицъ.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ довольно труднымъ возраженіемъ, которое раціоналистическіе мыслители (Ренанъ, Фонъ-деръ-Альмъ, Гартманъ и др.) дѣлаютъ и противъ того жертвеннаго культа, какой совершали ветхозавѣтные евреи. Эти мыслители выходятъ изъ понятія о Богѣ, какъ всеблагомъ и премудромъ Существомъ. Отнимать жизнь у животнаго,—говорятъ они,—есть зло; какимъ же образомъ можно думать, чтобы всеблагій Богъ установилъ его въ видѣ приношенія въ жертву животныхъ и притомъ животныхъ не вредныхъ, а наиболѣе полезныхъ человѣку,—домашнихъ, да и между домашними животными—наилучшихъ—чистыхъ, не имѣющихъ никакого недостатка, первородныхъ изъ стада, однолѣтнихъ? Пусть идея мессіанскаго мѣстозаступничества, человѣческой вины и наказанія, возвышенна и спасительна; но отчего она не могла быть выражаема и сохраняема болѣе достойнымъ и Бога, и человѣка образомъ, напр. въ исповѣданіи, молитвѣ, или пѣснопѣніяхъ? Если необходимо для ея выраженія символъ, почему не былъ избранъ такой, который не возмущалъ бы совершенно естественнаго человѣческаго чувства? Если намъ непріятно видѣть кровь зарѣзанной для обѣда курица; то какъ мы можемъ вѣрить, чтобы

всѣмъ благодѣлю Богъ находилъ пріятнымъ пролитіе невинной и никому ненужной крови Имъ же Самимъ созданнаго животнаго?

Что отнятіе жизни вообще есть зло, хотя часто и неизбежное, но все же не желательное, и что не Богъ вообще есть виновникъ зла,—этотъ вопросъ мы разрѣшили, точно слѣдуя святоотеческимъ наставленіямъ въ своей книгѣ: „Зло, его сущность и происхожденіе“. Но что закланіе животныхъ для жертвоприношенія не есть зло, это видѣть не трудно человѣку, вѣрующему въ Божественное Откровеніе. Самъ Господь разрѣшилъ людямъ употреблять въ пищу животныхъ: „Да страшатся и да трепещутъ васъ всѣ звѣри земныя, и весь скотъ земный, и всѣ птицы небесныя,—сказалъ Господь Ною и сыновьямъ его послѣ потопа (Быт. 9, 2—3), все, что движется на землѣ, и всѣ рыбы морскія: въ ваши руки отданы они. Все движущееся,—что живетъ, будетъ вамъ въ пищу; какъ зелень травную даю вамъ все“. Но что дозволено Богомъ, то не есть зло. Если же умерщвленіе животныхъ для употребленія въ пищу не есть зло, тѣмъ болѣе нельзя называть зломъ закланіе животныхъ для жертвоприношенія. Жертвенное животное не только было освященною пищею для тѣла, но, при пониманіи значенія жертвы и вѣры въ будущую жертву Голгоетскую, оно наилучшимъ образомъ питало еще и душу вѣрующаго. Впрочемъ, возможенъ и другой отвѣтъ на приведенное выше возраженіе рационалистическихъ писателей. Мы разумѣемъ здѣсь одно изъ наставленій великаго отца Церкви и защитника православной вѣры, св. Іоанна Златоустаго. Приведа буквально 11-й стихъ 1 главы книги пророка Исаи, Златоустъ говоритъ ¹⁾: „Слышалъ ты гласъ (Божій), весьма ясно говорящій, что сначала Онъ не требовалъ отъ васъ этихъ жертвъ? Ибо, еслибы требовалъ ихъ, то этимъ установленіямъ первыми подчинилъ бы всѣхъ древнихъ, которые еще до нихъ прославились. Для чего же, скажешь, Онъ позволилъ послѣ? Снисходя къ вашей немощи. Какъ врачъ, видя, что больной горячкою человѣкъ, своенравный и нетерпѣливый, хочетъ выпить холодной воды, и угрожаетъ, если ему не дадутъ, на-

¹⁾ Срв. Творенія, т. I. кн. 1 Сиб. 1895, стр. 678.

кинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращения большого зла, допускаетъ меньшее, только бы отклонить больного отъ насильственной смерти; такъ точно поступилъ и Богъ. Какъ увидѣлъ Онъ, что евреи бѣснуются, скучаютъ, хотятъ жертвъ, готовы, если имъ не позволятъ этого, обратиться къ идоламъ, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволилъ имъ жертвы. И что это было причиной, можно видѣть изъ самаго времени позволенія. Богъ позволилъ имъ жертвы уже послѣ того, какъ они совершили праздникъ въ честь злыхъ демоновъ, какъ бы такъ говоря имъ: вы бѣснуетесь и хотите приносить жертвы; такъ приносите ихъ, по крайней мѣрѣ, Мнѣ. Впрочемъ, и позволивъ это, Онъ не навсегда далъ такое позволеніе, но премудрымъ способомъ опять отнялъ его. Какъ врачъ (ничто не мѣшаетъ мнѣ опять употребить тотъ же примѣръ), уступая прихоти больного, приносить изъ своего дома сосудъ и приказываетъ ему пить изъ него одного, а потомъ, когда больной согласится на это, тайно велитъ подающимъ питье разбить этотъ сосудъ, чтобы незамѣтно и не подавая вида отклонить больного отъ его прихоти: такъ поступилъ и Богъ. Позволивъ іудеямъ приносить жертвы, Онъ не позволилъ дѣлать это ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима; потомъ, когда они нѣсколько времени приносили жертвы, разрушилъ этотъ городъ, чтобы, какъ врачъ разбитіемъ сосуда, такъ и Богъ разрушеніемъ города—отвлечь ихъ, и поневолѣ, отъ этого дѣла. Еслибы Онъ прямо сказалъ: перестыньте; они не легко бы согласились оставить страсть къ жертвамъ; но теперь, по самой необходимости ихъ пребыванія, Онъ незамѣтно отвелъ ихъ отъ этой страсти¹⁾. Эту мысль о жертвахъ св. Іоаннъ Златоустъ проводитъ въ своихъ Твореніяхъ настойчиво и неоднократно¹⁾,—причемъ его не смущаетъ даже и то, что, по свидѣтельству Библии, животную жертву приносилъ уже Авель²⁾. Такимъ образомъ, по наставленію св. Златоуста, само человѣчество, при помощи только своего разума, пришло

¹⁾ Срв. тамъ-же стр. 615. 617. 626: 630. 632. 639. 644. 647. 655. 662. 675. 677—678. 703—704. 721—722. 723--725 и др.

²⁾ Тамъ-же стр. 647.

къ мысли въ образѣ жертвеннаго животнаго и его закланія символизировать идею своей грѣховности и наказанія съ одной стороны и мессіанскаго мѣстоазтупничества съ другой; Богъ же, не устанавливая Самъ этого обрядоваго священнодѣйствія, только дозволилъ его на нѣкоторое время, т. е., до полного осуществленія этой идеи въ лицѣ Іисуса Христа и въ Его крестной смерти. Кто согласенъ съ такимъ наставленіемъ величайшаго изъ отцовъ церкви, для того приведенное нами возраженіе раціоналистическихъ мыслителей уже, конечно, не представляетъ никакого затрудненія и утрачиваетъ всю свою силу.

8. Изъ сказаннаго нами раньше объ *общественномъ* характерѣ религіознаго культа съ логическою необходимостію должно вывести заключеніе, что къ числу существенныхъ признаковъ религіи должно отнести также *религіозную общину* или *церковь*, какъ общество лицъ одинаково вѣрующихъ въ Бога или боговъ, имѣющихъ одинаковый религіозный культъ, одинаковую религіозную дисциплину и одинаково понимающихъ требованія нравственнаго закона. И дѣйствительно, исторія свидѣтельствуеть намъ, что религіозныя вѣрованія всегда лежали въ основаніи различныхъ религіозныхъ общинъ. Такъ исключительно по причинѣ религіозныхъ вѣрованій и религіознаго культа мы называемъ однихъ людей—язычниками, другихъ—буддистами, третьихъ—магометанами, четвертыхъ—евреями, пятыхъ—христіанами. Существованіе религіозныхъ обществъ должно быть названо существеннымъ признакомъ религіи уже потому, что оно не можетъ быть явленіемъ случайнымъ, а съ необходимостію вытекаетъ, какъ и общественный религіозный культъ, изъ самой природы душевной жизни человѣка. „Совершенно неосновательно религіозное *чувство* иногда представляется,—говоритъ Н. П. Рождественскій,—чувствомъ наиболѣе субъективнымъ, индивидуальнымъ изъ всѣхъ другихъ *чувствъ*; изолированность, самозамкнутость, вообще недостатокъ общительности напротивъ въ наибольшей степени противорѣчатъ природѣ истинно-религіознаго чувства. Религіозное *чувство* не можетъ довольствоваться субъективнымъ убѣжденіемъ; оно стремится подѣлиться съ другими своими *убѣжденіями*, къ повѣркѣ своихъ *убѣжденій* съ *убѣжденіями* другихъ,—къ достиженію согласія и

единенія всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ относительно истинъ вѣры“. Это разсужденіе, вѣрное само въ себѣ, не чуждо однако же нѣкоторой неточности. Какъ сущность религіи нельзя полагать только въ одномъ религіозномъ чувствѣ, такъ нельзя видѣть въ немъ только одномъ и естественнаго основанія для религіозной общины или церкви. Самъ проф. Рождественскій несомнѣнно былъ такого мнѣнія, какъ и мы,—иначе онъ не говорилъ бы объ *убѣжденіяхъ* и религіозныхъ *истинахъ*. Естественнымъ основаніемъ для каждой религіозной общины служатъ—единство вѣрованія, единство нравоученія, единство дисциплины и единство религіознаго культа. Съ этой точки зрѣнія мы должны признать безукоризненно точнымъ то понятіе о церкви, которое предложено митрополитомъ Филаретомъ въ Пространномъ христіанскомъ катихизисѣ.

Итакъ, существенными признаками дѣйствительной (а не измышляемой) религіи оказываются; 1) вѣра въ бытіе живаго и личнаго Бога, 2) вѣра въ возможность и дѣйствительность божественнаго откровенія, 3) вѣра въ бытіе особаго міра духовъ, 4) вѣра въ личное безсмертіе души человѣка, 5) нравственность и благочестіе, основанныя на ученіи божественнаго откровенія, 6) особенное настроеніе духа или религіозныя чувствованія, 7) религіозный культъ и 8) религіозная община или церковь. Имѣть въ виду эти признаки необходимо для правильнаго сужденія о сущности религіи. Многіе западно-европейскіе мыслители, какъ мы сказали уже выше, потому именно составили себѣ ложное или одностороннее понятіе о сущности религіи, что всегда имѣли въ виду только одинъ какой либо изъ ея существенныхъ признаковъ и какъ-бы забывали о другихъ. Одинъ изъ признаковъ религіи они смѣшивали съ самою сущностью ея. Вслѣдствіе этого, какъ увидимъ ниже, одни мыслители отождествляли религію съ знаніемъ, другіе—съ нравственностію, третьи полагали сущность религіи въ непосредственномъ чувствованіи и т. д. По этой же причинѣ мы не встрѣчаемъ между западно-европейскими мыслителями согласія даже и въ опредѣленіи того, что нужно разумѣть подъ именемъ религіи.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что всѣ существенные признаки

или моменты религіи находятся въ полномъ и стройномъ гармоническомъ соотношеніи между собою только въ одной истинной богооткровенной или христіанской религіи; въ другихъ же религіяхъ—ложныхъ, въ которыхъ религіозной потребности человѣка стремился удовлетворить одинъ ограниченный разумъ человѣческій, отдается явное предпочтеніе одному изъ религіозныхъ моментовъ предъ другими. Такъ, напр., индійскіе браманы, египтяне, греки и римляне ограничивали обязанности своихъ жрецовъ только богослужебнымъ культомъ; но мы не знаемъ, чтобы они требовали отъ нихъ проповѣди о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка. Объ этомъ несомнѣнно больше заботились ихъ поэты и философы. Буддизмъ напротивъ всю сущность религіи заключилъ въ одну систему своей морали и ничего не знаетъ о вѣроученіи. Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ увидимъ въ свое время, также заключалась для нѣкоторыхъ мыслителей причина ихъ односторонняго рѣшенія вопроса о сущности религіи и ея происхожденіи.

Ознакомившись съ существенными признаками дѣйствительной религіи, мы теперь можемъ перейти уже и къ разсмотрѣнію тѣхъ многочисленныхъ гипотезъ, которыя предложены многими мыслителями для разрѣшенія труднѣйшаго вопроса о сущности религіи и объ ея происхожденіи въ человѣческомъ родѣ.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ.*

ВѢРА И ЗНАНІЕ.¹⁾

Человѣкъ во всякомъ своемъ знаніи является вѣрующимъ и во всякой вѣрѣ знающимъ. Онъ познаетъ настолько, насколько вѣритъ, и вѣритъ настолько, насколько знаетъ. Нѣтъ знанія безъ вѣры и нѣтъ вѣры безъ знанія. Чистое знаніе безъ вѣры—иллюзія, существующая только въ воображеніи именующихъ себя представителями чистаго знанія. Кто въ своемъ знаніи хочетъ обойтись безъ вѣры, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго знанія и навсегда остаться скептикомъ. Съ другой стороны, только по недоразумѣнію можно говорить о вѣрѣ слѣпой, безотчетной, исключаяющей всякое знаніе и не опирающейся ни на какихъ доводахъ разума. Кто въ своей вѣрѣ думаетъ отказаться отъ разума, тотъ, долженъ перестать быть разумнымъ, т. е. долженъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть. „Знаніе и вѣра—это два близнеца, таящіеся въ донѣ каждаго человѣческаго духа, съ пробужденіемъ сознанія одновременно рождающіеся и вмѣстѣ, рука объ руку, идущіе въ жизни,—это два цвѣтка, выросшіе изъ одного и того же корня. Сорвите одинъ изъ цвѣтковъ, поблекнетъ и другой: знаніе безъ вѣры будетъ сомнѣніемъ и отчаяніемъ, этимъ смертельнымъ червемъ въ груди невѣрующаго. Вѣра безъ знанія превратится въ мечту, въ суетвѣріе, въ бредъ“²⁾). Вотъ заключеніе, къ какому приводитъ всякое безпристрастное и истинно научное рѣшеніе часто обсуждаемаго въ наше время вопроса объ отношеніи вѣры и знанія. Такое именно рѣшеніе этого вопроса

---

1) Публичное чтеніе въ залѣ Казанской Городской Думы.

2) *Геттингера*, Апологія христіанства, ч. I. отд. 2. стр. 9—10.

мы находимъ въ древней святоотеческой литературѣ у знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви, изъ которыхъ многіе съ глубоко христіанскою вѣрою соединяли широкое и основательное по своему времени научное свѣтское образованіе ¹⁾).

Предлагая это давно извѣстное рѣшеніе стараго и всегда новаго вопроса объ отношеніи вѣры и знанія вниманію настоящаго собранія, я знаю, что оно (рѣшеніе) нѣкоторымъ покажется страннымъ и неудобовразумительнымъ. Въ современной наукѣ и въ современномъ свѣтскомъ образованномъ обществѣ особенно большою распространенностью пользуется мнѣніе, будто вѣра и знаніе также относятся другъ къ другу, какъ свѣтъ ко тьмѣ; гдѣ, говорятъ, вѣра, тамъ нѣтъ мѣста знанію; а гдѣ знаніе, тамъ нѣтъ вѣры. Область вѣры—религія, а область знанія—наука. Религія и наука другъ другу противоположны и одна другую исключаютъ. Содержаніе всякой религіозной вѣры, въ особенности христіанской, не подлежитъ раціональному оправданію, или обоснованію. Оно находится въ противорѣчьи съ наличнымъ содержаніемъ научнаго знанія. Стоять на уровнѣ современнаго научнаго развитія и сохранить истинную сердечную религіозную настроенность—дѣло невозможное. Въ религіи мы должны довольствоваться вѣрою безъ надежды когда либо согласить ее съ разумомъ. Истины вѣры не только выше разума, но и противны ему; онѣ требуютъ себѣ слѣпago подчиненія. „Чтобы получить возможность узнать, нужно перестать вѣрить“, говорилъ Штраусъ. Вѣровать—это просто значитъ не познавать, принимать что-либо безъ изслѣдованія.—Такое мнѣніе, сдѣлавшееся ходячимъ въ современной антирелигіозной философіи, высказывается иногда людьми, повидимому, искренно вѣрующими, защитниками религіи. Отъ людей, мнящихъ себя преданными религіи, нерѣдко приходится слышать, что религія есть дѣло исключительно вѣры и не оставляетъ мѣста разуму, что дѣятельность послѣд-

¹⁾ Святоотеческія свидѣтельства по этому вопросу можно найти въ соч. Струминова: „Вѣра, какъ увѣренность, по ученію православія, 1—2. 1887 г. Краткую исторію вопроса объ отношеніи вѣры и знанія можно читать въ соч. Арх. Бориса „Общее введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ“. Кіевъ 1890 г, стр 40—82.

няго въ области религіозныхъ вѣрованій не только бесплодна, но прямо вредна и разрушительна, потому что ослабляетъ движенія религіознаго чувства, понижаетъ уровень религіозной настроенности и приводитъ если не къ невѣрью, то, по крайней мѣрѣ, къ религіозному равнодушію. Истинная религіозность, говорятъ, находится только среди людей простыхъ, чуждыхъ науки и образованія, руководящихъ въ религіи не разумомъ, а сердцемъ, всегда вѣрующимъ слѣпо и безотчетно. Тихія и сладостныя ощущенія вѣры принадлежатъ только дѣтству и ранней юности, которыя живутъ только сердцемъ и воображеніемъ; онѣ невозвратимы для людей созрѣвшихъ въ знаніи и опытѣ жизни.—Нѣтъ нужды говорить о вредѣ такихъ взглядовъ для религіозно-нравственной жизни. Ослѣпленіе успѣхами современнаго знанія, особенно въ области прикладныхъ наукъ, естественно поддерживаетъ недружелюбное настроеніе въ отношеніи къ религіи, держитъ вдали отъ христіанства, представляющагося ослѣпленнымъ поборникамъ знанія какимъ-то тормазомъ на пути культурнаго движенія. Для многихъ увѣровать значитъ отказаться отъ разума, такъ много облагородившаго и улучшившаго жизнь современнаго человѣка, сдѣлавшаго его не номинальнымъ, а дѣйствительнымъ царемъ неразумной природы, и возвратиться ко временамъ грубыхъ суевѣрій, доселѣ сохраняющихся среди некультурной части человѣчества. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Справедливы-ли приведенныя сужденія о противоположности вѣры и знанія? Правда-ли, что истинная религіозность возможна только при полномъ заглушеніи требованій разума? Дѣйствительно-ли христіанская религія есть дѣло только слѣпой и безотчетной вѣры и не можетъ быть предметомъ знанія?—Уясненіе несправедливости распространеннаго въ наше время взгляда о несовмѣстимости вѣры и знанія и составляетъ задачу нашего чтенія.

I.

Вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ (2 Кор. V, 7). Въ этихъ словахъ св. апостола Павла кратко, но выразительно опредѣляется характеръ не только религіознаго, но всякаго знанія вообще. Вѣра проникаетъ всѣ виды человѣческаго знанія и

служить основою жизни. Дѣти вѣрятъ родителямъ, ученикъ учителю, и вѣрою научаются мыслить, говорить и познавать. Человѣкъ вѣритъ въ свидѣтельство своихъ внѣшнихъ чувствъ, передающихъ ему впечатлѣнія отъ видимыхъ предметовъ; вѣритъ въ свой разумъ, что его представленія, понятія, сужденія и умозаключенія правильны, согласны съ дѣйствительною природою вещей; вѣритъ въ авторитетъ другихъ людей, когда они сообщаютъ ему что либо неизвѣстное, имъ самимъ не видѣнное и не испытанное. По справедливому замѣчанію одного ученаго, безъ вѣры мы не могли бы твердо и съ увѣренностью становиться на землю ногой; безъ вѣры мы не могли бы ни на что рѣшиться, не могли бы ничего предпринять для завтрашняго дня, для слѣдующаго часа. Вѣра господствуетъ надъ всею жизнью, опредѣляетъ всѣ дѣйствія и взаимоотношенія людей. Изображая это господство вѣры въ жизни, *св. Кириллъ Иерусалимскій* говоритъ: „И не у насъ только однихъ, посящихъ на себѣ имя Христово, достоинство вѣры велико, по и все, что совершается въ мірѣ, даже тѣми, которые чужды Церкви, совершается вѣрою. Вѣрою законы супружество сочетаваютъ во едино далекихъ между собою, и по вѣрѣ въ брачныя обязательства человѣкъ дѣлается участникомъ въ обладаніи рабами и имѣніемъ другого. Вѣрою держится и земледѣліе. Кто не вѣритъ, что получить плодъ, тотъ не станетъ переносить труды. По вѣрѣ люди пускаются въ море, ввѣривъ себя малому древу, самую твердую изъ стихій землю мѣняютъ на непостоянное стремленіе волнъ, неизвѣстнымъ предаваясь надеждамъ и имѣя только вѣру, которая для нихъ надежнѣе всякаго якоря. Поэтому вѣрою держится большая часть дѣлъ человѣческихъ, и въ этомъ, какъ сказано, увѣрены не мы одни, но и тѣ, которые внѣ Церкви. Ибо хотя не принимаютъ они писаній, выдаютъ же свои какія-то ученія, но и эти ученія принимаютъ вѣрою“¹⁾. Дѣйствительно, какое ученіе, какая наука въ послѣдней своей основѣ не зиждется на вѣрѣ? Историкъ *отрываетъ* письменнымъ памятникамъ, оставленнымъ предками и по нимъ заключаетъ о прошлой жизни людей. Геог-

¹⁾ См. 5-е огласительное слово.

рафъ пишетъ о народахъ и земляхъ, которыхъ онъ не видѣлъ, пишетъ на основаніи сообщеній путешественниковъ, коимъ *вѣритъ*. Естествоиспытатель *вѣритъ* въ то, что сообщаютъ ему собраты по наукѣ, *вѣритъ* въ ихъ опыты, изслѣдованія и заключенія; воспринимая *вѣрою* результаты ихъ изслѣдованій, онъ провѣряетъ и дополняетъ ихъ собственными изысканіями, которыя *вѣрою* усвояются другими послѣдующими труженниками науки. Напрасно говорятъ, что въ естествознаніи только одно чистое знаніе и ничего не принимается на вѣру. Нѣтъ, и въ немъ господствуетъ вѣра; и опытная наука не обходится безъ предположеній, принимаемыхъ только на вѣру. Кто и когда видѣлъ, на примѣръ, атомы, о которыхъ говоритъ естествознаніе, какъ объ основныхъ элементахъ бытія? Въ особенности, кто видѣлъ *вѣчный* атомъ? Что такое силы природы, какъ не простое предположеніе съ цѣлью объясненія явленій, нисколько не объясняющее ихъ внутренней природы? Что такое электричество и магнетизмъ, которыми объясняютъ въ настоящее время многія явленія во внѣшней природѣ? Въ чемъ сущность химическаго сродства, о которомъ говоритъ химія при описаніи химическихъ явленій? Въ чемъ сущность жизни, которую изучаетъ біологія? Что такое законъ притяженія, открытый Ньютономъ? какова его природа? Помѣщается ли сила тяготѣнія въ самихъ притягаемыхъ тѣлахъ, или же внѣ послѣднихъ существуетъ какое либо особое невидимое тѣло, обусловливающее и производящее сцѣпленіе и притяженіе прочихъ тѣлъ? Или, можетъ быть, эта сила совершенно безтѣлесна, нематеріальна? Все здѣсь слова и слова и каждое слово выражаетъ тайну, принимаемую на вѣру. „Я знаю, говоритъ *Ньютонъ*, законъ притяженія; но если меня спросятъ: что такое собственно притяженіе, у меня нѣтъ отвѣта“. „Что такое жизненная сила, говоритъ *Буймейстеръ*, объ этомъ мы знаемъ такъ же мало, какъ и о томъ, что такое сила сама въ себѣ и потому удовлетворяемся скуднымъ объясненіемъ, что она есть причина всѣхъ явленій въ матеріи“. „Сила и матерія—это только абстракція“, говоритъ *Гельмгольцъ*. „Что пользы, говоритъ *Дю-Буа-Реймондъ*, въ томъ, если скажутъ, что есть сила взаимнаго притяженія, посредствомъ которой двѣ

частички матеріи приближаются одна къ другой? Тутъ нѣтъ ни тѣни проницаія въ существо процесса¹⁾.

Мы знаемъ, что изъ посѣяннаго въ землѣ сѣмени произрастаетъ дерево, что для этого необходимы свѣтъ, теплота и воздухъ,—но тѣмъ и исчерпывается все наше знаніе. Но какъ именно реально дѣйствуютъ на произрастаніе свѣтъ, теплота и воздухъ и въ чемъ именно заключается сокровенная сила ихъ дѣйствія, на это мы не можемъ дать никакого отвѣта. Жизнь растенія слѣдовательно для насъ тайна. По этому, строго говоря, мы *не знаемъ*, а *вѣруемъ*, что дерево растетъ²⁾. Вѣра составляетъ существенный элементъ даже въ области математики, которая обыкновенно почитается системою чистаго знанія. Что такое, на примѣръ, математическая точка, какъ не фикція, какъ не предположеніе, принимаемое на вѣру? Что такое прямая линія въ геометріи, какъ тоже не предположеніе, недоказуемое строго логически? Джонъ Стюартъ Милль вѣрно замѣчаетъ, что линія, какъ она опредѣляется геометрами, т. е. длина безъ ширины, есть нѣчто совершенно непостижимое и недоказуемое. А видѣлъ-ли кто безконечно большія и безконечно малыя величины, о которыхъ говоритъ математика? Огюсть Контъ считаетъ теорію безконечно-малыхъ математическихъ величинъ одинаковою съ ученіемъ объ атомахъ, каковое ученіе на его взглядъ есть не болѣе, какъ мечтательно-логическое построеніе, а не плодъ знанія³⁾. Можно сказать болѣе. Всѣ математическія построенія сводятся къ аксіомамъ. Но почему аксіомы вѣрны? Почему цѣлое равно своимъ частямъ? Почему $2 \times 2 = 4$? Причина одна: человѣкъ *вынуждается* мыслить числовыя отношенія въ такомъ, а не иномъ порядкѣ, онъ *долженъ* мыслить такъ и *не можетъ* мыслить иначе по присущимъ ему логическимъ законамъ. Аксіомы принимаются не по причинѣ ихъ доказуемости, а по причинѣ невозможности мыслить имъ противное, т. е. *на основа-*

1) См. у. Геттингера, Анологія христіанства ч. I. отд. 2 стр. 19

2) Странникъ за 1894 г. 1. ст. Е. Аксимова: „Научно-богословское оправданіе христіанства, стр. 648.

3) А. Гусева. Потребность и возможность научнаго оправданія христіанства, стр. 26.

ни вѣры въ логическіе законы мышленія. Они принимаются какъ данный фактъ, безъ разслѣдованія его внутренняго генезиса, безъ постиженія его глубочайшихъ основъ и метафизической сущности ¹⁾. Въ новое время не только философы, но и естествоиспытатели настойчиво утверждаютъ, что самое бытіе внѣшняго міра принимается нами на вѣру. Психологія, фізіологія и физика съ неотразимою очевидностью доказываютъ, что все то, что человѣкъ воспринимаетъ, представляетъ, мыслить на основаніи воспринятаго, имѣетъ *субъективный* характеръ, т. е. существуетъ только въ человѣческомъ сознаніи. Наше познаніе внѣшняго міра ограничивается только нашими внутренними состояніями. Внѣшній міръ есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія и существуетъ только въ явленіи, въ ощущеніи, въ идеяхъ. Вещи въ дѣйствительности—это наши постоянныя и независимыя идеи, только подъ другимъ названіемъ, подъ названіемъ тѣхъ или другихъ предметовъ. Нельзя доказать, что эти идеи вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ предметамъ; нельзя доказать, что дерево, которое я воспринимаю, дѣйствительно таково и само по себѣ, какимъ я его воспринимаю и представляю. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что существо, одаренное иными свойствами, чѣмъ я, будетъ воспринимать и представлять это дерево инымъ образомъ. Чувства, которыми мы такъ гордимся и которымъ однимъ хотѣли-бы вѣрить, не только часто насъ обманываютъ, но и никогда вообще не доставляютъ намъ объективной истины. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены въ правильной воспримчивости нашихъ чувствъ, убѣждены, что предметы внѣшняго міра отражаются въ нашемъ сознаніи со всѣми своими признаками.

Такимъ образомъ все въ нашемъ мышленіи и знаніи покоится на *вѣрѣ*, на *вѣрѣ* въ нашу природу. Всякое, самое опытное знаніе, всегда есть не что иное, какъ *вѣра*,—вѣра потому, что во всякомъ познаніи мы видимъ предметъ не непосредственно, а единственно только въ зеркалѣ нашей познавательной способности, относительно которой больше или мень-

¹⁾ Въ названной ст. *Аквилонова*, стр. 645.

ше *върнмъ*, что она у насъ отражаетъ предметы правильно, вѣрно предметной дѣйствительности ¹⁾. Вообще, вѣра всюду и вездѣ; вѣра въ наукѣ, вѣра и въ жизни, только по недоразумѣнію можно говорить о чистомъ знаніи, въ которомъ нѣтъ вѣры. Только люди поверхностные, дилетанты, усвоивающіе верхушки знаній и не проникающіе въ глубь вещей, могутъ въ самообольщеніи утверждать, что они все знаютъ и ничего не принимаютъ на вѣру. Свойство серьезныхъ и глубоко-мыслящихъ умовъ таково, что они по мѣрѣ увеличенія знаній, по мѣрѣ расширенія умственного кругозора, все болѣе и болѣе сознаютъ свое невѣдѣніе и признаютъ тайны, постигаемыя только вѣрою. Не даромъ одинъ изъ глубокихъ мыслителей древности говорилъ, что онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Знаменитый *Ньютонъ* сравнивалъ себя съ маленькимъ мальчикомъ, который играетъ на берегу моря и забавляется тѣмъ, что тамъ и сямъ находитъ гладкій камешекъ, или красивую раковину, между тѣмъ какъ великій океанъ истины лежитъ предъ нимъ неизвѣданнымъ. Кто не хочетъ вѣрить, тотъ ничего и не узнаетъ. Вѣра—необходимое условіе, исходный пунктъ всякаго научнаго изслѣдованія. Ученый, приступающій къ изслѣдованію того или другого вопроса, заранѣе предполагаетъ искомую истину на вѣру. Исканію истины всегда предшествуетъ нѣкоторое *предварительное* знаніе ея или, точнѣе, предчувствіе. Какъ начнешь искать того, чего совсѣмъ не знаешь и когда найдешь искомое, какъ удостовѣриться, что нашелъ то самое, чего искалъ? спрашивалъ Сократъ. Это признаетъ главный представитель новой позитивной философіи О. Контъ ²⁾. Вѣра—путеводная звѣзда во всѣхъ изслѣдованіяхъ; она намѣчаетъ предметъ, руководитъ мыслями, дѣлаетъ подборъ фактовъ, представленій, понятій, сочетаваетъ одни, устраняя другія. Безъ вѣры было бы одно только безцѣльное блужданіе ума. Научныя изысканія служатъ только къ оправданію и обоснованію предварительной непосредственной увѣренности

¹⁾ *Никанора, арх. Херсонскаго* т. 5, стр. 240—242 въ „Бесѣдѣ о томъ, что вѣра православно-христіанская есть знаніе“.

²⁾ *А. Введенскаго*, Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. См. въ „Прав. Обзорѣніи“ за 1890 г. т. 1 стр. 659.

въ истинѣ. Они не новое, совершенно невѣдомое открываютъ, а раньше извѣстное подтверждаютъ и разъясняютъ. Система всякаго научнаго знанія есть лишь логическій процессъ оправданія *вѣры*. Въ этомъ смыслѣ Климентъ Александрійскій вѣру называлъ *предвареніемъ* мысли (*προληψεις*). Вѣра воспринимаетъ истину прежде разума. Научное демонстративное знаніе всегда опирается на началахъ, которыя не выводятся изъ какихъ либо высшихъ началъ, но обыкновенно принимаются безъ доказательствъ, какъ достовѣрныя и несомнѣнныя; мы непосредственно убѣждены въ ихъ истинности. Это непосредственное убѣжденіе и есть вѣра. Несправедливо думаютъ, будто нашимъ мышленіемъ не заправляетъ ничто, кромѣ логики. Логика есть лишь слѣпое орудіе, которое можно повернуть въ какую угодно сторону. Она—не глазъ, указывающій путь, а ноги, которыя идутъ туда, куда велитъ имъ глазъ, и этотъ глазъ въ мышленіи есть предвзятое, заранѣе составленное рѣшеніе вопроса или *вѣры*. *Аще не уверите, ниже имате разумѣти* (Ис. 7, 9). Знать значитъ прежде всего вѣровать. *Вѣрою ходимъ* (2 Кор. V, 7) и *вѣрою разумѣваемъ* (Евр. 11, 3). Абсолютное невѣріе существуетъ только на словахъ; на самомъ дѣлѣ никогда не было вполнѣ невѣрующихъ. Мы обыкновенно называемъ невѣрующими тѣхъ, кто отвергаетъ бытіе Бога, промыслъ, безсмертіе и другіе догматы христіанской религіи. Но отрицаніе христіанскихъ истинъ не есть еще полное невѣріе, потому что съ нежеланіемъ вѣрить въ тайны откровенной религіи обыкновенно соединяется вѣра въ непостижимѣйшія заблужденія. „Нечестіе не можетъ отвергнуть ни одного члена христіанской вѣры безъ того, чтобы не поставить на мѣсто его какого-либо мнѣнія, въ тысячу разъ болѣе невѣроятнаго, чтобы не замѣнить нелѣпостью непостижимости. Деисты, атеисты, матеріалисты не вѣрятъ въ Иисуса Христа, въ Бога, въ духовный міръ; но чтобы обосновать свое невѣріе, они вынуждены бывають признавать вѣрованія противоположныя, кои оскорбляютъ и возмущаютъ здравый смыслъ самаго простаго христіанина, на котораго они обыкновенно смотрятъ съ презрительною жалостью, не замѣчая, что сами они во сто кратъ жалче его. Напримѣръ, они вѣрятъ, яко бы

міръ самъ собою образовался, допускаютъ, что измѣняющіяся и непрестанно умирающія вещи сами собою существуютъ отъ вѣчности, что порядокъ, цѣлесообразность, мудрое устройство міра есть дѣло простаго случая (значить, случай играетъ у нихъ роль верховнаго разума), что круговращеніе и взаимное сцѣпленіе атомовъ произвели всю систему міровъ, весь этотъ чудный механизмъ вселенной, что тѣ же самыя круговращенія не разрушаютъ своего произведенія, напротивъ поддерживаютъ его въ изумительномъ порядкѣ, что матерія сама по себѣ обладаетъ и силою движенія, и чувствомъ, и волею, и разумомъ, и сознаниемъ, что историческіе факты изъ жизни Іисуса Христа и 12 Апостоловъ никогда не существовали на самомъ дѣлѣ, и что начальная исторія христіанства есть не болѣе, какъ мифологическая аллегорія, въ которой хотѣли только олицетворить культъ солнца и луны и 12 знаковъ зодіака и т. д.“¹⁾ Словомъ, свойство невѣрія вѣрить всему, что только есть противорѣчиваго, невѣроятнаго, невозможнаго. Невѣріе соединяется съ суевѣріемъ²⁾. „Человѣкъ вынуждается вѣрить во что-либо. Если онъ не вѣритъ въ вѣчный разумъ, то вѣритъ въ неразумное; если онъ не признаетъ истиной живаго Бога, то вѣритъ въ идола мертвой матеріи“. Замѣчаютъ, что къ числу тѣхъ, кои наиболѣе вѣрятъ въ волшебство, магію, колдовство и т. п., принадлежатъ именно люди, открыто и горделиво возстающіе противъ истинъ вѣры. Пресловутый 18-й вѣкъ, этотъ вѣкъ невѣрія по преимуществу, развѣ не былъ игрищемъ шарлатановъ, не вдавался въ постыдныя сумасбродства, не совершалъ гнусныхъ мистерій отвратительнѣе всѣхъ тѣхъ, о которыхъ память сохранилась для насъ въ исторіи самыхъ грубыхъ и постыдныхъ формъ язычества?³⁾ А въ современ-

1) *Оюста Николая*, философскія размышленія о божественности христіанской религіи т. 3 стр. 522.

2) „Иной не вѣруетъ въ Бога, но вѣруетъ въ привѣдѣнія, въ свою звѣзду, въ свою судьбу и въ другія самоизмышленныя божества,—не вѣруетъ въ таинственную истину, за то вѣруетъ въ свое загадочное заблужденіе“. „Я зналъ одного человѣка, говорятъ *Ерштемтъ*, который грубо увѣрялъ въ своемъ невѣрїи относительно предметовъ религіозныхъ, и, однако же, боялся пройти ночью по кладбищу или мимо мѣста казни“. См. у *Геттингера*, Апологія христіанства, ч. 1. отд. 2 стр. 13.

3) *О. Николая* назв. соч. стр. 524.

ныхъ солоняхъ Парижа вмѣстѣ съ невѣріемъ развѣ не распространяются грубыя формы языческаго идолослуженія? Вѣдь буддизмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо въ отторгшейся отъ христіанства такъ называемой интеллигентной средѣ Парижа.

II.

Если всякое знаніе основывается на вѣрѣ и необходимо предполагаетъ ее на всѣхъ ступеняхъ развитія, то всякая религіозная вѣра всегда соединяется съ знаніемъ. Вѣры слѣпой, безотчетной, въ полномъ смыслѣ неразумной быть не можетъ. Пусть основанія вѣры ложны, ошибочны, но разъ они существуютъ, нельзя утверждать, что человѣкъ вѣритъ слѣпо и безотчетно. Невозможно предположить, чтобы вѣрующій человѣкъ *не мыслилъ* о предметѣ своей вѣры *и не зналъ*, чему онъ вѣруетъ и о чемъ мыслить. Самое нелѣпое суевѣріе всегда соединяется съ знаніемъ. Самый грубый идолопоклонникъ не только вѣритъ, но и знаетъ, почему вѣритъ. Содержаніе всякой религіозной вѣры находится въ гармоніи и соотвѣтствіи съ наличнымъ строемъ души. Въ случаѣ несоотвѣтствія и дисгармоніи между исповѣдуемой вѣрой и строемъ душевной жизни человѣка оставляетъ исповѣдуемую вѣру, какъ негодную, ничего не объясняющую и запросамъ души не удовлетворяющую и вѣритъ въ то, что на его взглядъ болѣе объясняетъ для него непонятное и загадочное и наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ его природы. Поэтому всякая религія, даже самая грубая и несовершенная, для человѣка является свѣтомъ и и сообщаетъ знаніе. Религіозное знаніе есть знаніе непосредственное и въ силу своей непосредственности самое достовѣрное. Основы его заключаются не въ логическихъ только построеніяхъ ума, но въ потребностяхъ цѣлостной разумно-нравственной природы человѣка. Пусть каждый войдетъ въ себя, прислушается къ внутреннимъ сокровеннымъ движеніямъ своего духа, къ его запросамъ и нуждамъ. Что мы здѣсь находимъ? Что слышимъ? Находимъ и слышимъ стремленіе куда-то вдаль, въ область бытія высшаго, совершеннаго, безконечнаго,—въ область, отличную отъ бытія земнаго, видимаго, несовершеннаго. Духъ стремится къ истинѣ, къ познанію бытія видимаго

и невидимаго. Желаніе знать выходитъ за предѣлы того, что собственно необходимо для земного и тѣлеснаго существованія человѣка. Человѣкъ стремится къ познанію первыхъ основъ бытія, къ уразумѣнію смысла жизни, высшей цѣли и назначенія бытія міра и себя самого. Онъ стремится рѣшить свои такъ называемые вѣчные вопросы:

Что тайна отъ вѣка?

Въ чемъ существо человѣка?

Откуда приходятъ, куда онъ плетъ?

И. кто тамъ, вверху, надъ звѣздами живетъ?

Это стремленіе къ истинѣ находитъ-ли себѣ удовлетвореніе? Нѣтъ и нѣтъ; въ мірѣ всюду тайны, загадки, противорѣчія. Тайны въ природѣ, тайны въ человѣкѣ, тайны въ исторіи. Человѣкъ мало знаетъ о мірѣ и еще меньше о себѣ, о своемъ назначеніи. Чѣмъ ближе онъ подходитъ къ истинѣ, тѣмъ дальше она отъ него отодвигается. Чѣмъ больше познаетъ, тѣмъ больше убѣждается въ своемъ незнаніи. Мудрый Соломонъ, *предавшій сердце свое тому, чтобы изслѣдовать и испытать все, что дѣлается подъ небомъ, нашель, что во многой мудрости много печали и что кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь* (Еккл. 1, 18). Гдѣ же выходъ изъ этихъ противорѣчій между стремленіемъ и удовлетвореніемъ, жаждою и насыщеніемъ?—Далѣе. Человѣкъ стремится къ счастью, блаженству. Нужно-ли говорить, какимъ жалкимъ существомъ является онъ въ этомъ стремленіи? Гдѣ счастье? Въ чемъ блаженство? Гдѣ живущіе во вся дни свѣтло и безпечально? Много-ли ихъ? Не всѣ-ли исполнены жалобами на свою судьбу? То, что люди иногда называютъ счастьемъ и къ чему стремятся, какъ къ благу, не разлетается-ли въ прахъ, не обращается-ли въ призракъ счастья? Не разбивается-ли жизнь на каждомъ шагѣ иллюзію счастья? Только человекъ сознательно стремится къ счастью и только онъ одинъ несчастенъ. Съ плачемъ вступаетъ онъ въ міръ, со слезами и со скорбью онъ уходитъ изъ него. Но и это не все. Въ природѣ человека заключено стремленіе къ добру, къ совершенству, къ правдѣ. Кто осмѣлится сказать, что человекъ успѣваетъ въ этомъ стремленіи? Не раздавались-ли громко во всѣ времена жалобы на

нравственное безсиліе человѣка? Отрицать справедливость этихъ жалобъ можетъ только тотъ, кто никогда серьезно не задумывался о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, кто подъ вліяніемъ житейской суеты окончательно погрязъ въ своемъ нравственномъ индифферентизмѣ. И именно тѣ, которые болѣе всего выдвигались на пути святости и совершенствъ, болѣе всего жалуются на ту отдаленность, которая отдѣляетъ ихъ отъ цѣли стремленій. Какъ часто бываетъ ничтожно искушеніе, повергающее человѣка въ бездну пороковъ? Какъ безсильна бываетъ воля въ борьбѣ съ дурными наклонностями и влеченіями природы? Если такой мужъ, какъ апостоль Павелъ, говорилъ о себѣ: *не еже бо хошу доброе, сіе творю, но еже не хошу злое, сіе содѣваю*, то не тѣмъ-ли болѣе это долженъ сказать обыкновенный смертный. Гдѣ чистая добродѣтель? Гдѣ пайти опору въ тяжелыя минуты нравственныхъ испытаній? Ужъ не отказаться-ли человѣку развѣ навсегда отъ стремленій къ высшей истинѣ, къ абсолютному благу и добру? Такъ дѣйствительно предлагаютъ нѣкоторые. Но не значить-ли это идти противъ природы человѣка? Запретить человѣку стремиться къ истинѣ, благу и совершенству—это то же, что запретить ѣсть, пить, жить. Только животное не спрашиваетъ о смыслѣ и цѣли своего существованія. Оно живетъ, потому что родилось на свѣтъ; страдаетъ безъ мысли о страданіи и лучшемъ бытіи; умираетъ безъ сознанія неестественности смерти, слѣпо повинаясь закону природы. Отрицать законность стремленій къ истинѣ, добру и счастью значитъ низводить человѣка въ разрядъ бессловесныхъ неразумныхъ животныхъ. Безъ отвѣта на высшіе вопросы и стремленія духа жизнь не представляется-ли „глупою и неразумною шуткой“, „даромъ случайнымъ и напраснымъ“? Тогда человѣкъ будетъ подобенъ заблудившемуся ночью въ непроходимомъ лѣсу путнику, который бродитъ въ беспросвѣтной тѣмнѣ, безъ надежды пайти выходъ, не зная, откуда и куда идетъ. Нѣтъ свѣта и утѣшенія, нѣтъ цѣли впереди. Энергія падаетъ; силы ослабѣваютъ; путь представляется безнадежнымъ; смерть—единственно желанный исходъ.

Вотъ тутъ-то и является на помощь религіозная вѣра. Только

религія и именно Богооткровенная христіанская религія можетъ дать человѣку утѣшеніе и опору; только она разсѣваетъ его сомнѣнія, разрѣшаетъ противорѣчія, даруетъ свѣтъ, изливающейся животворные лучи на всѣ темныя и больныя стороны жизни; только она указываетъ выходъ изъ темнаго лабиринта житейскаго круговорота и поддерживааетъ на тернистомъ пути жизни всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Только въ религіи человѣкъ находилъ и находитъ разрѣшеніе тайнъ бытія и жизни, удовлетвореніе своему любознанию, объясненіе непонятнаго и загадочнаго. Религія говоритъ человѣку о бытіи высшемъ, невидимомъ, вышечувственномъ, говоритъ о томъ, чего око не видѣло, ухо не слышало, что на сердце не приходило къ человѣку, но къ чему онъ стремится всѣмъ своимъ существомъ, всѣми силами своего духа, всѣми запросами своей разумно-нравственной природы; только религія даетъ отвѣты на всѣ высшіе и основные вопросы, безъ рѣшенія которыхъ человѣческая мысль путается въ противорѣчіяхъ и жизнь представляется безсмыслицей, непонятной игрой слѣплого случая. Религія говоритъ не отъ имени ограниченнаго и несовершеннаго человѣческаго разума, а на основаніи мнимаго или дѣйствительнаго откровенія Высочайшаго и Совершеннѣйшаго Разума. Она сообщаетъ человѣку понятія о Богѣ, о мірѣ и о немъ самомъ, понятія, которыя вѣчно остались бы чуждыми разуму, если бы только онъ былъ предоставленъ себѣ самому, но которыя, разъ сдѣлавшись извѣстными, проливаютъ свѣтъ на всѣ вопросы, сообщаютъ высшее знаніе. Религія начинаетъ говорить тамъ, гдѣ силы нашего разума оставляютъ насъ и начинается вѣра. Но эта вѣра не есть только мнѣніе или смутная догадка; она есть живая сердечная увѣренность и, какъ таковая, она есть *высшее знаніе*, своею достовѣрностью превосходящее знаніе, получаемое чрезъ внѣшнія чувства и внѣшній опытъ. Вѣра есть состояніе души, всѣми своими силами обращенной къ Богу, къ міру безконечному, сверхчувственному. Вѣрою мы разумѣваемъ истины, въ которыхъ сердце находитъ свое благо, а воля—совершенство, и при свѣтѣ которыхъ получаетъ смыслъ вся видимая дѣйствительность, со всѣми ея тайнами и противорѣчіями. Вытекая изъ внутрен-

нихъ потребностей природы и опираясь на авторитетъ божественнаго откровенія, вѣра является не противоположностью разуму, а необходимымъ требованіемъ и дополненіемъ его. Истинно-любивый разумъ самъ приводитъ къ вѣрѣ. Человѣкъ желаетъ вѣровать, т. е., желаетъ вѣрныхъ свѣдѣній относительно вопросовъ, касающихся высшаго сверхъопытнаго міра, относительно котораго у него есть предчувствіе, но нѣтъ ясныхъ представленій и о которомъ онъ не можетъ судить по собственному опыту. И вотъ онъ въ сознаніи своей конечности и ограниченности *доверчиво* отдается въ руководство вѣрѣ и *свободно* соглашается съ содержаніемъ откровенія. Вѣра для разума есть то же самое, что телескопъ для глазъ: съ помощью телескопа глазъ видитъ то, чего не можетъ видѣть самъ по себѣ; онъ проникаетъ въ пространства, недоступныя для него безъ этого пособія. Подобно этому и вѣра только расширяетъ кругозоръ разума; предоставляя разуму заниматься изслѣдованіемъ всего, что доступно его разумѣнію, она тамъ, гдѣ естественныя силы разума изнемогаютъ, указываетъ ему истины новыя, сверхъчувственныя; она даетъ ему проникать въ тайны совѣты Божіи. При вѣрѣ невидимое становится видимымъ, будущее настоящимъ (Евр. 11, 1); вѣра видитъ то, чего не видитъ тѣлесный глазъ и не подмѣчаетъ разсудокъ; око вѣры проникаетъ туда, гдѣ естественному разумѣнію не представляется ничего, кромѣ тумана и непроходимой тьмы, въ духовное царство, и сообщаетъ сердцу увѣренность, какой человѣкъ не получилъ-бы, еслибы видѣлъ и собственнымъ глазомъ и осязалъ собственными руками. Вѣра открываетъ высшій порядокъ вещей, новый невидимый міръ, высшее и лучшее благо, ради котораго человѣкъ охотно и съ радостью жертвуетъ всѣми временными благами. Вѣра, говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій, есть око озаряющее всякую совѣсть; она сообщаетъ человѣку вѣдѣніе. Ибо, говоритъ пророкъ, *еще не утверите, не имате разумѣти* (Оглас. поуч. 5). Кто не хочетъ вѣрить, тотъ отказывается отъ высшаго знанія. Противна разуму не вѣра, а невѣріе. Невѣріе—ограниченіе разума, а вѣра его возвышеніе и просвѣщеніе. Въ сознаніи одного и того же человѣка вѣра и знаніе не противоположности, а только различ-

ные моменты одного и того же познавательнаго процесса; знаніе—это низшій моментъ, гдѣ предметомъ познанія является бытіе ограниченное, условное, доступное наблюденію внутреннему или внѣшнему, а вѣра—высшій моментъ, когда предметомъ знанія является бытіе выщечувственное, безусловное, придающее смыслъ и значеніе міру опытному. Нельзя допустить, чтобы человѣкъ искренно вѣрилъ въ то, что идетъ въ разрѣзъ съ положительными и несомнѣнными данными знанія, противорѣчитъ его разуму и всѣмъ требованіямъ природы. Можно быть слабымъ и безсильнымъ въ оправданіи своей вѣры, не умѣть выразить её въ строго логическихъ формулахъ, сдѣлать её ясною и удобопонятною для другихъ, но нельзя въ своей вѣрѣ быть совершенно незнающимъ, неразумнымъ, идти вопреки очевиднымъ требованіямъ логики и здраваго смысла. Вѣра въ заговоры и наговоры намъ кажется нелѣпою, неразумною; но у нашего крестьянина она соединяется съ знаніемъ, потому что объясняетъ многіе непонятные для него случаи жизни. Онъ, если угодно, подтвердитъ вамъ эту вѣру ссылкой на факты, когда напр. отъ заговора кровь останавливалась, зубная боль утихала, тараканы въ одинъ день изъ дома исчезали и т. под. Указанное суевѣріе въ умѣ простолюдина составилось именно въ интересахъ *объясненій* существующей дѣйствительности. „Всякое вѣрованіе, даже самое грубое, въ умѣ человѣка, его имѣющаго, непременно занимаетъ мѣсто положительнаго знанія, потому что всякое вѣрованіе, даже самое нелѣпое, всегда создается тѣмъ же самымъ логическимъ процессомъ мысли, какимъ создаются и всѣ положенія точной науки. Поэтому такихъ вѣрованій, которыя бы составлялись человѣкомъ только ради прихотливой игры его праздною фантазію, въ человѣкѣ нѣтъ и не можетъ существовать, потому что такія вѣрованія никогда-бы не могли имѣть для человѣка значенія объективныхъ познаній. Если же въ дѣйствительности они имѣютъ это значеніе, то ясное дѣло, что они и создаются человѣкомъ не въ какихъ нибудь грезахъ его капризной фантазіи, а только въ процессѣ познанія имъ объективной дѣйствительности. Въ этомъ случаѣ логическая возможность ихъ вполнѣ опредѣляется основнымъ зако-

номъ познанія—объяснять неизвѣстное только на основаніи извѣстнаго. По силѣ этого закона, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человекъ не въ состояніи объяснить себѣ существующую дѣйствительность изъ нея же самой, онъ по необходимости долженъ брать это объясненіе изъ непосредственно извѣстныхъ ему фактовъ субъективной дѣйствительности, и слѣдовательно—онъ по необходимости дополняетъ наличный міръ существующей дѣйствительности особымъ міромъ дѣйствительности вѣроятной, потому что существующая дѣйствительность становится для него познаваемой только подъ условіемъ этого дополненія“¹⁾. Въ виду всего сказаннаго получаетъ глубокое значеніе замѣчаніе Паскаля, что „последній шагъ разума—признать, что есть безконечное въ вещахъ, превышающее его силу,—и если онъ не доходитъ до этого познанія, то онъ очень слабъ“. Сила и достоинство разума—въ сознаніи своихъ границъ или, лучше, ограниченности,—въ сознаніи, расширяющемъ кругъ дѣятельности разума и возвышающемъ его на высоту высшаго вѣдѣнія, заключеннаго въ божественномъ откровеніи. Кто не хочетъ вѣрить въ Бога и Его откровеніе, тотъ не только не уменьшаетъ загадокъ въ міровомъ бытіи, но увеличиваетъ ихъ. Атеистъ отрицаетъ бытіе Бога, потому что не можетъ понять существованіе вѣчнаго, вездѣсущаго Духа. Но вселенная безъ Бога, развѣ не загадка? Пантеистъ отвергаетъ твореніе, потому что не можетъ понять происхожденіе изъ ничего. Но развѣ понятнѣе истеченіе міра отъ Бога? развѣ понятнѣе безконечное, которое вмѣстѣ съ тѣмъ конечно, и конечно, которое въ то же время безконечно²⁾? Неужели понятнѣе, когда объясняютъ происхожденіе міра изъ случайнаго соединенія атомовъ, чѣмъ когда почитаютъ его твореніемъ премудраго, всеблагаго, всемогущаго Бога? Неужели вѣра въ вѣчную мертвую матерію объясняетъ больше, чѣмъ вѣра въ Бога?

Смущаются тѣмъ, что въ религіи и откровеніи есть тайны, т. е. истины непостижимыя для разума, воспринимаемыя вѣ-

¹⁾ В. Несмылова, Наука о человекѣ. Опытъ психологической исторіи и критики основныхъ вопросовъ жизни, 1898 г., стр. 94.

²⁾ Геттингера, ч. I, отд. 2, стр. 21.

рою. Но если тайны всюду и вездѣ, если не только ограниченностью разума, но и самыми условіями своего существованія и всѣмъ складомъ жизни человѣкъ приученъ къ вѣрѣ, если онъ и въ обиходномъ житейскомъ знаніи принужденъ руководиться болѣе вѣрою или довѣріемъ, то какое же основаніе изгонять вѣру изъ религіи? „Если земледѣлецъ вѣритъ землѣ, плаватель—кораблю, больной—врачу, то почему ты не хочешь довѣриться Богу“?—спрашивалъ св. Теофілъ Антиохійскій. „Какимъ бы образомъ религія истинная, т. е., имѣющая своимъ предметомъ безконечное, могла быть не таинственною въ отношеніи къ своему предмету, когда и природа, при всей своей конечности, на каждомъ шагѣ представляетъ намъ тайны, ставящія втупикъ нашъ разумъ, возмущающія наше сердце? Даже математическіе выводы, при всей непрерываемой истинѣ, нерѣдко смущаютъ насъ и кажутся ложными людямъ, не посвященнымъ въ тайны метафизики и геометріи. Посему нелѣпо было бы требовать, чтобы сущность, субстанція менѣе была таинственна, чѣмъ ея проявленіе; абсолютная, всецѣлая истина менѣе была призрачна, чѣмъ истины частныя, дробныя“¹⁾. Попытки устранить изъ религіи все таинственное и непостижимое, упростить ея содержаніе, сдѣлать ее удобопонятною основаны на непониманіи природы религіи. Религія возводитъ человѣка въ область бытія высшаго, идеальнаго, безконечнаго, сверхъестественнаго, въ царство вѣчности, куда безсиленъ проникнуть человѣческій умъ, но куда человѣкъ стремится всѣмъ своимъ существомъ. Она говоритъ человѣку о безконечной истинѣ, о безконечномъ совершенствѣ, о безконечной красотѣ. Безконечное можетъ быть только предметомъ безконечныхъ стремленій и никогда не можетъ быть ни постигнуто, ни достигнуто. Религія—область идеаловъ, а идеаль по существу недостижимъ и можетъ быть только предметомъ вождѣльныхъ чаяній и стремленій. Притягательная сила религіи заключается именно въ ея таинственности и безконечности. Вполнѣ доступная пониманію человѣка, религія перестала-бы быть религіей и превратилась-бы

1) О. Никола, т. 3, стр. 601.

въ мертвое безжизненное знаніе, не удовлетворяющее стремленіямъ духа къ безконечности, не отвѣчающее его идеальнымъ запросамъ. „Религія, не признающая никакой области трансцендентнаго, ничего, лежащаго за предѣлами земнаго, опытнаго міра и жизни и никакихъ личныхъ отношеній человека къ этому трансцендентному міру,—есть все что угодно, только не религія ¹⁾“. Богъ, главный предметъ религіозныхъ стремленій, безконеченъ и не можетъ быть постигнутъ не только человѣческимъ, но и ангельскимъ умомъ. И ангелы закрываютъ свои лица предъ Богомъ, и они не уразумѣваютъ всѣхъ тайнъ Божественной жизни. Умственно постижимый Богъ, по выраженію нашего русскаго писателя Жуковскаго, былъ-бы умственнымъ идоломъ, въ непригодности котораго человѣкъ скоро убѣдился-бы въ силу своихъ стремленій къ безконечности. Полное постиженіе Божества для человѣка навсегда останется недоступнымъ, не только въ настоящей, но и въ будущей жизни ²⁾, Блаженство человѣка въ будущей жизни будетъ заключаться не въ подвижномъ мертвомъ обладаніи истиной, а въ живомъ непрерывномъ приближеніи къ ней. По словамъ архіепископа Херсонскаго Иннокентія, мы должны радоваться тому, что Богъ непостижимъ, потому что онъ будетъ предметомъ познанія чрезъ всю вѣчность. Если бы умъ понялъ Его, то остался-бы безъ дѣйствія, а это для него мука. По этому если въ христіанскомъ откровеніи есть тайны, то это говоритъ только объ его истинности и дѣйствительномъ сверхъестественномъ характерѣ. Что было бы за откровеніе, которое ничего не открывало-бы, которое говорило бы только о томъ, что человѣкъ можетъ постигнуть самъ? Зачѣмъ оно тогда? Попытки создать вполне постижимую религію, „ре-

¹⁾ П. Астафьевъ, Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣніи, стр. 23, 1893 г.

²⁾ Повидимому, это противорѣчатъ словамъ ап. Павла: *видимъ убо нынѣ яко зрѣломъ въ гонѣніи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумно отчасти, тогда же познаю, якоже позналъ быхъ* (I Кор. 13, 12). Но смыслъ словъ апостола тотъ, что въ будущемъ вѣра будетъ соединена съ такою живою увѣренностію, при которой не можетъ быть мѣста никакому сомнѣнію, вкрадывающемуся въ душу человека теперь, вслѣдствіе его грѣховнаго состоянія. Будущее блаженство будетъ состоять не въ неподвижномъ мертвомъ обладаніи истиною, а въ живомъ ничѣмъ незадерживаемомъ приближеніи къ ней.

лигію разума“, могутъ приводить только къ невѣрію, къ безрелигіозности, какъ это было и есть на самомъ дѣлѣ. Новѣйшее западное невѣріе зародилось именно въ то время, когда разумъ, объявивъ себя полнымъ хозяиномъ въ откровеніи, сталъ дѣйствовать здѣсь по своему усмотрѣнію, одно признавать, другое отвергать, третье искажать по своему разумѣнію. Не видимъ-ли мы, что протестантизмъ, предоставившій разуму неограниченныя права въ изученіи откровенія, разлагается и становится не столько религіознымъ исповѣданіемъ, сколько религіозной философійей, со множествомъ разнообразныхъ школъ, уничтожающихъ другъ друга во взаимной борьбѣ и не могущихъ придти къ соглашенію? Нѣтъ религіи безъ вѣры, откровеніе безъ таинъ. Это трупъ безъ души. Вѣра—душа религіи, ея основа и жизненная сила. По этому то абсолютная божественная христіанская религія требуетъ отъ своихъ послѣдователей прежде всего вѣры. Вѣра—первое условіе спасенія, главная добродѣтель.

Но христіанская вѣра не слѣпая, а разумѣвающая. Христіанство есть религія отъ „Отца свѣтовъ“ (Іак. 1, 17) и принесена на землю тѣмъ, кто есть въ полномъ смыслѣ „свѣтъ міру“ (Іоан. 12, 46) „свѣтъ въ откровеніе языковъ“, „свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9), „свѣтъ и разумъ“ (Іоан. 5, 2). Свѣтъ божественной истины заключается и во всѣхъ такъ называемыхъ тайнахъ откровенія. Непостижимыя въ своемъ существѣ, онѣ проливаютъ свѣтъ на такія стороны бытія и жизни, которыя никогда не были бы постигнуты человѣкомъ. Такъ когда откровеніе говоритъ о вѣчномъ, всемогущемъ, премудромъ и всеблагомъ Богѣ, то оно объясняетъ тайну происхожденія міра, поражающаго насъ своимъ величіемъ, высочайшею цѣлесообразностью и разумностью. Когда оно говоритъ о безсмертіи, о будущей загробной жизни, то объясняетъ, почему человѣкъ на землѣ ни въ чемъ не находитъ счастья и удовлетворенія. Не здѣсь его истинное отечество; не для земли только онъ созданъ; онъ есть гражданинъ другого высшаго лучшаго міра, къ которому онъ стремится по самой своей природѣ и мысль о которомъ заставляеть его мириться съ несовершенствомъ временнаго земного бытія.

Непостижима тайна паденія и первороднаго грѣха. Но не эта-ли тайна объясняетъ фактъ существованія въ мірѣ зла нравственнаго и физическаго? Не она-ли только разрѣшаетъ противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью, жизнью и смертью, счастьемъ и несчастьемъ, истиной и ложью, правдой и неправдой? Не здѣсь-ли разгадка міровой дисгармоніи, той суеты и тлѣнія, которымъ подчинена теперь вся тварь? *Велія благодѣтели тайна*—*Богъ явился во плоти*—говоритъ апостоль Павелъ о тайнѣ воплощенія. Но не Богочеловѣкъ-ли только могъ воссоединить людей съ Богомъ? Кто могъ быть посредникомъ, ходатаемъ между Богомъ и людьми, какъ не существо, которое въ одно и то же время соединяло-бы Божескую и человѣческую природу? При свѣтѣ тайны искупленія мы можемъ примирить существующій несовершенный порядокъ въ мірѣ и человѣческой жизни съ вѣрой въ премудраго и всеблагаго Бога, вызвавшаго твари изъ небытія въ бытіе для блаженства въ единеніи съ Собой. Мы знаемъ, что произведенный человѣкомъ міровой безпорядокъ продолжится не вѣчно, что для усвоившихъ себѣ искупительныя дѣйствія Спасителя земная скорбь оканчивается со смертью, а по кончинѣ міра *Богъ будетъ всяческая во бстѣхъ*; тогда плачущіе утѣшатся, кроткіе наслѣдятъ землю, алчущіе и жаждущіе правды насытятся, чистые сердцемъ узрятъ Бога. Непостижима тайна троичности лицъ въ Богѣ при единствѣ Его существа. Много напрасныхъ и бесплодныхъ усилій потратилъ человѣческій умъ для уразумѣнія внутренней жизни Трїедиаго Бога. Тѣмъ не менѣе и эта тайна для человѣка свѣтоносна и усладительна. Какъ много говоритъ она уму и какъ утѣшительна для сердца! Человѣческій умъ издавна спрашивалъ о внутренней жизни Божества, внѣ отношеній къ міру и человѣку, спрашивалъ, что дѣлалъ Богъ отъ вѣчности, когда не было никакого бытія. Догматъ о Троичности говоритъ, что Богъ единъ, но не одинокъ, что безконечная полнота Божественной жизни отъ вѣка проявлялась во взаимообщеніи трехъ Лицъ, что Богъ отъ вѣка имѣлъ достойные предметы своей любви, что міръ ничего не прибавляетъ къ безконечной полнотѣ внутренней жизни Божества и не составляетъ внутренней необходимости въ Немъ.

Богъ есть любовь. Но безъ предположенія въ Немъ различія Лицъ любовь для человѣческой мысли оказывается невысказанной. Въ чемъ она проявлялась до творенія? Гдѣ объектъ любви Божіей? Вотъ почему гдѣ нѣтъ въ Троицности Лицъ, тамъ Богъ выступаетъ исключительно въ образѣ безпредѣльнаго могущества и величія, внушаетъ человѣку только страхъ и трепеть. Только тайна Троицности открываетъ намъ безконечную любовь Божию и является опорой нравственного существа христіанства, какъ религіи любви, указывающей въ Богѣ на любовь, какъ на самое Его нравственное существо и какъ на сущность нравственности и людей, которые должны уподобляться своему первообразу. Безъ ученія о Трїединомъ Богѣ мы лишаемся Бога любви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего христіанства ¹⁾. Не говоримъ уже о томъ, что въ этой тайнѣ имѣютъ свое основаніе догматы о воплощеніи, искупленіи, возрожденіи и другіе. Подобно этому можно сказать и о другихъ тайнахъ откровенія. Тайнственныя въ своей основѣ, онѣ свѣтозарны въ своихъ отраженіяхъ, все освѣщаютъ, на все бросаютъ лучи свѣта. Благодаря имъ, для насъ выяснились и твердо опредѣлились такіе важные предметы вѣдѣнія, какъ напр. о существѣ и свойствахъ Божіихъ, о началѣ и концѣ человѣка, о происхожденіи зла, о борьбѣ его съ добромъ, о нашей нравственной немощи, о нашемъ величїи, объ отношеніяхъ нашихъ къ Богу и ближнимъ и друг. Тайны откровенія мы познаемъ и усваиваемъ, потому что они точны, опредѣленны, положительны; мысль не истощается въ изысканіи ихъ; малое дитя легко схватываетъ ихъ и удерживаетъ въ сознаніи. Самая непостижимость ихъ не безусловная, а только относительная. Что для одного тайна, то для другого постижимо; тайное для одного времени и мѣста перестаетъ быть тайною въ другое время и въ другомъ мѣстѣ; такъ тайное для человѣка не составляетъ тайны для ангеловъ; тайное для плотскаго человѣка не тайна для духовнаго (1 Кор. 11, 7—15); тайное въ ветхомъ завѣтѣ перестаетъ быть тайною въ новомъ завѣтѣ; тайное теперь перестанетъ быть тайною въ загробной жизни

¹⁾ Проф. свящ. И. Святлова, Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія, ч. I, 1896 г.

(1 Кор. 13, 12; 2 Кор. 5, 7; I Иоан. 3, 2) и д. ¹⁾). Для атеиста бытіе Бога тайна; для вѣрующаго оно несомнѣннѣе всякой очевидной истины. *Декартъ* говорилъ: „Въ области мышленія есть двѣ истины, не требующія никакихъ доказательствъ. Первая состоитъ въ томъ, что человекъ существуетъ, вторая—что существуетъ Богъ. Ни одна математическая проблема не допускаетъ болѣе очевидныхъ и рѣшительныхъ доказательствъ, чѣмъ фактъ существованія Бога“ ²⁾). Знаменитый *Амперъ*, обогатившій науку своими открытіями въ области ученія о магнетизмѣ, говорилъ, что основныя религіозныя истины составляютъ для него не догматы вѣры, но рядъ научныхъ положеній. „Говорятъ, что существованіе души и Бога есть ни больше, ни меньше, какъ гипотеза. Да, это гипотеза, но такая, истинность которой доказывается не менѣе положительно, чѣмъ истинность гипотезъ Коперника и Ньютона. Нѣтъ ни одного положенія болѣе надежнаго, чѣмъ гипотеза, истинность которой доказывается на основаніи очевидности“ ³⁾). Рационалисты отвергаютъ бытіе злыхъ духовъ; древніе же христіанскіе подвижники эту истину считали столь-же очевидною, сколь очевидно бытіе чувственныхъ предметовъ, потому что на себѣ самихъ чувствовали дѣйствія злыхъ вражескихъ силъ. Тайнственность откровенныхъ истинъ должна служить основаніемъ не къ отрицанію ихъ, а къ подчиненію имъ, къ плѣненію разума въ послушаніе вѣрѣ. И это подчиненіе нисколько не унижительно для разума; оно не рабское, а свободное. Отдаваясь водительство вѣры, разумъ не лишается принадлежащихъ ему правъ свободнаго изслѣдованія въ области доступнаго ему бытія, а только возводится въ новую высшую область, гдѣ ему становится видимымъ то, чего онъ своими силами никогда не узналъ бы. Конечно, разумъ не можетъ быть верховнымъ судьей откровенія, одно отрицать, другое признавать по своему усмотрѣнію. Но вѣдь онъ на это и не имѣетъ права по самому безсилію своему. Въ отношеніи

¹⁾ Его же: Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ какъ противоположности разума, 1896 г., стр. 46.

²⁾ Христ. Чит. 1887 г., ч. 2, стр. 528 въ ст. „Вѣра и знаніе“.

³⁾ Тамъ-же, стр. 541 въ примѣчаніи.

къ истинамъ откровенія онъ долженъ быть архитекторомъ, которому даны матеріалы, а не творцомъ, который можетъ отвергать ихъ и употребить свои собственные. Въ послѣднемъ случаѣ разумъ выходитъ изъ своихъ границъ и откровеніе теряетъ свое истинное значеніе; вмѣсто него является составленная разумомъ система мертвыхъ безжизненныхъ понятій, которыя никогда не произведутъ живого религіознаго убѣжденія. Не понимать и потомъ уже принимать нужно въ дѣлѣ изученія религіозныхъ истинъ, но сначала принимать и подчиняться, чтобы потомъ достигнуть яснаго разумѣнія. Правильная дѣятельность разума можетъ состоять только въ уясненіи и раскрытіи откровенныхъ истинъ, примѣнительно къ запросамъ и потребностямъ духовно-правственной природы. Пусть разумъ не смущается, если онъ не все въ откровеніи понимаетъ ясно и отчетливо. Если вѣра всюду и вездѣ, если и ученый на вѣру принимаетъ многія предположенія потому только, что они удовлетворительно объясняютъ изучаемыя имъ явленія, то какое же основаніе отвергать вѣру въ области религіи? Во всякомъ случаѣ больше основаній принять истины, возвѣщаемыя высшимъ авторитетомъ Божиимъ, чѣмъ гипотезы, составляемыя колеблющимся и заблуждающимся человѣческимъ разумомъ. Разумъ составляетъ какъ бы духовное око и зрѣніе души, а откровеніе—какъ бы свѣтъ, падающій на предметы и дѣлающій ихъ видимыми. Глазь самъ по себѣ не видитъ; надобно, чтобы на него подѣйствовалъ существующій предметъ при посредствѣ свѣта. Но и свѣтъ самъ по себѣ еще не дастъ видѣть, если глазь не открытъ, не направленъ къ предмету и не проникаетъ его своимъ взоромъ ¹⁾. Поэтому то христіанская религія, религія свѣта и божественной истины, не отрицаетъ значенія разума. Она требуетъ не слѣпого довѣрія къ себѣ, но разумнаго, сознательнаго, требуетъ вѣры, дающей отчетъ всякому вопрошающему (1 Петр. 3, 15). Кто въ христіанствѣ ограничивается слѣпымъ довѣріемъ, тотъ свидѣтельствуется только о своемъ равнодушіи къ божественной истинѣ, о недостаткѣ любви къ ней. „Вѣра слѣпая дѣлаетъ

¹⁾ О. Никола, Назв. сочиненіе, т. I, 182.

человѣка только рабомъ, а вѣра разумная дѣлаетъ его другомъ Божиимъ"—говоритъ Климентъ Александрійскій. „Тогда то мы особенно вѣримъ, когда узнаемъ причину, почему что бываетъ“—замѣтилъ св. Іоаннъ Златоустъ. Христіанское откровеніе стоитъ въ противорѣчій не съ разумомъ, всегда формальнымъ и своего содержанія не имѣющимъ, а съ испорченнымъ состояніемъ нашей природы, съ грѣховными влеченіями, наклонностями и пожеланіями, подъ вліяніемъ которыхъ теперь мудрствуетъ разумъ. Это обстоятельство нужно имѣть въ виду при чтеніи тѣхъ мѣстъ Слова Божія, въ которыхъ мудрость человѣческая противопоставляется премудрости Божіей и на которыя ссылаются защитники мнѣнія о несомѣстимости вѣры и знанія (См. напр. Мѡ. 11, 25, 1 Кор. 1, 17—31 и др.). Не разумъ самъ въ себѣ здѣсь порицается и осуждается,—порицается естественное мірское мудрованіе плоти, порицается разумъ, омраченный грѣхомъ, мудрствующій лукаво, по стихіямъ міра, подъ вліяніемъ самолюбія, испорченнаго сердца и злой воли. Чтобы сдѣлать себя способнымъ къ усвоенію откровенія, нужно *упразднить* свой разумъ, т. е. освободить его отъ тѣхъ оковъ, коими онъ теперь связанъ, расторгнуть его связь съ живущимъ въ человѣкѣ грѣхомъ. Въ этомъ смыслѣ Спаситель сказалъ: *будьте мудры, какъ зми, и просты, какъ голуби* (Мѡ. 10, 16). Въ этомъ смыслѣ и апостоль Павелъ писалъ Коринѣянамъ: *если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкъ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ: ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ* (1 Кор. 3, 18—19). Тайны божественнаго откровенія доступны людямъ смиреннымъ, освободившимся отъ иллюзіи о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Требуемое христіанствомъ смиреніе и самоотреченіе есть условіе не только нравственнаго совершенства, но и высшаго религіознаго просвѣщенія. Смиряющій и унижающій себя вездѣ возвышается. Смиреніе есть простота мысли. Кто просто думаетъ о себѣ, тотъ чувствуетъ свою слабость, и потому именно способенъ возрасти въ силу; въ простотѣ мысли—способность чуютъ истину и отзываться на нее; въ простотѣ—утвержденіе

вѣры и питаніе любви; въ простотѣ мысли зрѣтъ мудрость и созидается характеръ человѣка ¹⁾).

Въ заключеніе всего замѣтимъ, что мысль объ антагонизмѣ, или враждѣ между вѣрою и знаніемъ, навѣяна невѣріемъ и только по недоумѣнію иногда поддерживается вѣрующими. Истинно христіанскому сознанію она чужда. На языкѣ новозавѣтнаго откровенія слова „вѣрить“ и „знать“, „вѣра“ и „знаніе“ часто употребляются безразлично, одно вмѣсто другого, или встрѣчаются одно подлѣ другого. По мысли І. Христа и св. апостоловъ вѣрующій въ Бога и Сына Божія обладаетъ и знаніемъ. Достаточно прочитатъ прощальную бесѣду Спасителя съ учениками, чтобы убѣдиться въ безразличномъ употребленіи словъ „вѣрить“ и „знать“. „Да не смущается сердце ваше: *вѣруйте* въ Бога, и въ Меня *вѣруйте*, читаемъ въ 14 гл. 1 ст. евангелиста Іоанна; а въ ст. 7 читаемъ: „Если бы вы *знали* Меня, то *знали* бы и отца Моего. И отнынѣ *знаете* Его и видѣли Его“. Въ ст. 11: „*Вѣрите* Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“; а въ ст. 20: „Въ тотъ день *узнаете* вы, что Я въ Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ“. Въ этомъ познаніи Господь полагаетъ самую жизнь: „Сія есть жизнь вѣчная, да *знаютъ* Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“ (17, 3). Въ молитвѣ къ Отцу Онъ говоритъ объ ученикахъ: „Ибо слова, которыя Ты далъ Мнѣ, Я передалъ имъ: они приняли, *и уразумѣли* истинно, что Я изшелъ отъ Тебя, и *увѣровали*, что Ты послалъ Меня (17, 8). О всѣхъ вѣрующихъ Господь молился: „Да будетъ все едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да *увѣруетъ* міръ, что Ты послалъ Меня“ (17, 21); а ниже читаемъ: „Я въ нихъ, и Ты во мнѣ; да будутъ совершены во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня“ (23 ст.). Подобное же безразличіе въ употребленіи словъ „вѣрить“ и „знать“ мы находимъ въ посланіяхъ апостоловъ Петра, Іоанна и Павла. Въ возвышенномъ богословіи евангелиста Іоанна слово „знать“ въ различныхъ видоизмѣне-

¹⁾ Доброе слово къ воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій, 1881 г., стр. 16.

ніяхъ встрѣчается въ приложеніи къ усвоенію Христовой истины даже несравненно чаще, чѣмъ слова „вѣрить, „вѣра“. Ап. Павелъ слова „вѣра“ и „знаніе“ употребляетъ рядомъ въ одной и той же рѣчи на одной строкѣ, относя къ одному и тому же предмету. Такъ напр. онъ говоритъ, что различныя служенія въ Церкви, какъ то: апостолы, пророки и др. установлены для созиданія тѣла Христова „доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія. Противоложности между вѣрою и знаніемъ не знали знаменитые древніе христіанскіе учителя церкви. Всѣ новѣйшіе ученые толки объ этой противоположности обыкновенно происходятъ оттого, что дѣйствительная вѣра и воображаемое знаніе берутся какъ такіе факты, которые существуютъ сами по себѣ, совершенно отдѣльно и независимо отъ тѣхъ людей, жизнью и мыслью которыхъ они создаются. Эти независимые факты, при ихъ взаимномъ сравненіи, дѣйствительно иногда обнаруживаютъ очень рѣзкія противорѣчія между собою, и эти противорѣчія считаются вполне достаточными для того, чтобы утверждать пресловутую вражду между вѣрою и знаніемъ. Но чтобы разъяснить вопросъ о дѣйствительномъ взаимоотношеніи вѣры и знанія, не слѣдуетъ брать въ одномъ человѣкѣ вѣру, а въ другомъ человѣкѣ воображаемое знаніе, а слѣдуетъ взять и вѣру и знаніе въ мышленіи одного и того же человѣка. Тогда никакихъ противорѣчій между вѣрою и знаніемъ ни въ какомъ случаѣ не получится ¹⁾. О противорѣчій между вѣрою и знаніемъ въ сознаніи одного и того же человѣка можно говорить только тогда, когда вѣра является не собственнымъ внутреннимъ достояніемъ, не плодомъ требованій своей природы, не живою сердечною увѣренностью, а внѣшнимъ наслѣдіемъ, принятымъ отъ другихъ, но не усвоеннымъ, не прочувствованнымъ, не вошедшимъ въ плоть и кровь, т. е. является не истинною вѣрою, а внѣшнимъ исповѣданіемъ чужой вѣры. Мнѣніе о враждѣ вѣры и знанія потому и пользуется большою распространенностью въ наше время, что мы въ ежедневной жизни привыкаемъ говорить и даже мыслить о вѣрѣ какъ о

¹⁾ В. Песмылова, Наука о человѣкѣ, стр. 103.

чемъ то внѣшнемъ для насъ, какъ о покровѣ, подѣ которымъ мы только ходимъ и движемся своими, независимыми движеніями. „Вѣра для иного изъ насъ точно ящикъ съ лекарствами, который мы открываемъ въ минуту страха за здоровье, и потомъ закрываемъ и ставимъ въ кладовую; для другого—отдѣльный кабинетъ; куда онъ на время удаляется съ тѣмъ, чтобы побыть въ немъ немного и выйти; для иного—одежда, въ которую онъ облачается для извѣстныхъ цѣлей“¹⁾. Но кто не имѣетъ живой религіозной вѣры, у кого вѣра только въ словахъ и мысляхъ, но не въ сердцѣ и не въ требованіяхъ воли, тотъ, строго говоря, не имѣетъ права разсуждать о вѣрѣ, произносить ей обвинительный приговоръ. Чтобы разсуждать о вѣрѣ, нужно ее знать; а чтобы знать, нужно испытать, пережить. Въ противномъ случаѣ всѣ мудрыя умствованія о вѣрѣ будутъ подобны разсужденіямъ слѣпому о цвѣтахъ, глухого о звукахъ, утратившаго обоняніе о запахахъ. Если спросить людей живой религіозной вѣры объ Иисусѣ Христѣ, то они отъ полноты духовнаго опыта скажутъ вмѣстѣ съ ап. Петромъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы *увѣровали и познали*, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живого“ (Іоан. 6, 69); или вмѣстѣ съ ап. Павломъ: „Я *знаю*, въ Кого *увѣровалъ и увѣренъ*, что Онъ силенъ сохранить залогъ мой на оный день“ (2 Тим. 1, 12).

И. Невзоровъ.

¹⁾ Доброе слово, стр. 46.

Систематическое изложене педагогическихъ воззрѣній свв. отцовъ и учителей церкви.

(Продотженіе *).

Что касается мѣръ и средствъ религіозно-нравственнаго воспитанія, то свв. отцы въ этомъ случаѣ предлагаютъ средства, какъ положительныя, такъ и отрицательныя.

Скажемъ сначала о положительныхъ средствахъ. Первыми и главными воспитательными средствами свв. отцы считаютъ церковныя таинства, Богослуженіе и наставленіе въ истинахъ вѣры.

Такъ какъ цѣлію воспитанія свв. отцы поставляютъ спасеніе души, то и требуютъ отъ родителей прежде всего крещенія ихъ дѣтей ¹⁾, чтобы чрезъ это, выражаясь словами св. Григорія Богослова, они „не давали времени усилиться въ дѣтяхъ поврежденію (нравственному), но уже въ младенчествѣ посвящали ихъ Духу Святому“ ²⁾, стараясь съ первыхъ дней рожденія „освящать духовно возрождать и обновлять ихъ“ ³⁾. Съ крещеніемъ дѣтей родители должны соединять и миропомазаніе ихъ, по словамъ бл. Августина и св. Златоуста ⁴⁾.

Для поддержанія обновленныхъ духовныхъ силъ дѣтей свв. отцы совѣтуютъ приобщать ихъ св. Тѣла и Крови Христовой ⁵⁾.

Съ ранняго-же возраста свв. отцы совѣтуютъ приучать дѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г. № 20.

1) Св. Кирилъ Иер. таинновод. поученія; August. Contra pelag., lib. I, c. VI.

2) Св. Григорій Бог. Слово на крещеніе.

3) Св. Насилій В. о Св. Духѣ, гл. 10, в постановл. Карѣаг. соб. (418 г.), пр. 110.

4) Августинъ. Слово по случаю совершенія чуда при мощахъ архид. Стефана. (См. „Воскр. Чтен.“ ч. 13, стр. 21; Св. Злат. бесѣд. на I Кор., 12 бес., 222 стр.

5) Cyrilian De lapsis, p. 244; August., de verb. Apost., I Tim., Sermo CLXXIV, p. 580, t. 5, c. 7, также Апост. пост., кн. 8, гл. 12.

тей къ крестному знаменію, къ молитвѣ, къ Богослуженію, считая это наилучшими средствами религіозно-нравственнаго воспитанія. „Съ самаго перваго возраста ограждайте дѣтей духовнымъ оружіемъ,—учить св. Златоустъ,—и научайте ихъ запечатлѣвать крестомъ свое чело, а прежде нежели они будутъ въ состояніи дѣлать это своею рукою, вы сами изображайте на нихъ крестъ“¹⁾).

Такъ какъ молитва имѣетъ двѣ стороны, нравственную и догматическую: то, дѣйствуя на сердце, молитва, по самому свойству своему, назидаетъ и просвѣщаетъ умъ молящихся, озоряя его свѣтомъ Богопознанія,—поэтому св. отцы особенно совѣтуютъ ее воспитателямъ для наставленія дѣтей.

Призывая всѣхъ къ непрестанной молитвѣ, свв. отцы просятъ брать съ собой и дѣтей какъ на домаліише Богослуженіе, совершаемое главою семейства²⁾, такъ и на общественное, совершаемое пастырями церкви³⁾. Совѣтуютъ они заставлятъ дѣтей затверживать извѣстныя молитвы на память, пѣть гимны и псалмы при обыкновенныхъ ихъ занятіяхъ⁴⁾, вставать на молитву даже ночью⁵⁾. „Къ ней (Павлѣ), пишетъ бл. Іеронимъ,—должна быть приставлена дѣвица старая..., которая научила бы ее собственнымъ примѣромъ вставать ночью для молитвы и псалмовъ, поутру пѣть гимны, въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу становиться на подвигъ, и когда зажжется лампадка, принести жертву вечернюю—за молитвою будетъ слѣдовать чтеніе, за чтеніемъ—молитва“⁶⁾. „Глава жены—мужъ, помощница мужа—жена,—говоритъ св. Златоустъ. Пусть-же ни глава не рѣшается безъ тѣла переступить церковные пороги, ни тѣло безъ главы пусть не является, но весь человѣкъ пусть приходитъ сюда, приводя съ собой и дѣтей. Какъ пріятно видѣть дерево производящимъ отъ своего корня молодое растеніе, такъ еще болѣе пріятнѣй даже пріятнѣе всякой маслины видѣть человѣка, подлѣ котораго стоитъ дитя, какъ-бы молодое

1) Бесѣд. на I Кор., 12 бесѣда, стр. 222—223.

2) Св. Василій В. De vit. satit., т. 5, р. 43; Злат. Бесѣд. на Дѣян. бес. 26, стр. 245.

3) Апост. пост., кн. 2, гл. 56 и 59, кн. 5.

4) Злат. Толков. на псалмы 41.

5) Климентъ Ал. Педаг., кн. 2, гл. 9; Злат. Бесѣд. на Дѣян. бесѣд. 17, стр. 246.

6) Письмо къ Летъ, т. 2, стр. 443—444.

растение отъ его корня,—и не только пріятно, но и полезно“¹⁾. „Какъ посылая въ училище,—говоритъ тотъ-же святитель,—мы требуемъ отъ дѣтей отчета въ наукахъ. такъ (должны мы поступать) и въ церковь посылая, или лучше, приводя ихъ, ибо не другимъ ввѣрять ихъ, но самимъ съ ними надобно приходиться сюда и требовать, что-бы они помнили слышанное и преподаваемое здѣсь. Такимъ образомъ для насъ было-бы легко и удобно исправленіе дѣтей; ибо, если-бы и дома они постоянно слышали отъ насъ бесѣды о любомудріи и совѣты о томъ, что должно дѣлать, и здѣшнее присоединялось-бы у нихъ къ тамошнему, тогда скоро они явили-бы намъ зрѣлые плоды добрыхъ сѣмянъ“²⁾.

Важнымъ воспитательнымъ средствомъ свв. отцы считаютъ наставленіе дѣтей въ религіозно-нравственныхъ истинахъ, для чего считаютъ необходимымъ, кромѣ молитвы и Богослуженія, пріучать ихъ съ самаго ранняго возраста къ слушанію и чтенію св. Писанія и твореній свв. отцовъ. „Не говорите,—убѣждаетъ св. Златоустъ современниковъ,—что въ дѣтствѣ еще не время заниматься вѣрою. Дѣтямъ—то особенно и нужно преподавать первые уроки вѣры и благочестія. По самой гибкости ума своего они способны болѣе, нежели взрослые, принимать и сохранять впечатлѣнія. Какъ мягкій воскъ легко принимаетъ черты на немъ напечатлѣваемыя: такъ и они принимаютъ впечатлѣнія безъ большихъ усилій“³⁾. Не думайте, что чтеніе Библии будетъ для дѣтей совсѣмъ непонятнымъ и бесполезнымъ,—нѣтъ „одинъ взглядъ на эту книгу,—говоритъ св. Златоустъ,—часто лишаетъ охоты ко грѣху, а самымъ чтеніемъ пріобрѣтается великое освященіе. Черезъ усердное чтеніе св. Писаній душа, какъ-бы вводимая въ самое внутреннее святилище, очищается и содѣлывается лучшею, такъ-какъ черезъ эти Писанія съ нею бесѣдуетъ Самъ Богъ“⁴⁾. „Съ дѣтства воспитывай его (сына),—учитъ тотъ-же Златоустъ,—въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Не думай, что-бы слушаніе Божественныхъ Писаній было для него дѣломъ излишнимъ.

1) Бесѣды на разн. мѣста Пис., т. I, 560 (Сп. 1864 г.).

2) Бесѣд. на разн. мѣста Пис., т. III, 159.

3) Избр. мѣста о воспит. (Хр. Чт., 1838, ч. 4, 253—254.

4) Бесѣд. къ Антиох. нар., I, 78—79 (изд. 1859 г.).

Тамъ онъ услышитъ прежде всего: *что отца твоего и матери твою*,—слова, направленные къ твоей пользѣ¹⁾. То же почти говоритъ и бл. Августинъ²⁾.

Св. Григорій Богословъ, указывая на свой примѣръ, говоритъ: „моя-кормилица отъ самой колыбели моей начала питать меня Божиимъ словомъ и не прекращала до конца своего попеченія о моемъ младенствѣ“³⁾. Не ограничиваясь чтеніемъ и изученіемъ св. Писанія, свв. отцы совѣтуютъ научать дѣтей и твореніямъ святителей, ихъ предшественниковъ⁴⁾. Сообщать религіозно-нравственныя истины дѣтямъ они совѣтуютъ постепенно, смотря по ихъ развитію⁵⁾. Дѣтей съ самаго ранняго возраста они совѣтуютъ прежде всего наставлять въ почтеніи и уваженіи къ родителямъ, потому-что это, по св. Златоусту,—самыя естественныя и удобопонятныя для нихъ истины и въ нихъ заключается „твердое основаніе для ихъ добродѣтельной жизни.. Ибо если кто непочтителенъ къ родителямъ, тотъ будетъ-ли когда-нибудь таковыхъ въ отношеніи къ стороннимъ лицамъ?“⁶⁾.

Самое наставленіе въ истинахъ и обязанностяхъ, свойственныхъ первому возрасту,—по замѣчанію того-же Златоуста,—должно быть краткимъ, потому что нѣжныя умы не могутъ еще усвоить пространнаго ученія⁷⁾.

По мѣрѣ развитія дѣтей, и наставленія имъ должны увеличиваться и по количеству и по качеству: извѣстныя истины нужно сообщать отрокамъ⁸⁾, извѣстныя юношамъ⁹⁾.

Особенно свв. отцы настаиваютъ на значеніи жизненныхъ примѣровъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ примѣровъ, всѣ наставленія остаются, большею частію, „мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ“. Свято-отеческихъ сужденій объ этомъ мы привели достаточно; при-

1) Бесѣд. къ Еф., ч. I, стр. 347.

2) Августинъ. Исповѣдь, кн. 3, гл. 5; кн. 7, гл. 20; Sermo de tempor. CLXVIII, t. 5, p. 207.

3) Св. Григорій Бог. письмо 79.

4) Бл. Иеронимъ. Письмо къ Летѣ, т. II, 446.

5) Ibid.

6) Бесѣд. на посл. Еф., ч. I, бес. 21, 346.

7) Ibid. То же говоритъ и бл. Иеронимъ въ письмѣ къ Гавденцію, т. 3, стр. 89.

8) August. Sermo de tempor. CLXVIII, t. V, p. 207.

9) Св. Амвросій, Соч. о должностяхъ, кн. I, гл. 17.

ведемъ здѣсь еще одно. „Необходимо,—учить св. Ефремъ Сиринъ,—чтобы старшіе младшимъ представляли примѣры во всѣхъ добродѣтеляхъ и не подавали никакого повода къ соблазну. Ибо если мы взрослые сами не покорны, какъ меньшимъ будемъ внушать повиновеніе? Если сами преданы многояденію, или нетрезвости и скуности: какъ низшихъ можемъ расположить къ воздержанію и простотѣ? Если сами разсѣянны, многорѣчивы и непостоянны: какъ юнѣйшихъ научимъ степенности, постоянству и молчанію“¹⁾.

Но, совѣтуя дѣйствовать на дѣтей примѣрами, свв. отцы учатъ, что ограничиваться въ дѣлѣ воспитанія ими одними нельзя, нужно обязательно соединять ихъ съ словесными наставленіями. „Совершеннѣйшая цѣль ученія и состоитъ въ томъ, чтобы и дѣлами, и словами привести поучаемыхъ къ блаженной жизни, которую заповѣдалъ Христосъ. Для ученія-же недовольно дѣлѣ. И это не мое слово, а самого Спасителя: *кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствіи небесномъ* (Мѡ. 5, 19). Если бы дѣло значило учить, то напрасно поставлено второе слово... Жизнь (добрая) много можетъ содѣйствовать намъ къ исполненію заповѣдей; но я не скажу, чтобы и въ этомъ отношеніи она одна могла совершить все. Когда-же возбуждается споръ о догматахъ, и всѣ состязуются отъ писанія: какую силу можетъ имѣть здѣсь жизнь? Какая польза въ изнурительныхъ подвигахъ, когда кто, по великой неопытности, внавѣ въ ересь, отдѣлится отъ тѣла Церкви? Я знаю, что многіе испытали это. Какая здѣсь польза отъ терпѣнія? Никакой; такъ-же какъ и въ правой вѣрѣ, при развращенной жизни“²⁾, такъ говоритъ св. Златоустъ. Поэтому бл. Августинъ и убѣждаетъ воспріемниковъ, говоря: „Вы должны наставлять дѣтей на всякое благое дѣло не только примѣромъ, но и словами“³⁾. Но всѣми этими наставленіями и жизненными примѣрами должно, по ученію свв. отцовъ, вліять

¹⁾ Увѣщат. слово къ Егип. монах. сл. 14. (См. Хр. Чт. 1845 г., ч. 2, стр. 83). То же говоритъ и Климентъ Ал., Педагогъ, кн. 3, гл. 8.

²⁾ Соч. о священствѣ, русс. пер. Матвѣевскаго, 90—91; то же говоритъ и св. Григорій Бог. См. oratio funeibus in laudem Basilii, ed. Morelli, t. I, p. 323—324.

³⁾ August. De tempor, tract. CXVI.

главнымъ образомъ на сердце дитяти, потому что образованіе ума и воли, безъ сердечнаго усвоенія, бываетъ бесплодно или порождаетъ фарисейство ¹⁾).

Отрицательныя мѣры воспитанія, по ученію свв. отцовъ, состоятъ въ томъ, что-бы удалить дѣтей отъ всѣхъ соблазновъ, которые могутъ вредно отразиться на ихъ религіозно-нравственномъ развитіи. Они совѣтуютъ, чтобы ни умственно-эстетическое образованіе не развращало ихъ, ни товарищество и сообщество, и никакія внѣшнія условія жизни.

О характерѣ умственно-эстетическаго образованія скажемъ ниже.

Товарищество и сообщество имѣютъ громадное вліяніе на такое или иное направленіе дѣтей; поэтому свв. отцы совѣтуютъ воспитателямъ быть очень осторожными въ выборѣ товарищей и друзей для своихъ воспитанниковъ.

„Какъ тѣло погибаетъ отъ заразы испорченнаго воздуха,—говоритъ св. Златоустъ,—такъ точно душа часто терпитъ вредъ отъ общенія съ людьми порочными“ ²⁾. И дурные товарищи не только тѣ, которые дурно поступаютъ, но и тѣ, которые ведутъ худыя бесѣды. „Какъ дурная вода портитъ хорошее вино, такъ худыя бесѣды развращаютъ добрыхъ по жизни и по сердцу людей“ ³⁾, говоритъ св. Антоній Великій; „ибо привычка къ словамъ негоднымъ,—по выраженію св. Василия Великаго,—служитъ нѣкоторымъ путемъ къ дѣламъ“ ⁴⁾. По этому свв. отцы совѣтуютъ удалять дѣтей отъ дурныхъ сообществъ. „Пусть выберетъ она (Павла) себѣ,—пишетъ бл. Иеронимъ Летѣ,—въ компаньонки не щеголиху и красавицу, которая плавнымъ горломъ пріятно распѣвала-бы пѣсни, но женщину серьезную... Съ дурными дѣвицами не должна имѣть сообщества“ ⁵⁾. Картинно описываетъ пагубное вліяніе дурнаго товарищества на себя самаго бл. Августинъ въ своей „Исповѣди“ и, описавъ, восклицаетъ: „о пагубное товарищество“! ⁶⁾ Оттого-то свв. отцы

¹⁾ Clem. Alex. Strom. T. 2, p. 370.

²⁾ Бесѣда на V псал. (Собр. поученій, избр. изъ тв. Св. Злат. Дерибнишнѣ, т. I, 72).

³⁾ Наставлен. для нравств. чезов. и доброй жизни, гл. 147. (См. Хр. Чт. 1821 г., ч. I, стр. 288). То же у Климентя въ Педаг., кн. 3, гл. 4.

⁴⁾ Бесѣд. къ юнош., ч. 4, стр. 348.

⁵⁾ Твор. т. II, стр. 443 и 445.

⁶⁾ Исп., кн. 2, гл. 3—9.

совѣтуютъ, не отрицая вообще пользы добраго товарищества—чтобы дѣти больше обращались въ обществѣ взрослыхъ и нравственныхъ людей. „Какъ обращеніе съ равными пріятнѣе, такъ съ старшими безопаснѣе,—говоритъ св. Амвросій юношамъ, ибо, за предводительствомъ ихъ жизни, нравы юношей укрощаются и напоеваются росой благочестія“ ¹⁾. Свв. отцы совѣтуютъ, чтобы воспитатели не позволяли близкаго сношенія молодыхъ людей одного пола съ другимъ,—чтобы слабость и раздражительность не вовлекли ихъ въ сѣти діавола ²⁾.

Относительно всякихъ публичныхъ собраній свв. отцы совѣтуютъ, чтобы дѣти не ходили туда безъ надлежащаго присмотра старшихъ. „Въ общественныхъ мѣстахъ она (Павла) не должна появляться безъ тебя“ ³⁾, пишетъ бл. Іеронимъ Летѣ. „Пусть не ходитъ слишкомъ свободно она (Пакагула) въ публичныхъ мѣстахъ“ ⁴⁾, пишетъ бл. Іеронимъ Гавденцію. Не совѣтуютъ они водить дѣтей на такія собранія, гдѣ происходятъ неумѣренныя пиршества,—гдѣ они могутъ выслушать много дурного и къ нему пріучиться ⁵⁾. Особенно свв. отцы возстаютъ противъ посѣщенія дѣтьми театровъ и разныхъ зрѣлищъ, находя ихъ самыми вредными для нравственнаго воспитанія дѣтей. Такой взглядъ свв. отцовъ и учителей Церкви на театръ и зрѣлища объясняется тѣмъ, что дѣйствительно они въ то время носили характеръ языческой и въ нравственномъ отношеніи представляли истое училище разврата. Вотъ какъ характеризуетъ тогдашній театръ св. Златоустъ: „Когда представляющіе смѣшное на театрѣ скажутъ что нибудь богохульное и срамное, тогда многіе, будучи еще безумнѣе ихъ, сему смѣются, забавляются; за что надлежало-бы побить камнями, тому рукоплещутъ, и за такое удовольствіе сами себѣ готовятъ огненную печь... Не говори мнѣ, что представляемое въ театрѣ есть одно лицедѣйство, ибо сіе лицедѣйство многихъ сдѣлало прелюбодѣями, многіе дома разстроило..

Ибо одному только сладострастному и наглому глазу сносно

¹⁾ Соч. о должностяхъ, кн. I, гл. 43, стр. 39.

²⁾ Syriac. Epist. ad Romponium de virgin. 62, p. 142. (См. Соб. I Карс., пр. 3—4); бл. Іеронимъ письмо къ Летѣ и Гавденцію.

³⁾ Твор., т. 2, стр. 443.

⁴⁾ Т. 3, стр. 89.

⁵⁾ Св. Амвросій. О должностяхъ, кн. I, гл. 20, стр. 17; бл. Іеронимъ, письмо къ Летѣ, стр. 442 и 445.

смотря на сіе; на площади не станешь смотря на обнаженную женщину, а еще меньше дома, ты оскорбишься такимъ зрѣлищемъ; а въ театръ идешь, дабы оскорбить честь и мужскаго и женскаго пола, и осрамить глаза свои“... ¹⁾).

Въ виду такого развращающаго характера тогдашнихъ театровъ, свв. отцы строго воспрещаютъ воспитателямъ водить туда своихъ воспитанниковъ. „Если старцу не должно дѣлать этого (ходить въ театръ и на зрѣлища), тѣмъ болѣе юношѣ, говоритъ св. Златоустъ. И для того (старика) великъ позоръ и большой стыдъ; а для этого (юноши) тѣмъ болѣе ужасная гибель и глубокая пропасть, чѣмъ живѣе въ юношахъ вождельнія, чѣмъ сильнѣе въ нихъ пламень, который, лишь только получить хоть немного вещества отънѣ, зажигаетъ все“ ²⁾).

Свв. отцы совѣтуютъ удалять дѣтей отъ роскоши, тщеславія, праздности, не приучать къ сребролюбію, а учить умѣренности, труду и самопознанію. „Вы учите,—говоритъ современникамъ св. Златоустъ,—своихъ дѣтей двумъ страстямъ—сребролюбію и тщеславію. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ низвергнуть все; а когда онѣ вторгнутся обѣ вмѣстѣ въ нѣжную душу юноши, то, подобно соединившимся бурнымъ потокамъ, губятъ все доброе, и наносятъ столько тернія, столько песку, столько сору, что дѣлаютъ душу бесплодною и неспособною ни къ чему доброму. Пристрастившіеся къ деньгамъ, обыкновенно, бываютъ и завистливы, и злонаправны, и склонны къ клятвамъ, и вѣроломны, и дерзки, и злорѣчивы, и хищны, и безстыдны, и наглы, и непризнательны, словомъ: во всѣхъ отношеніяхъ злы. Достоверный свидѣтель этого—блаженный Павелъ, который сказалъ, что сребролюбіе есть корень всякаго зла въ жизни“ (Тим., 6, 10) ³⁾).

Поэтому, „если хочешь сдѣлать сына богатымъ,—учить тотъ же святитель,—поступай такимъ образомъ. Богатъ не тотъ, кто заботится о большемъ стяжаніи имѣнія и владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Это внушай твоему

¹⁾ Бесѣд. на Ев. Мѡ., стр. 116—117 (изд. Москва 1886 г.). То же въ бесѣдѣ на Ев. Іоанна ч. II, стр. 299—303, 333; въ бесѣд. къ Антиох. нар., ч. I, 481; у бл. Іеронима, тв., ч. 3, стр. 403 (изд. Кіевъ, 1880 г.).

²⁾ Бесѣд. къ Антиох. нар. т. II, 63--69; то же у Суріан de disciplin. et hab. virg, р. 232.

³⁾ Слова, т. III, стр. 160—161.

сыну, этому учи его: въ этомъ величайшее богатство. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ по внѣшней учености и доставить ему славу настоящей жизни, но старайся о томъ, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе" ¹⁾. По возрѣнію свв. отцовъ, не должно приучать дѣтей къ роскоши въ одеждѣ и другихъ внѣшнихъ украшеніяхъ: скромность и умѣренность должны въ данномъ случаѣ быть на первомъ планѣ, такъ какъ всякое такое излишество ведетъ ихъ къ нравственному разврату ²⁾. Вообще излишняя забота объ украшеніи тѣла,—по возрѣнію свв. отцовъ,—служитъ большимъ препятствіемъ къ украшенію души христіанскими добродѣтелями ³⁾. Такой же умѣренности для дѣтей они требуютъ и въ отношеніи пищи и питья, потому что невоздержанность и сластолюбіе, помимо причиненія физическаго вреда имъ, могутъ нанести громаднѣйшій нравственный вредъ, возбуждая въ нихъ грѣховныя страсти и вожделѣнія ⁴⁾.

Они также желаютъ, чтобы дѣти рѣже предавались праздности и больше находились при какомъ нибудь серьезномъ занятіи, особенно чтеніи св. Писанія и молитвѣ, такъ какъ праздность ведетъ къ дурнымъ мыслямъ и поступкамъ ⁵⁾.

Совѣтуютъ они приучать дѣтей къ самовниманію, къ размышленію о себѣ: о своей природѣ, о высокомъ своемъ назначеніи и т. п.,—потому что такое самопознаніе можетъ принести имъ большую пользу въ нравственномъ отношеніи, заставляя ихъ твердо помнить великую отвѣтственность предъ Богомъ за свою жизнь ⁶⁾. Вообще свв. отцы совѣтуютъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы воспитать изъ дѣтей истинныхъ христіанъ. „Нужно тщательно смотрѣть,—говоритъ св.

¹⁾ Бесѣд. на посл. къ Ев., ч. I, 350.

²⁾ Климентъ. Педаг., кн. 3, гл. 2—3; кн. 2, гл. 12; Cyprian de discip. et hab., p. 230; Const. Apost., lib. I, стр. 3, p. 304. Tertullian. De habitu muliebr., lib. I, стр. 8 и 4; бл. Иерон., письмо къ Летѣ, тв. ч. II, 439; св. Василій В., ч. V, вопр. 22, стр. 150 и далѣе.

³⁾ Tertullian, De habit. muliebr., lib. 2, cap. 3, p. 155 и 163.

⁴⁾ Климентъ Ал. Педаг. кн. 2, гл. I, стр. 109—110, гл. 2; св. Василій В., твор. ч. 4, стр. 359; бл. Иеронимъ, п. къ Летѣ, т. II, стр. 444.

⁵⁾ Бл. Иеронимъ, п. къ Летѣ, стр. 443—444; св. Василій В., т. V, стр. 133—134.

⁶⁾ Климентъ Ал. Педаг., кн. 3, гл. I, стр. 241; св. Василій В., т. V, 134—135 Origen. Contra Celsum, lib. 3, p. 694.

Златоустъ,—и за входами ихъ, и выходами, и за поведеніемъ и знакомствами, въ той увѣренности, что за небреженіе объ этомъ мы не получимъ прощенія отъ Бога“ ¹⁾).

Къ числу отрицательныхъ мѣръ воспитанія нужно отнести награды и наказанія; о нихъ также есть сужденія у свв. отцовъ и учителей Церкви.

Въ основѣ этихъ мѣръ они полагаютъ искреннюю любовь, при которой только онѣ и могутъ имѣть воспитательное значеніе²⁾).

Награды должны состоять, по воззрѣнію свв. отцовъ, преимущественно, въ словесной похвалѣ дѣтей, за успѣшное исполненіе возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, и въ поощреніи ихъ къ большому преуспѣянію въ добрѣ, обѣщая небесное блаженство, уготованное тѣмъ, кто живетъ по заповѣдямъ Божиимъ³⁾).

Что касается наказаній, то свв. отцы, сообразно съ наставленіемъ Ап. Павла: *отцы не раздражайте чадъ своихъ* (Еф. 6, 4),—совѣтуютъ воспитателямъ, и наказывая дѣтей, не унижать ихъ человѣческаго достоинства суровымъ и грубымъ обращеніемъ,—не озлоблять и не ожесточать ихъ ими, а наказывать отъ искренней любви, съ одною цѣлію исправить ихъ. „Цѣль наказаній,—говоритъ Климентъ Александрійскій, —пробудить нравственное чувство“ ⁴⁾. „На кого похвала не дѣйствуетъ,—говоритъ онъ-же,—того понуждаетъ онъ (педагогъ) порицаніемъ. Порицаніе есть признакъ благорасположенности, а не ненависти. И другъ, и врагъ порицаютъ; но врагъ дѣлаетъ это съ злораднымъ хохотомъ, а другъ—отъ сердечной благорасположенности“ ⁵⁾. „Не раздражайте чадъ своихъ, какъ это дѣлаютъ многіе родители..., обращаясь съ ними жестоко, какъ съ рабами, а не какъ съ свободными“ ⁶⁾),—учитъ св. Златоустъ. Свв. отцы желаютъ, только чтобы любовь къ дѣтямъ не переходила въ поблажку и потворство ихъ страстямъ. „Господь Богъ повелѣлъ родителямъ любить своихъ дѣтей,—говоритъ тотъ-же святитель, но Онъ-же поло-

¹⁾ Бесѣды на разн. мѣста св. Пис., ч. 3, стр. 152.

²⁾ Св. Василій В., тв. ч. V, 133; св. Златоустъ Бесѣд. на посл. къ Еф., ч. I, 346; Климентъ. Пед., кн. I, гл. 9, стр. 76 и др.

³⁾ Св. Василій В., ч. V, вопр. 15, стр. 134; Климентъ. Пед., кн. I, гл. 9, стр. 76; Origen. Contra Cels., lib. 3, p. 695.

⁴⁾ Педар., кн. I, гл. 9, стр. 78.

⁵⁾ Ibid., гл. 8, стр. 69.

жилъ и мѣру этой любви, соотвѣтственно правамъ ихъ. Онъ ввѣрилъ любовь родителей и необходимости природы, и правамъ дѣтей, чтобы они (родители) и были снисходительны къ неважнымъ погрѣшностямъ дѣтей, какъ побуждаетъ ихъ къ тому природа, и злыхъ и ненсцѣльно больныхъ не укореняли-бы въ злѣ преступнымъ потворствомъ, когда-бы опять природа одолѣвала и могла заставить ихъ ласкать и негодныхъ дѣтей¹⁾. Вотъ что говоритъ о пользѣ наказаній Климентъ Александрийскій: „Методъ строгій для правильности въ воспитаніи полезенъ; онъ имѣетъ значеніе необходимаго при воспитаніи вспомогательнаго средства. Многія изъ страстей искоренимы лишь при посредствѣ наказаній, черезъ объявленіе строжайшихъ заповѣдей и чрезъ преподаваніе нѣкоторыхъ (строжайшихъ) умозрительныхъ основоположеній. Такъ, напр., порицаніе для страстей душевныхъ есть нѣкотораго рода хирургическая операція. Страсти суть гнойные наросты (на тѣлѣ) истины: черезъ порицаніе какъ-бы чрезъ взрѣзаніе онѣ бывають вскрываемы. Порицаніе походитъ на лекарство, затвердѣлыя наросты страстей разжижающее и неприглядность нѣкоторыхъ сторонъ жизни отъ грязи очищающее; что заросло слишкомъ и обросло плогію высокомѣрія, то порицаніемъ выравнивается и смягчается; человекъ оно вновь оздоравливаетъ и обновляетъ... Подобнымъ образомъ и увѣщаніе на душу больную дѣйствуетъ какъ-бы діетическое правило; оно совѣтуетъ, что ей должно въ себя принимать, но оно и запрещаетъ, указывая, чѣмъ не должна она питаться. Но и порицаніемъ и увѣщаніемъ имѣется въ виду доставлять намъ спасеніе и вѣчное здоровье“²⁾. Врачъ не только тогда достоинъ похвалы,—говоритъ св. Златоустъ,—когда выводитъ больного въ сады и на луга, когда предлагаетъ ему роскошный столъ, но и когда заставляетъ его оставаться безъ пищи, томитъ голодомъ и жаждою, когда прикрѣпляетъ къ постели и домъ дѣлаетъ темницею, закрываетъ комнату со всѣхъ сторонъ завѣсами и лишаетъ больного самаго свѣта, когда предписываетъ ему горькія лекарства,—даже когда подвергаетъ его сѣченію и жженію, и тогда онъ тотъ же врачъ“³⁾.

1) Бесѣд. къ Антиох. народу, т. II, стр. 14.

2) Педагогъ, кн. I, гл. 8, стр. 68—69; то же у Тертуліана въ соч. ad Marcionem. lib. II, cap. 16.

3) Бесѣд. къ Антиох. нар., т. II, стр. 222—223.

И больной навсегда останется благодарнымъ врачу, если только онъ избавитъ его отъ болѣзни, хотя-бы при этомъ и былъ отнятъ у него зараженный членъ: рука, нога, или иной какой органъ. Подобно больному, и дѣти всегда съ признательностью будутъ вспоминать своихъ воспитателей, которые для ихъ пользы, въ необходимыхъ случаяхъ, рѣшались употреблять, по искренней къ нимъ любви, и строгія мѣры. Для родителей и воспитателей будетъ очень горько, когда въ силу ихъ потворства и поблажки, воспитаются негодныя дѣти, которыхъ впослѣдствіи придется наказывать судѣ или блюстителю общественнаго порядка ¹⁾. И такое потворство родителей получить возмездіе не только предъ судомъ ихъ собственной совѣсти, которая будетъ причинять имъ сердечную боль, но и предъ судомъ Божественнымъ. Въ подтвержденіе послѣдняго свв. отцы указывали на одно событіе изъ древне-еврейской исторіи о первосвященникѣ Или, который былъ наказанъ за своихъ неблаговоспитанныхъ дѣтей ²⁾.

Наказанія должно налагать, по воззрѣнію свв. отцовъ, сообразно характеру провинившагося и ихъ проступкамъ. „Педагогъ,—говоритъ Климентъ Александрійскій, соображается въ наказаніяхъ съ особенностями каждаго человѣка; то бодеть употребляетъ онъ, то узду“ ³⁾. „Послѣ каждаго паденія (дѣтей),—говоритъ св. Василій,—нужно употреблять приличныя врачества; отъ чего бы одно и то же служило наказаніемъ за погрѣшность и обращалось въ упражненіе въ безпристрастіи душѣ. Напр., разсердился кто на сверстника? Должно успокоить его и заставить самаго разсерженнаго, по мѣрѣ прудерзости, оказать услугу; потому что навѣкъ смиренія какъ бы отсѣкаетъ душевную раздражительность, а превозношеніе, всего чаще, производитъ въ насъ гнѣвъ. Коснулся-ли кто не во время снѣди? Пусть большую часть дня остается безъ пищи. Обличень-ли кто, что вкушалъ пищу не въ мѣру, или неблагочिनно? Пусть во время принятія пищи, отлученный отъ яствъ, принужденъ будетъ смотрѣть на другихъ вкушающихъ чинно, чтобы и наказанъ былъ воздержаніемъ и научился честности.

¹⁾ Бесѣд. на разн. мѣста св. Пис. т. III, стр. 156.

²⁾ Ibid., еще Бесѣд. на посл. къ Еф., ч. I, 349; бл. Иеронимъ, тв. ч. 3, стр. 406; св. Василій В., ч. 4, стр. 200—201.

³⁾ Педагогъ, кн. I, гл. 8, стр. 70.

Произнесъ-ли кто праздное слово, оскорбленіе ближнему, ложь, или иное что запрещенное? Пусть уцѣломудрится воздержаніемъ чрева и молчаніемъ ¹⁾).

Про ту же сообразность въ наказаніяхъ говоритъ и Климентъ Александрійскій, который различаетъ слѣдующія духовныя наказанія: внушеніе, укоризну, упрекъ, обличеніе, пристыженіе, вразумленіе, посѣщеніе, поношеніе, обвиненіе, жалобу, насмѣшку и негодованіе ²⁾. Къ числу педагогическихъ наказаній нѣкоторые отцы церкви, особенно св. Златоустъ ³⁾, относили и тѣлесныя наказанія за упорныя проступки дѣтей. Чѣмъ объяснялся такой взглядъ ихъ на благотворность тѣлесныхъ наказаній въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія,—съ точностію нельзя сказать; мы думаемъ, что это объясняется традиціонной ихъ точкой зрѣнія на пользу данныхъ наказаній, обстоятельствами и духомъ времени ⁴⁾. Но и при этомъ они требуютъ, чтобы воспитатели, и наказывая тѣлесно дѣтей, имѣли въ виду одно только искреннее желаніе исправить ихъ, но ничуть не мщеніе. „Бываютъ времена,—говоритъ Климентъ Александрійскій,—что на душу, дошедшую до безчувствія въ печали, нужно раны наложить, но не смертныя, а цѣлебныя, такъ какъ малая печаль предохраняетъ отъ вѣчной смерти“; но и тутъ „исходнымъ началомъ должно быть человеколюбіе“ ⁵⁾. Св. Златоустъ, сказавши о необходимости тѣлесныхъ наказаній въ дѣлѣ воспитанія, продолжаетъ: „Говорю это не съ тѣмъ, чтобы мы были слишкомъ жестокими къ дѣтямъ, но что-бы мы не казались имъ презрѣнными“.

Н. Мироміловъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Св. Василій В. вопр. 15, ч. V, 123—124.

²⁾ Педаг., кн. I, гл. 9, 77—81.

³⁾ Бесѣд. на разн. мѣста св. Пис., т. 3, стр. 151 и др.

⁴⁾ Особенно это нужно сказать о Св. Златоустѣ, который имѣлъ дѣло съ такимъ развращеннымъ народомъ, какъ Антиохійскій. И тамъ, гдѣ мало дѣйствовали мѣры педагогическія, по необходимости пришлось употреблять мѣры исправительныя.

⁵⁾ Педагогъ, кн. I, гл. 9, стр. 73—76.

МАТЕРІЯ, ДУХЪ И ЭНЕРГІЯ, КАКЪ НАЧАЛА ОБЪЕКТИВНАГО БЫТІЯ.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЭТИХЪ ПОНЯТІЙ.

I. Методологическія замѣчанія.

Однимъ изъ самыхъ простыхъ и безъ всякаго спора всеми признанныхъ требованій логики является то, чтобы мы въ нашихъ разсужденіяхъ употребляли только строго опредѣленные понятія и слова, слѣдовательно ясныя по формѣ и по содержанію.

Къ сожалѣнію, это простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь необходимое требованіе не всегда исполняется, какъ слѣдуетъ, и притомъ не только въ обыденной жизни, въ нашемъ повседневномъ мышленіи, но даже весьма часто и въ наукахъ, не исключая тѣхъ, которыя гордятся исключительною „точностью“. Вездѣ, здѣсь и тамъ, мы встрѣчаемъ большое число весьма важныхъ понятій, не опредѣленныхъ точно, и слѣдовательно по своей природѣ, неясныхъ, мутныхъ, шаткихъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что употребленіе понятій, не опредѣленныхъ точно, не всегда является послѣдствіемъ нерадѣнія мысли или умственной лѣности, но вытекаетъ обыкновенно изъ реальной трудности выполнить это требованіе, и часто даже прямо изъ невозможности заняться опредѣленіемъ понятій въ каждомъ частномъ случаѣ. Если бы мы въ нашихъ разсужденіяхъ о томъ или другомъ предметѣ или въ научныхъ изслѣдованіяхъ ножелали употреблять исключительно

понятія, точно нами опредѣленные, то этотъ подготовительный трудъ отвелъ бы насъ совершенно отъ настоящаго предмета изслѣдованія, такъ какъ точное опредѣленіе всѣхъ употребляемыхъ нами понятій есть задача весьма обширная и оно само требуетъ особыхъ, всесторонне проведенныхъ изслѣдованій. Отсюда слѣдуетъ, что каждая наука, по необходимости, пользуется цѣлымъ рядомъ понятій, не опредѣляемыхъ ею точно, но перенятыхъ въ готовой формѣ, такъ какъ иначе она не могла бы сосредоточить своего вниманія на своихъ частныхъ предметахъ изслѣдованія.

Приведенныя причины послужили исходною точкою къ созданію особой науки, имѣющей своимъ предметомъ критическій разборъ всѣхъ понятій, которыя не составляютъ предмета изслѣдованія той или другой спеціальной науки, но все таки входятъ въ составъ каждой изъ нихъ, какъ понятія общія, основныя, созданныя человѣческимъ умомъ при мышленіи о какомъ бы то ни было частномъ предметѣ. Къ такимъ общимъ, основнымъ понятіямъ принадлежатъ понятія, касающіяся, какъ субъективной дѣятельности мышленія, такъ и тѣхъ качествъ бытія, которыя мы признаемъ дѣйствительно существующими, независимо отъ мышленія, слѣдовательно объективно, во всякомъ частномъ предметѣ мышленія.

Наука, имѣющая своей задачей критическій разборъ этихъ понятій, съ цѣлью ихъ по возможности точнаго опредѣленія, есть именно *философія*. Реформа новой философіи, произведенная Кантомъ, состоитъ въ такомъ разборѣ основныхъ понятій человѣческаго ума, а въ духѣ этой реформы Гербартъ весьма удачно опредѣлилъ формальную сторону философіи прямо какъ „обработку понятій (*Bearbeitung der Begriffe*)“.

Разборъ понятій, касающихся субъективной дѣятельности мышленія, особенно же его познавательныхъ процессовъ, составляетъ предметъ философской науки, называемой *логикой*, т. е., теоріи познанія. Разборъ понятій, имѣющихъ объективный характеръ, относящихся къ признанной нами дѣйствительности, независимой отъ самого мышленія, входитъ въ кругъ философской науки, извѣстной подъ названіемъ *Метафизики*. Вмѣстѣ съ наукой, разбирающей сущность и пред-

метъ самой философіи, обыкновенно называемой *Введеніемъ въ философію*, Логика и Метафизика составляютъ основную или фундаментальную часть всякой вообще философіи.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ о матеріи, духѣ и энергіи, вакъ о началахъ *объективнаго бытія*, есть вопросъ *метафизическій*. Всякій, кто высказываетъ что-либо объ объективномъ бытіи, о матеріи, духѣ или энергіи, и даже, когда онъ отрицаетъ ихъ реальное существованіе, когда онъ все сводитъ къ собственному субъективному бытію и его дѣятельности, является метафизикомъ, хотя бы онъ по причинѣ смутныхъ понятій объ этой наукѣ утверждалъ, что не имѣетъ ничего общаго съ метафизикой.

Критическій разборъ всякаго понятія долженъ обнимать слѣдующіе моменты:

1) *Историческое развитіе* даннаго понятія, указывающее на то, какъ возникло его содержаніе съ первыхъ началъ по настоящій моментъ;

2) Объясненіе его *психологическаго генезиса*, слѣдовательно опредѣленіе тѣхъ фактическихъ данныхъ нашего ума, которыми изслѣдуемое понятіе обязано своимъ существованіемъ;

3) Разборъ или *познавательнаго* примѣненія, или *метафизическаго* значенія изслѣдуемаго понятія, т. е., объясненіе то его методологическаго значенія, какъ пособія при разрѣшеніи извѣстныхъ познавательныхъ проблемъ, то его *объективнаго, предметнаго* значенія, какъ отвѣтъ на вопросъ: заключаетъ ли оно въ себѣ содержаніе, которое слѣдуетъ признать существующимъ въ самомъ *бытіи*, независимо отъ нашей мысли, или нѣтъ?

Послѣдовательность выше указанныхъ моментовъ строго *методическая*. Она удовлетворяетъ требованіямъ *критическаго* метода, обнимающаго *индуктивный и синтетическій* ходъ мысли. На основаніи этой послѣдовательности, мы изъ частныхъ фактовъ *исторіи и психологіи* выводимъ общія заключенія, касающіяся или *теоріи познанія* или *метафизики*.

Настоящее наше изслѣдованіе имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе основнаго понятія метафизики, какимъ является понятіе объ *объективномъ бытіи*. Оно обнимаетъ собою по-

нѣтія матеріи, духа и энергіи, какъ составныя начала или какъ частныя формы своего проявленія. Всякое воззрѣніе на какой либо другой предметъ нашего знанія такъ или иначе соединяется съ понятіемъ объ объективномъ бытіи и съ его составными началами. Поэтому, если каждое понятіе, которымъ мы пользуемся, должно быть точно опредѣлено на основаніи критическаго разбора его содержанія, то въ данномъ случаѣ за исходную точку нашего изслѣдованія мы должны принять понятіе объ *объективномъ бытіи* и съ его помощью ближе выяснитъ содержаніе понятій о матеріи, духѣ и энергіи. Съ этой цѣлью мы намѣрены представить здѣсь въ общихъ очеркахъ сперва данныя *исторіи философіи*, касающіяся этого понятія и его началъ, затѣмъ вникнуть въ его *психологическій генезисъ*, и, наконецъ, выяснитъ его *метафизическое содержаніе*.

II. Исторія понятія объ объективномъ бытіи.

Исторія умственнаго развитія человѣка создала цѣлый рядъ типическихъ взглядовъ на объективное бытіе съ частнымъ воззрѣніемъ на его начала, его сущность и явленія. Классификація этихъ типическихъ взглядовъ послужитъ для насъ самою удобною точкою опоры при общемъ обзорѣ исторіи предмета нашего изслѣдованія.

Прежде всего противопоставляются въ сознаніи современнаго изслѣдователя два противоположныя взгляда на объективное бытіе. По первому взгляду объективное бытіе есть дѣйствительность, существующая сама въ себѣ, слѣдовательно независимо отъ нашей мысли о немъ, въ той или иной формѣ; по второму взгляду, напротивъ, объективное бытіе есть не иное что, какъ произведеніе нашей мысли, слѣдовательно не существуетъ абсолютно ни въ какой формѣ внѣ нашей мысли о немъ. Здѣсь понятіе объ объективности подчиняется совершенно понятію о субъективности; всякая объективность чего бы то ни было, слѣдовательно и бытія вообще, существуетъ здѣсь лишь какъ мысль субъекта. Это воззрѣніе мы называемъ *субъективизмомъ*, въ противоположность *объективизму*, признающе-

му объективное, предметное существованіе бытія въ той или другой формѣ, внѣ мысли субъекта.

Субъективизмъ при взглядѣ на объективное бытіе есть произведеніе искусственной абстракціи новыхъ временъ. Собственно слѣдуетъ даже отмѣтить, что до сихъ поръ никто изъ мыслителей не взялъ на себя послѣдовательнаго развитія абсолютнаго субъективизма. Такое послѣдовательное развитіе должно бы привести мыслителя къ возрѣнію, что кромѣ него самаго и его мысли ничего болѣе на самомъ дѣлѣ не существуетъ, слѣдовательно, что и всѣ прочіе люди, съ которыми онъ имѣетъ сношенія, съ которыми онъ споритъ о различныхъ вопросахъ, которые часто защищаютъ совершенно другія возрѣнія, чѣмъ онъ,—не имѣютъ объективнаго бытія, сами въ себѣ, внѣ его мысли о нихъ, но что они по своей сущности тоже лишь его субъективное произведеніе.

Такой послѣдовательный субъективизмъ называется *солипсизмомъ*. До сихъ поръ, однако, никто серьезно не защищалъ солипсизма, т. е., никто до сихъ поръ не утверждалъ, что онъ самъ только существуетъ, что нѣтъ абсолютно никакой объективности, что все представляющееся ему, какъ объективное бытіе, есть лишь произведеніе его собственной субъективной мысли. Если бы даже существовалъ такой солипсистъ и хотѣлъ намъ доказать истину своего взгляда на объективное бытіе, какъ своей собственной мысли, тогда самое это доказательство свидѣтельствовало бы непосредственно о внутреннемъ противорѣчїи его возрѣнія, такъ какъ, приступая къ доказательству, онъ засвидѣтельствовалъ бы этимъ же самымъ, что представители противоположнаго возрѣнія существуютъ дѣйствительно внѣ его, независимо отъ его мысли, слѣдовательно объективно.

По этому слѣдуетъ замѣтить, что субъективизмъ, какъ продуктъ историческаго развитія человѣческаго ума, доказываетъ субъективность понятія объ объективномъ бытіи, только съ точки зрѣнія человѣческаго ума вообще, но не съ точки зрѣнія того или другаго отдѣльнаго мыслителя. А такая общечеловѣческая точка зрѣнія принципиально ограничиваетъ абсолютное развитіе субъективизма. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, мысли-

тель признаетъ существованіе, если не обыкновеннаго міра, то, по крайней мѣрѣ, другихъ подобно ему мыслящихъ существъ, слѣдовательно, извѣстной формы объективнаго бытія, независимаго отъ него. Такъ понимаемый субъективизмъ соединяется, слѣдовательно, непосредственно съ извѣстнымъ *объективизмомъ* и представляетъ одинъ изъ возможныхъ взглядовъ на объективное бытіе, какъ объективное, но не сводитъ уже абсолютно этого понятія къ началамъ чисто субъективнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что съ такимъ субъективнымъ пониманіемъ объективнаго бытія мы встрѣтимся еще разъ, когда обратимъ вниманіе на соотвѣтственные типичные взгляды объективизма.

Въ самомъ дѣлѣ, переходя на поприще *объективизма*, мы должны опять отличить въ исторіи взглядовъ на объективное бытіе тѣ воззрѣнія, которыя заключаютъ въ себѣ еще принципиально начала субъективизма, отъ воззрѣній, имѣющихъ характеръ чистаго объективизма.

Такъ, *Бэркли* представляетъ въ исторіи философіи воззрѣніе самое субъективное на объективное бытіе, приближающееся даже отчасти къ солипсизму. По его мнѣнію, чувственнаго, матеріальнаго міра вовсе нѣтъ; онъ не что иное, какъ наше субъективное представленіе. Слѣдовательно, та форма бытія, которая большинствомъ людей признается самою реальною, настоящимъ объективнымъ міромъ, не имѣетъ въ глазахъ *Бэркли* самостоятельнаго значенія, а является въ полности произведеніемъ мыслящаго субъекта. *Бэркли* сталъ бы солипсистомъ, если бы не допускалъ, что объективное, реальное, дѣйствительное бытіе существуетъ и внѣ его собственной мысли. Но это объективное, независимо отъ него существующее бытіе, сводится по его ученію исключительно къ существованію другихъ мыслящихъ существъ, особенно же высшаго духа, Бога, который, дѣйствуя на насъ, вызываетъ въ насъ представленія о чувственныхъ предметахъ, равно какъ и общее понятіе о матеріальномъ мірѣ, будто-бы существующемъ объективно, внѣ нашей мысли о немъ.

Такъ такъ приведенное понятіе объ объективномъ бытіи принципиально отступаетъ отъ обыкновеннаго объективизма въ пользу субъективныхъ началъ этого понятія, и кромѣ того

признаетъ существованіе другихъ субъектовъ, особенно же Бога, на основаніи непосредственной вѣры, безъ критическаго разбора соотвѣтственныхъ данныхъ,—поэтому мы этотъ взглядъ Бэркли и всѣ родственные съ нимъ называемъ *догматическимъ субъективизмомъ*. Присемъ догматическій характеръ относится именно къ предметному, объективному началу, внесенному въ сферу субъективизма безъ соотвѣтственной критики.

Напротивъ, критическую форму, но съ отрицательнымъ, т. е., скептическимъ результатомъ, принялъ субъективизмъ у *Канта*. Онъ не отрицаетъ дѣйствительности объективнаго бытія внѣ мыслящаго субъекта, но доказываетъ, что это объективное бытіе, названное имъ *вещью самой въ себѣ* (*das Ding an sich*), не можетъ быть познаваемо человѣческимъ умомъ, такъ какъ всякія усилія въ этомъ направленіи зависятъ отъ организациі мыслящаго субъекта и всегда доводятъ до преобразованія этой вещи самой въ себѣ по образцу апріорныхъ формъ ума. Такимъ образомъ всѣ наши возрѣнія на объективное бытіе являются субъективными произведеніями, создаваемыми по этимъ формамъ, правда, подъ вліяніемъ вещи самой въ себѣ, но безъ возможности возстановленія ея существеннаго содержанія. По взгляду Канта, глазъ нашего духа какъ будто бы снабженъ отъ природы очками со стекломъ извѣстнаго, строго опредѣленнаго цвѣта. Мы все по необходимости видимъ въ томъ, а не въ другомъ цвѣтѣ; каковъ же дѣйствительный цвѣтъ объективнаго бытія, независимо отъ апріоризма нашихъ субъективныхъ очковъ, этого мы никоимъ образомъ постигнуть не можемъ. Въ виду этого отрицательнаго результата критики Канта, мы называемъ его субъективизмъ *скептическимъ*, въ противоположность догматическому субъективизму Бэркли.

Здѣсь мы должны замѣтить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, понятіе вещи самой въ себѣ имѣетъ у Канта будто бы характеръ субъективной категоріи, или, по крайней мѣрѣ, обозначаетъ лишь границу возможнаго для насъ познанія (*Grenzbegriff*). Съ этой точки зрѣнія вещь сама въ себѣ не обозначала бы никакого объективнаго бытія внѣ нашего ума, но входила бы совершенно въ сферу нашей субъективной

дѣятельности и придала бы воззрѣнію Канта еще болѣе субъективный характеръ. По нашему пониманію Канта, такой взглядъ на вещь въ себѣ есть только вымыселъ комментаторовъ, и не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ намѣреніямъ великаго мыслителя. Мы однако обращаемъ вниманіе и на такое возможное пониманіе объективнаго бытія, какъ одно изъ фактическихъ явленій исторіи философіи, хотя мы должны прибавить, что оно принципиально приближается къ вышеуказанному воззрѣнію Беркли. Вѣдь приверженцы такого пониманія вещи самой въ себѣ, не желая попасть въ бездну солипсизма, должны признать, что объективно бытіе сводится къ существованію мыслящихъ существъ, создающихъ воззрѣнія на вещи сообразно своей умственной организаціи. А этому въ принципѣ училъ уже Беркли.

Доказательствомъ того, что Кантъ понималъ вещь въ себѣ, какъ дѣйствительное, хотя и непознаваемое объективное бытіе, можетъ служить вся его критика практическаго разума. Онъ тутъ до извѣстной степени поднимаетъ занавѣсъ, покрывающій вещь въ себѣ, и даетъ возможность познать ея дѣйствительное содержаніе при помощи то абсолютнаго нравственнаго повелѣнія (*Kategorischer Imperativ*), то разумной *въры*, признающей существованіе Бога, безсмертіе души и свободу воли необходимыми *постулатами* нравственности. Это двери, правда очень узкія, недостаточныя, но имѣющія все таки цѣлью соединить субъектъ съ объектомъ, субъективную организацію ума съ трансцендентализмомъ объективнаго бытія, вещи въ себѣ. Тутъ открылась передъ Кантомъ, хотя лишь въ далекой перспективѣ, сущность вещи въ себѣ, какъ истинно объективное бытіе, независимое отъ переработокъ его содержанія по субъективнымъ формамъ нашего ума.

Извѣстно изъ исторіи новѣйшей философіи, что *Огюстъ Контъ* и нѣкоторые современные мыслители, особенно *Гербертъ Спенсеръ*, доказывали, по примѣру Канта, абсолютную невозможность познанія *сущности* объективнаго бытія и на этомъ основаніи ограничивали всякое *позитивное* знаніе, слѣдовательно и науку, однимъ лишь изслѣдованіемъ *явленій бытія*. Однако при болѣе близкомъ разсмотрѣніи результа-

товъ, къ которымъ приходятъ эти изслѣдователи. однихъ *только* явленій бытія, мы убѣждаемся, что они невольно переходятъ обозначенную ими же самими границу между сущностью и явленіями бытія, а опредѣляя, по возможности точно, эти послѣднія, предрѣшаютъ непосредственно и вопросъ относительно самой сущности бытія. Контъ и Спенсеръ, равно какъ и весьма многочисленные ихъ послѣдователи, признаютъ въ сущности лишь *физическія, матеріальныя* явленія и изъ нихъ стараются вывести всякія другія явленія, а именно: жизненныя (біологическія), умственныя (психическія) и общественныя (соціальныя).

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что для нихъ объективное бытіе существуетъ реально и притомъ въ познаваемой для насъ формѣ, какъ бытіе физическое, матеріальное, съ извѣстными свойствами, объясняющими всѣ вообще явленія, существующія для насъ. Понятіе же о непознаваемой сущности объективнаго бытія является собственно въ ихъ міровоззрѣніи только лишнимъ добавленіемъ, совершенно не вліяющимъ на ихъ чисто физическій взглядъ на объективный міръ. Они пользуются этимъ добавочнымъ понятіемъ непознаваемой сущности единственно для исключенія изъ своего міровоззрѣнія всего, что не имѣетъ чувственнаго, физическаго характера, что могло бы свидѣтельствовать о самостоятельномъ объективномъ существованіи духа, разумнаго и нравственнаго, вообще *идеальнаго* начала, внѣ единичнаго сознанія извѣстныхъ намъ живыхъ существъ.

Оказывается слѣдовательно, что воззрѣнія вышеупомянутыхъ мыслителей и ихъ послѣдователей имѣютъ характеръ *объективизма* со строго опредѣленнымъ понятіемъ объ объективномъ бытіи, какъ о физическомъ по своей сущности. Субъективизмъ тутъ вводится единственно по отношенію къ *идеальному* воззрѣнію на объективное бытіе, для обозначенія его проблематичности. Все, что касается объективности душевнаго, идеальнаго бытія, представляется съ этой точки зрѣнія сомнительнымъ, непознаваемымъ, такъ какъ несомнѣннымъ и познаваемымъ, строго объективнымъ, позитивнымъ, признается напередъ лишь физическое, матеріальное начало. Поэтому-то

и всѣ этого рода взгляды на объективное бытіе имѣютъ характеръ *матеріалистическій*, суть произведенія метафизики *матеріализма*, какъ міровоззрѣнія, признающаго матерію, вообще бытіе, лишенное самостоятельнаго мыслительнаго, идеальнаго начала сущностію всеобщаго бытія.

Выставляя на видъ такую внутреннюю связь между объективнымъ феноменализмомъ позитивизма и метафизикой *матеріализма*, мы совершенно не высказываемся на счетъ основательности такого пониманія дѣла. Мы констатируемъ лишь историческій фактъ этой внутренней связи; критическую же оцѣнку этого, какъ и другихъ взглядовъ на объективное бытіе мы откладываемъ на конецъ нашихъ изслѣдованій по этому предмету.

Матеріалистическій взглядъ на объективное бытіе переноситъ насъ уже совершенно на поприще чистаго объективизма, т. е. воззрѣній, признающихъ существованіе дѣйствительнаго бытія внѣ нашей мысли о немъ, безъ всякихъ ограниченій съ субъективной точки зрѣнія. Спрашивается теперь, какія формы принимаетъ этотъ объективизмъ въ исторіи человѣческой мысли?

Исходною точкой для исторіи философіи, т. е., для всего движенія самостоятельной рефлексивной и критической мысли, служитъ объективизмъ такъ называемаго наивнаго реализма, или же здраваго смысла. Въ немъ обнаруживается обыкновенный, общечеловѣческій, т. е., естественный взглядъ на объективное бытіе. Всякій философскій взглядъ на объективное бытіе есть или апологія, или видоизмѣненіе, или, наконецъ, ректификація этого первоначальнаго, естественнаго взгляда. Мыслитель, размышляя о бытіи, или принимаетъ и оправдываетъ передъ самимъ собою и другими данное ему непосредственное воззрѣніе на бытіе, или дополняетъ его содержаніе со своей точки зрѣнія, безъ принципиальныхъ измѣненій; или, наконецъ, признаетъ, что оно не только недостаточно, но даже ошибочно, и тогда видоизмѣняетъ его и создаетъ изъ него новое, по его мнѣнію, болѣе истинное, болѣе совершенное. Поэтому по необходимости мы должны хоть на минуту остановиться на этомъ первоначальномъ, естествен-

номъ взглядѣ, являющемся непосредственнымъ произведеніемъ ума на основаніи общечеловѣческаго, жизненнаго опыта.

Первымъ составнымъ началомъ естественнаго взгляда на объективное бытіе является признаніе внѣшняго міра въ той формѣ, въ какой онъ представляется нашимъ чувствамъ, слѣдовательно, какъ міра чувственнаго, матеріальнаго. Но этотъ результатъ относится лишь къ *феноменализму* міра, слѣдовательно лишь къ видимымъ и осязаемымъ *явленіямъ* объективнаго бытія. Поэтому дополненіемъ этого чувственнаго начала въ естественномъ воззрѣніи на міръ служитъ всегда извѣстное понятіе о внутренней *сущности* объективнаго бытія, какъ *причины*, вызывающей его явленія, выражающей въ нихъ свое содержаніе.

Человѣкъ съ естественнымъ міровоззрѣніемъ не знаетъ явленій безъ проявляющейся сущности, послѣдствій безъ причинъ; а такъ какъ взаимное соотношеніе этихъ началъ онъ всегда выясняетъ себѣ на основаніи аналогіи съ фактами своей собственной внутренней жизни, антропоморфистически, поэтому и явленія чувственнаго міра онъ сводитъ такъ или иначе къ дѣйствию или многихъ живыхъ существъ, сознающихъ себя, душевныхъ, или къ дѣйствию одного такого существа, если онъ самъ доходитъ до понятія о внутреннемъ единствѣ чувственнаго міра, природы. Миеологическія и религіозныя понятія входятъ всегда въ составъ естественнаго міровоззрѣнія.

Итакъ мы видимъ, что непосредственное естественное воззрѣніе на объективное бытіе обнимаетъ собою два основныхъ начала: чувственное и умственное, матеріальное и духовное, реальное и идеальное, изъ которыхъ первое имѣетъ характеръ видимаго явленія, осязаемаго послѣдствія, второе же—внутренней сущности, невидимой причины.

Исторія философіи представляетъ намъ первую рефлексивную обработку этого естественнаго взгляда на объективное бытіе въ *милозоизмъ* древней іонійской школы. Мыслители этой школы, съ *Талесомъ* во главѣ, освободились уже отъ вліянія непосредственныхъ миеологическихъ вѣрованій; при всемъ томъ, однако, и вода, и огонь, и воздухъ, принимаемые поочередно за начала всеобщаго бытія, не были въ ихъ понятіи чисто фи-

зическими началами, но представлялись имъ, какъ оживленные душою, проникнутые разумомъ, способнымъ выяснитъ гармоническое устройство вселенной, космоса. Поэтому-то и небесныя тѣла были въ ихъ глазахъ живыми существами.

Однако въ дальнѣйшемъ развитіи философіи совершенно ясно выступаетъ процессъ дифференціаціи этихъ составныхъ началъ естественнаго взгляда на объективное бытіе.

Съ одной стороны выступаетъ на первый планъ понятіе о чувственной природѣ, какъ единственномъ истинно объективномъ бытіи, сводящемся въ концѣ концовъ къ понятію о матеріи и ея движеніи. Съ этимъ возрѣніемъ соединяется стремленіе доказать зависимость умственнаго начала отъ чувственнаго, духовнаго отъ физическаго, вывести первый изъ послѣдняго по закону причинности. Это *материализмъ*.

Съ другой стороны мыслители придавали абсолютное предпочтеніе умственному началу и вслѣдъ за симъ старались доказать, что матеріальный міръ есть или обманъ чувствъ, или переходная форма въ развитіи міра, между тѣмъ какъ истиннымъ объективнымъ бытіемъ признавалась *мысль, идея, разумъ, духъ*. Это возрѣніе абсолютнаго *идеализма*.

Иные опять, не будучи въ состояніи вывести ни духа изъ матеріи, ни матеріи изъ духа, разорвали въ своихъ возрѣніяхъ объективное бытіе на эти два начала, доказывая ихъ совершенную самостоятельность, и на этомъ основаніи дошли до возрѣнія, называемаго *дуализмомъ*.

Еще другіе ссылались на гармоническое единство и жизненное согласіе этихъ двухъ началъ объективнаго бытія и стремились представить ихъ внутреннюю связь, исключаящую всякое противорѣчіе. Это—возрѣнія, имѣющія въ виду *синтезисъ* помянутыхъ началъ, слѣдовательно возрѣнія *синтетизма*.

Вся исторія философіи, насколько она касается понятія объ объективномъ бытіи, столь основномъ для всякаго міровозрѣнія, есть исторія этихъ разнородныхъ усилій при опредѣленіи составныхъ началъ бытія и ихъ взаимнаго соотношенія. Не будучи въ состояніи остановиться въ настоящее время подробно на этой исторіи человѣческой мысли, отмѣтимъ здѣсь лишь самые характерные моменты въ развитіи вышеуказан-

ныхъ возрѣній съ тѣмъ, чтобы собрать соотвѣтствующія данныя для объясненія понятія объ объективномъ бытіи.

Материализмъ стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ понятіемъ о *матеріи*. Самые выдающіеся моменты въ историческомъ развитіи этого понятія слѣдующіе: атомистика *Демокрита*, теорія матеріи *Канта* и наконецъ, новѣйшее возрѣніе на матерію съ точки зрѣнія *энергетики*.

При болѣе близкомъ разсмотрѣніи этого развитія, мы убѣждаемся въ томъ, что оно въ сущности представляетъ собою процессъ все большаго улетучиванія понятія матеріи, т. е., процессъ сведенія наивнаго понятія о матеріи, какъ самостоятельной безсознательной субстанціи, къ одному лишь дѣйствію силъ, или энергіи безъ особой субстанціальной подкладки.

Демокритъ принималъ еще за исходную точку возрѣніе наивнаго реализма, по которому матерія есть самостоятельное существо или субстанція, служащая причиною явленій физическаго міра и дѣйствующая непосредственно на наши чувства. Однако подробный разборъ понятія о матеріи довелъ уже *Демокритъ* до опредѣленій, имѣющихъ раціональный характеръ, нрвосходящихъ, слѣдовательно, непосредственное свидѣтельство чувствъ. Объ этомъ свидѣтельствуеъ его взглядъ на *атомы*, какъ первоначальныя, невидимыя частицы матеріи, которыхъ движеніе и взаимное соотношеніе становится главнымъ основаніемъ для уразумѣнія явленій объективнаго бытія. Самое понятіе объ атомѣ приближалось однако у *Демокрита* какъ можно болѣе къ чувственному объясненію міра. Вѣдь съ этою цѣлью онъ приписывалъ атомамъ различную форму, служащую главною причиною разнообразія явленій и существъ природы. При этомъ онъ сводилъ явленія жизни и мысли къ дѣйствію круглыхъ, скорѣе всего движущихся атомовъ. Все это доказываетъ, что своею теоріею онъ стремился выяснитъ съ матеріальной точки зрѣнія и указанное другое составное начало объективнаго бытія, начало умственное, идеальное.

Дальнѣйшее развитіе атомистики, которое столь подробно и поучительно представили въ своихъ сочиненіяхъ *К. Лясвицъ* и *Л. Мабило*, какъ извѣстно, довело мыслителей, со

временъ Босковича, до понятія объ абсолютной однородности и однообразіи атомовъ. Это былъ несомнѣнно замѣчательный прогрессъ въ рациональной обработкѣ теоріи атомистики, но съ другой стороны, благодаря этому прогрессу, мысль еще болѣе удалилась отъ чувственныхъ данныхъ и этимъ отреклась уже совершенно отъ объясненія умственного, идеальнаго начала при помощи самой конструкціи матеріи. Матеріализмъ сдѣлался вслѣдствіе этого теоріей, пригодной исключительно къ уразумѣнію явленій физическаго міра.

Въ такомъ именно духѣ *Кантъ* далѣе обработалъ понятіе о матеріи, имѣя въ виду строго опредѣленную сферу его примѣненія къ физической природѣ. Сверхъ того Кантъ произвелъ на этомъ поприщѣ совершенный переворотъ, доказывая, во имя своего субъективизма, что какъ вообще идея о природѣ, такъ и въ частности понятіе о матеріи суть субъективныя произведенія, лишенныя дѣйствительнаго, метафизическаго значенія. Въ насъ существуетъ что-то невѣдомое, которое, дѣйствуя на наши чувства, вызываетъ въ насъ понятіе о чувственной природѣ и матеріи. Понятія эти слѣдовательно не имѣютъ объективнаго характера, какъ полагаетъ наивный реализмъ, вообще догматическое воззрѣніе на чувственный міръ. Мы сами вырабатываемъ эти понятія съ тѣмъ, чтобы сдѣлать для себя явленія нашей чувственности болѣе доступными, соединить ихъ и затѣмъ подвести подъ одну общую точку зрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія Кантъ сводилъ матерію къ дѣйствию силъ *притяженія* и *отталкиванія*, какъ необходимыхъ условій рациональной конструкціи этого понятія. Кромѣ дѣйствія этихъ силъ, онъ не признавалъ въ матеріи никакого самостоятельнаго содержанія.

Это воззрѣніе Канта послужило поводомъ къ дальнѣйшему, всестороннему критическому разбору понятія о матеріи. Последнимъ результатомъ этого разбора является теорія *энергіи*, которая и сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ въ улетучиваніи понятія о матеріи и притомъ уже не только въ сферѣ философіи и метафизики, но именно на поприщѣ *физики*. Вся современная физика стремится къ объясненію природы

не на основаніи какой-то метафизической субстанции, названной матеріей, но при помощи понятія объ *энергіи*, ея перехода и преобразованія, какъ причины самыхъ разнообразныхъ явленій *движенія*, служащихъ послѣднимъ содержаніемъ явленій природы.

Вмѣстѣ съ кинетической теоріей *В. Томсона* (Lord Kelvin), самую характерною въ этомъ отношеніи является теорія *В. Оствальда*, который въ матеріи видитъ лишь „собраніе факторовъ энергіи (Komplex von Energiefaktoren)“.

Вышепредставленный ходъ въ историческомъ развитіи понятія о матеріи показываетъ, что въ началѣ оно имѣло характеръ общій, *діалектическій*, затѣмъ его подвергли *критическому* разбору, обнаруживающему его составныя начала, и наконецъ представили его точную *конструкцію* при помощи этихъ составныхъ началъ.

Умственное, идеальное начало понятія объ объективномъ бытіи, подвергалось такъ же, какъ и начало матеріальное, различнымъ переменамъ въ исторіи философіи. Въ этихъ переменныхъ выступаютъ тѣ же основные моменты всякаго развитія мысли, каковы: *діалектическій, критическій и конструктивный*. (Основной законъ развитія, обнаруживающійся въ этихъ моментахъ, я старался изложить болѣе обстоятельно въ своемъ трудѣ: „Способности и развитіе философствующаго ума“. Москва 1897 г.).

Эти моменты въ развитіи понятія о духѣ принимаютъ однако иной характеръ, соотвѣтственно содержанію этого понятія.

Первымъ самымъ общимъ философскимъ опредѣленіемъ мыслительнаго начала объективнаго бытія мы обязаны *Анаксагору*. По его взглядамъ, причиной, приводящей въ движеніе матеріальныя начала міра, является *разумъ* (*νοῦς*), понимаемый какъ *мысль*; проникающая и оживляющая все, но чистая въ себѣ, не смѣшанная ни съ какими матеріальными частицами.

Безъ сравненія болѣе полное понятіе о всемірномъ *духѣ* развилъ *Платонъ* въ своей идеологіи. Онъ принципиально отличаетъ міръ *идеальный* отъ міра *чувственного*. Этотъ послѣдній является въ его глазахъ лишь несовершеннымъ отблескомъ, отраженіемъ, какъ бы тѣнью дѣйствительнаго міра бо-

жественныхъ идей. Самую же общую идею *добра* Платонъ отождествляетъ съ Богомъ, понимаемымъ въ концѣ концовъ, какъ душа міра, присущая въ качествѣ всеобщаго блага всѣмъ частнымъ проявленіямъ дѣйствительнаго бытія.

Въ новой философіи *Декартъ* является представителемъ абсолютнаго *дуализма* въ пониманіи составныхъ началъ объективнаго бытія. Онъ принимаетъ двѣ самостоятельныя субстанции, протяженную — матеріальную и мыслящую — духовную. Матерія не заключаетъ въ себѣ ничего общаго съ духомъ; духъ, какъ чистая мысль, противопоставляется опять со своей стороны абсолютно матеріи. Поэтому нѣтъ между ними никакого взаимодействія. Только Богъ, дѣйствуя равнымъ образомъ на матерію, какъ и на духъ, вызываетъ извѣстное согласіе между ихъ обособленными явленіями. Какимъ образомъ, однако, Богъ способенъ дѣйствовать на эти двѣ, абсолютно исключая другъ друга субстанции, это остается не разрѣшенной тайной въ теоріи Декарта.

Пантеистическая философія *Спинозы*, равно какъ первой половины 19 вѣка, съ *Гегелемъ* во главѣ, стремится къ преодолѣнію дуализма Декарта во имя монизма духа, и приходитъ на этомъ основаніи то къ понятію объ одной въ себѣ мыслящей субстанции, то къ ученію объ абсолютной идеѣ, развивающей свое содержаніе во всемъ множествѣ частныхъ явленій міра. Но во всѣхъ этихъ возрѣніяхъ мы не выходимъ за предѣлы общихъ, діалектическихъ умозрѣній о духѣ.

Лейбницъ первый придаетъ въ своей *монидологіи* понятію о духѣ, какъ составномъ началѣ объективнаго бытія, конкретный характеръ, доказывая, что духъ, по своей сущности, составляетъ *индивидуальность*. Весь міръ для него распался на безконечное число такихъ отдѣльныхъ (единичныхъ) индивидуальностей, которыя онъ именно называлъ монадами. Онъ этимъ, правда, нарушилъ единство міра, подобно тому, какъ это дѣлаетъ атомизмъ, но съ другой стороны онъ указалъ на необходимое основаніе всякой конструкціи понятія о духѣ.

Такой конструкціи понятія о духѣ замѣчательно содѣйствовалъ и *Кантъ*, разъясняя въ своихъ критикахъ чистаго и практическаго разума, а равно и способности сужденія, внут-

ренною организацію ума, все множество апріорныхъ началъ, составляющихъ его содержаніе, служащихъ основаніемъ всѣхъ его частныхъ отправленій.

Правда, что Кантъ въ духѣ своего субъективизма примѣнялъ результаты своихъ критическихъ изслѣдованій исключительно къ человѣческому духу, но не смотря на то, конструкція понятія о всеобщемъ духѣ, какъ началѣ объективнаго бытія, уже послѣ него не могла ограничиться діалектическими обобщеніями, но должна была принять во вниманіе его конкретное содержаніе, его индивидуальную организацію, которая сводитъ множество умственныхъ отправленій къ общему знаменателю.

Въ виду этого и новѣйшія усилія примѣнить понятіе о духѣ къ общему міровоззрѣнію не довольствуются, насколько они имѣютъ прогрессивный характеръ, смутными понятіями идеальной діалектики, но принимаютъ за основаніе результаты конкретныхъ изслѣдованій на поприщѣ *психологии*, какъ науки, вводящей наст. непосредственно во внутреннюю жизнь духа, во все богатство его чувствованій, мыслей и стремленій.

При болѣе близкомъ разсмотрѣніи этихъ данныхъ психологии, мы убѣдимся, что и тутъ понятіе объ энергіи имѣетъ въ сущности основное значеніе и служитъ исходной точкой для объясненія соответственныхъ явленій.

*Профессоръ философіи Варшавскаго Университета
Генрихъ Струве.*

(Продолженіе будетъ).

Истинная наука и ложныя притязанія современной учености,

(Продолженіе *)

V.

Область человѣческаго познанія необъятна. Это познаніе имѣетъ своимъ предметомъ *все существующее*, со всѣми явленіями его, насколько они дѣйствуютъ на чувства человѣка, возбуждаютъ дѣятельность его ума и вызываютъ въ немъ соотвѣтствующія представленія, понятія, сужденія и т. п. Совокупность всего познаннаго человѣкомъ, огромное богатство чего невозможно и измѣрить, и составляетъ вообще науку. Такъ какъ всеобщее бытіе одно, то наука по существу своему одна. Но вслѣдствіе той ограниченности человѣческихъ силъ и способностей, которая дѣлаетъ cadaго отдѣльнаго единичнаго человѣка неспособнымъ обнять, изслѣдовать и уразумѣть все существующее во всей его полнотѣ, единая всеобщая наука издавна должна была раздѣлиться на много отдѣльныхъ частныхъ наукъ, имѣющихъ предметомъ своимъ изученіе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ сторонъ единого всеобщаго бытія и отдѣльныхъ группъ его явленій. Какъ и въ различныхъ областяхъ практической дѣятельности человѣка, такъ и въ области научнаго знанія необходимо долженъ былъ найти мѣсто принципъ раздѣленія труда. Въ силу этого принципа чѣмъ далѣе идетъ разработка научныхъ знаній, чѣмъ болѣе увеличивается содержаніе ихъ, тѣмъ болѣе увеличивается

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 18.

развѣтвленіе отраслей науки, такъ что различныя части ея, съ теченіемъ времени, получаютъ самостоятельность, превращаются въ отдѣльныя науки, и такимъ образомъ число наукъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе увеличивается. Это раздѣленіе труда въ области научнаго знанія, несомнѣнно, является существенно важнымъ условіемъ для развитія и совершенствованія его, и конечно, чѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе труда въ области научныхъ изысканій, тѣмъ болѣе можетъ это способствовать и совершенствованію научныхъ знаній. Но это раздѣленіе труда можетъ представлять и свои невыгодныя, вредныя стороны для истинно-научнаго знанія. Мы должны теперь рассмотретьъ, при какихъ условіяхъ раздѣленіе труда въ наукѣ можетъ способствовать дѣйствительному прогрессу ея, всегда ли дѣятелями науки соблюдаются эти условія, и отъ несоблюденія этихъ условій какія могутъ проистекать вредныя послѣдствія для истинно-научнаго знанія.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что правильное раздѣленіе труда въ наукѣ, какъ условіе ея жизнеспособности и ея дѣйствительнаго и истиннаго прогресса, должны быть не инымъ, какъ такимъ же, какимъ раздѣленіе труда является въ общественномъ организмѣ или индивидуальныхъ организмахъ, т. е. оно должно состоять не только въ спеціализаціи функцій научной дѣятельности и раздѣленіи ихъ между отдѣльными науками, но и въ непрерывной помощи, получаемой каждой отдѣльной наукой отъ всѣхъ остальныхъ и всѣми отъ каждой, какъ это мы видимъ между отдѣльными частями и органами въ живомъ организмѣ. Ни одна наука не можетъ имѣть жизнеспособности и развиваться сама по себѣ особнякомъ, потому что ни одну нельзя считать независимой отъ другихъ ни въ логическомъ смыслѣ, ни въ историческомъ отношеніи. Въ логическомъ смыслѣ взаимная зависимость наукъ однѣхъ отъ другихъ вытекаетъ изъ того, что изучаемыя различными науками явленія—всѣ суть части одного цѣлаго всеобщаго бытія, каждое явленіе существуетъ только въ силу своего отношенія къ другимъ явленіямъ и всѣ такъ переплетены и смѣшаны между собою, что нельзя понять и объяснить одно какое либо изъ нихъ безъ

знакомства съ другими. Сущность всякаго предмета для насъ можетъ выясниться только тогда, когда онъ будетъ разсматриваться не отрывочно, а во всей цѣлости его отношеній, слѣд. когда можетъ быть выяснено его положеніе среди множества другихъ предметовъ. Слѣдя за отношеніями и связью явленій и вещей, какъ онѣ представляются въ дѣйствительности, мы необходимо должны признать, что эта связь простирается на все существующее, что разнообразныя отношенія вещей и явленій образуютъ изъ нихъ одну систему, единый цѣлостный міръ. Поэтому и наука, какъ умственное отображеніе и воспроизведеніе единого цѣлостнаго бытія, должна представлять собою одинъ живой организмъ, и только при этомъ условіи она можетъ быть жизнеспособной. Сила живого организма въ его единствѣ,—нарушьте это единство, изсякнетъ и его сила; такъ точно нужно сказать и о наукѣ.

И историческое развитіе наукъ ясно показываетъ на тѣсное органическое единство всего научнаго знанія, какъ это основательно раскрываетъ Герб. Спенсеръ въ своемъ изслѣдованіи „Происхожденіе науки“. Всѣ науки выросли, несомнѣнно, изъ одного корня—изъ обыденнаго знанія, свойственнаго простому человѣческому смыслу, и представляютъ собою только разросшееся обыденное знаніе, всесторонне расширенное при посредствѣ мышленія и искусственныхъ способовъ наблюденія. Въ этомъ смыслѣ различныя науки удобно было бы, какъ это часто и дѣлаютъ, сравнить съ различными вѣтвями, исходящими изъ единого ствола; но это сравненіе не выражаетъ всей истины. Не подлежитъ сомнѣнію не только то, что всѣ науки имѣли одну исходную точку, что онѣ развивались одновременно и что при этомъ онѣ раздѣлялись и подраздѣлялись, но исторія развитія наукъ неоспоримыми фактами показываетъ, что раздѣленія и подраздѣленія наукъ не навсегда переходили въ обособленія, что разросставшіеся въ разныя стороны вѣтви научнаго знанія въ своемъ развитіи оказывали другъ другу взаимную помощь, всѣ онѣ въ большей или меньшей степени требовали содѣйствія отъ другихъ и всѣ оказывали содѣйствіе другимъ. Какое нибудь значительное открытіе, сдѣланное одной наукой, обыкновенно содѣйствовало успѣху другихъ, и успѣхъ

каждой науки зависѣлъ отъ согласованія съ другими. Успѣхи физики оказывали прямое вліяніе на успѣхи астрономіи и механики, успѣхи химіи—на успѣхи фізіологіи, успѣхи послѣдней на успѣхи физики и обратно, и т. д. Приведемъ хотя немногіе факты ¹⁾. Когда Бойль и Марріотъ опредѣлили отношеніе между плотностями газовъ и испытываемыми ими давленіями, и когда такимъ образомъ представилась возможность исчислить, насколько уменьшается плотность верхнихъ слоевъ атмосферы, тогда представилась также возможность составить приблизительныя таблицы для преломленія свѣта атмосферой; такимъ образомъ оптика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и астрономія двинулись впередъ при содѣйствіи ученія о плотности воздуха. Когда Фурье выработалъ законы теплопроводности,—когда было найдено, что ниже земной поверхности температура земли возрастаетъ на одинъ градусъ на каждые сорокъ ярдовъ (около 17 сажень) углубленія, то получились данныя для сужденія о прошломъ земного шара, объ огромномъ періодѣ, потребовавшемся для его охлажденія до настоящей температуры, о еще болѣе долгомъ періодѣ существованія солнечной системы; послѣднее соображеніе уже чисто астрономическаго характера. Фізіологическій опытъ явился намекомъ, приведшимъ къ открытію гальваническаго электричества. Въ свою очередь гальванизмъ, придя на помощь химіи, далъ ей возможность открыть металлическія основанія щелочей и земель и положилъ начало новой теоріи—электрохимической. При помощи этой теоріи изслѣдованы были законы дѣйствія магнетизма, а Фарадей, открылъ рядъ существенныхъ фактовъ, относящихся до сущности свѣта. Брюстеръ сдѣлалъ нѣкоторыя открытія, касающіяся двойного преломленія и поляризаціи свѣта; а эти открытія въ свою очередь доказали правильность классификаціи кристаллическихъ формъ по числу ихъ осей, показавъ, что молекулярное строеніе кристалловъ зависитъ отъ осей послѣднихъ...

Но науки вліяли и вліюють одна на другую не только непосредственно, но часто онѣ оказываютъ и посредственное вліяніе. Гдѣ нѣтъ зависимости, бываетъ иногда аналогія

---

¹⁾ Ихъ мы заимствуемъ изъ указаннаго изслѣдованія Г. Спенсера.

сходство отношеній; открытіе отношеній, существующихъ между явленіями извѣстнаго ряда, всегда побуждаетъ разыскивать подобныя же отношенія между явленіями другого ряда. Такъ, напр., когда былъ установленъ фактъ, что сила притяженія обратно пропорціональна квадрату разстояній, когда было признано, что всѣ явленія, исходяція изъ центра, характеризуются именно этимъ фактомъ, тогда въ умахъ изслѣдователей возникла мысль, что теплота и свѣтъ подчиняются тому же самому закону. Мысль эта оказалась справедливой не только для теплоты и свѣта, но, какъ позднѣе было установлено, и для электрическихъ и для магнитныхъ силъ. Точно также открытіе законовъ поляризаціи свѣта привело къ открытію поляризаціи теплоты; второе никогда бы не могло быть сдѣлано, если бы ранѣе не было сдѣлано перваго. И еще: ознакомясь съ преломляемостію свѣта и теплоты, ученые принялись за изслѣдованіе вопроса о преломляемости звука; и опытъ доказалъ, что звукъ дѣйствительно преломляется. Во многихъ случаяхъ гипотезы, касающіяся ряда явленій, къ изслѣдованію котораго приступаютъ, могутъ быть составлены не иначе, какъ при помощи понятій и представленій, уже выработанныхъ для какого либо другого ряда (Спенсеръ).

Изъ сказаннаго вполне очевидно, что, при существующемъ раздѣленіи труда въ наукѣ, послѣдняя можетъ имѣть жизнеспособность и проявлять истинную производительность только тогда, когда она не будетъ терять живого единства, когда отдѣльныя части ея будутъ находиться въ согласованіи между собою. Для истинной плодотворности научной дѣятельности главное значеніе нужно признать, очевидно, не за количествомъ знаній, а за единствомъ познанія. Отсюда вытекаетъ необходимость цѣлостнаго міросозерцанія, въ которомъ бы отдѣльныя науки соединялись въ одно цѣлое, дополняя другъ друга. Еще великій философъ древности, Платонъ, ясно сознавалъ, что каждая обособленная область изслѣдованія имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку она связана съ самыми универсальными, самыми высшими посылками о сущности вещей, и говорилъ, что „научнымъ умомъ обладаетъ тотъ, кто работаетъ, сознавая единство знаній“. Въ этомъ смыслѣ можно

сказать, что спеціальныя науки необходимо должны проникнуться философскимъ духомъ и спеціальныя научныя изслѣдованія должны имѣть философскій характеръ. Специалистъ, не проникнутый философскимъ духомъ, не стоящій на точкѣ цѣлостнаго міровоззрѣнія, не можетъ быть ученымъ въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ проявить истиннаго творчества на поприщѣ науки, но долженъ оказаться не болѣе, какъ ремесленникомъ, совершающимъ свой трудъ въ самыхъ узкихъ предѣлахъ умственнаго кругозора и потому неспособнымъ понять ни общихъ задачъ и средствъ познанія, ни значенія и сущности даже собственнаго спеціальнаго труда. Исторія науки ясно показываетъ, что истинными дѣятелями на поприщѣ научной дѣятельности, своими изслѣдованіями проложившими новые пути въ наукѣ, были лица, одинаково знаменитыя какъ въ области философіи, такъ и въ области научныхъ изслѣдованій. И этотъ фактъ относится не только къ прежнимъ временамъ, когда философія соединяла въ себѣ всю науку, напр. въ лицѣ Аристотеля, но и къ позднѣйшимъ временамъ, когда образовалась спеціализація наукъ. Декартъ знаменитъ не только какъ философъ, но и какъ математикъ и физикъ, онъ признается основателемъ аналитической геометріи и оказалъ важныя услуги при объясненіи явленій свѣта, напр. радуги, при опредѣленіи тяжести воздуха и т. п. Знаменитый философъ Лейбницъ былъ также и не менѣе знаменитымъ математикомъ,—одновременно съ Ньютономъ онъ изобрѣлъ дифференціальное счисленіе; кромѣ того, онъ извѣстенъ и какъ выдающійся юристъ. Кантъ въ своемъ сочиненіи „Естественная исторія и теорія неба“ положилъ начало теоріи происхожденія небесныхъ тѣлъ, которая впоследствии развита была Лапласомъ и господствуетъ по настоящее время подъ именемъ Канто-Лапласовской теоріи. Равнымъ образомъ такія имена, какъ: Ньютонъ, Бекъ, Шлейермахеръ, Іог. Мюллеръ, Фехнеръ, Лотце, Милль, Льюисъ, Вундтъ, Дюрингъ и многія другія, прямо доказываютъ, что спеціальныя изслѣдованія, проложившія новые пути въ наукѣ, принадлежали такимъ дѣятелямъ ея, которые были философами въ истинномъ смыслѣ этого слова, а это въ свою очередь дока-

зываетъ, что всякое научное изслѣдованіе, даже въ области спеціальныхъ наукъ, можетъ быть плодотворнымъ и имѣть прочное значеніе только тогда, когда оно будетъ одушевлено сознаниемъ единства научныхъ интересовъ, сознаниемъ внутренняго родства и связи между всѣми областями знанія, когда оно не будетъ ограничиваться только изученіемъ и объясненіемъ извѣстнаго даннаго порядка явленій самого по себѣ, а будетъ обращаться и къ общей связи явленій и будетъ стремиться въ концѣ всего понять всякія явленія какъ лишь части еди-наго цѣлаго. Словомъ, нужно признать вполне вѣрными слова Платона, что научнымъ умомъ обладаетъ тотъ, кто работаетъ, сознавая единство познаній.

Къ сожалѣнію, въ наше время, при необозримой массѣ постоянно растущихъ знаній, при крайней спеціализаціи наукъ, такіе научные умы, о которыхъ говорилъ Платонъ, составляютъ слишкомъ рѣдкое явленіе, хотя представителями учености во всѣхъ областяхъ научнаго знанія нашъ вѣкъ слишкомъ богатъ. Дѣло въ томъ, что, при все болѣе и болѣе увеличивающемся ростѣ научныхъ знаній, все болѣе и болѣе утрачивается живая связь между различными отраслями науки и сознание единства ея все болѣе и болѣе ослабляется. Раздробленіе знанія доходитъ до такой крайности и становится настолько хаотическимъ, что почти теряются всякія точки соприкосновенія между различными науками. Можно признать обыкновеннымъ теперь явленіемъ, что ученый—спеціалистъ въ одной области знанія не обращаетъ вниманія на изслѣдованія и выводы другихъ наукъ. Рознь между спеціалистами—представителями различныхъ отраслей знанія доходитъ до того, что они начинаютъ говорить на различныхъ языкахъ и перестаютъ понимать другъ друга. Теперь, собственно говоря, нѣтъ ученыхъ, а есть „спеціалисты“, иначе теперешніе ученые почти и не называются. И что всего страннѣе—это названіе сдѣлалось теперь даже особеннымъ почетнымъ титуломъ. Спеціалистъ теперешнаго времени есть авторитетъ, только онъ считается компетентнымъ въ сужденіяхъ по вопросамъ того или другого рода; напротивъ, если кто не спеціалистъ, тотъ значитъ не имѣетъ никакой компетентности въ какихъ либо

сужденіяхъ. Словомъ, главнымъ мѣриломъ и существеннымъ достоинствомъ учености признается теперь спеціализація знаній. А спеціалистъ теперешняго времени—это знатокъ одной какой либо науки, чаще же—знатокъ только одной отрасли науки, или даже только одного какого нибудь маленькаго развѣтвленія, крохотнаго кусочка ея. Бываетъ, что такіе спеціалисты обходятся безъ всякихъ свѣдѣній изъ другихъ, важныхъ, но далекихъ отъ ихъ спеціальности наукъ; не ставится имъ въ осужденіе и то, если они обнаруживаютъ плохое знакомство даже съ сродными съ ихъ спеціальностію науками.

Какихъ послѣдствій для науки можно ожидать отъ этого крайняго, хаотическаго раздробленія научной дѣятельности, предвидѣть нетрудно. Нельзя, конечно, отрицать, что спеціализація этой дѣятельности имѣетъ свою полезную сторону,—она предовращаетъ поверхностное многознаніе и является условіемъ, способствующимъ достиженію относительно той или другой области познаваемаго знаній наиболѣе точныхъ, полныхъ и обстоятельныхъ; благодаря ей являются тѣ кропотливые труженики, которые, сосредоточиваясь на одномъ какомъ либо предметѣ, получаютъ возможность изучать этотъ предметъ вдоль и поперекъ до микроскопическихъ частныхъ и подробностей. Но въ то же время это раздробленіе ученой дѣятельности нельзя не признать такимъ условіемъ, которое должно совсѣмъ неблагопріятствовать истинной производительности науки, и это существеннымъ образомъ потому, что оно неизбѣжно должно вести къ той узкости и односторонности возрѣній, которая дѣлаетъ ученаго дѣятеля неспособнымъ ни понимать, ни цѣнить вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ и значеніи. Какъ было уже замѣчено, все, существующее въ реальномъ мірѣ, представляетъ тѣсно связанную цѣпь вещей явленій, въ своемъ соединеніи образующихъ одну цѣльную и стройную систему міроваго порядка. Все, въ отдѣльности взятое въ этой живой системѣ, существуетъ только подъ извѣстными условіями и ограниченіями и имѣетъ всегда только относительное значеніе. Полный смыслъ каждаго порядка вещей можетъ открываться только тогда, когда этотъ порядокъ будетъ рассматриваться въ его живомъ соотношеніи и сопо-

становленіи съ другими порядками реального міра. Извѣстный классъ вещей, оторванный отъ своей живой связи съ другими вещами, всегда будетъ понятъ неправильно. Поэтому, когда все вниманіе изслѣдователя, какъ это бываетъ теперь сплошь и рядомъ, сосредоточивается только на одной какой нибудь ограниченной сферѣ явленій и эти явленія разсматриваются безъ надлежащаго сопоставленія съ другими явленіями, даже сродными или смежными съ ними, тогда получается та крайне узкая точка зрѣнія, съ которой для изслѣдователя закрывается возможность пониманія истиннаго смысла и значенія изслѣдуемыхъ явленій,—при которой тотъ только относительный смыслъ ихъ и относительное значеніе, какіе они сами по себѣ представляютъ, легко принимается за полное выраженіе всего ихъ значенія; значеніе фактовъ, открывающихся изслѣдователю, въ этомъ случаѣ вырастаетъ и преувеличивается, что нибудь неважное и незначительное становится важнымъ и значительнымъ. Преувеличиваніе значенія той сферы фактовъ, какая берется для спеціальнаго изслѣдованія, составляетъ, можно сказать, самое обыкновенное явленіе у ученыхъ специалистовъ. Въ подтвержденіе этого, укажемъ прежде всего на тотъ взглядъ, какой очень часто въ наше время высказывается на науку вообще. Очень многіе теперь съ рѣшительностію утверждаютъ, что только то знаніе, которое имѣетъ строго опытную основу, представляетъ собою строго научное знаніе, всякое же иное знаніе,—вращающееся въ кругу общихъ идей и воззрѣній, обращенное къ какимъ либо вопросамъ высшаго порядка, по самому существу своему будто бы уже не можетъ быть научнымъ. Происхожденіе такого взгляда нужно объяснить, безъ сомнѣнія, не инымъ чѣмъ, какъ только исключительнымъ вниманіемъ многихъ людей нашего времени къ однимъ фактамъ внѣшняго опыта. Сосредоточивши все свое вниманіе токъко на этихъ фактахъ, изслѣдователи ставятъ себѣ тѣмъ самымъ такіе предѣлы, дальше которыхъ ихъ умственный кругозоръ уже не можетъ простираться; доходя, вслѣдствіе исключительнаго вниманія къ области этихъ фактовъ, до слишкомъ преувеличеннаго пониманія значенія тѣхъ вопросовъ, которые здѣсь открываются, естественно, они уже

оказываютъ или какое-то тупое равнодушіе, или пренебреженіе и даже враждебное отношеніе ко всѣмъ другимъ вопросамъ высшаго порядка. Слишкомъ узкій умственный кругозоръ такихъ крайнихъ представителей опытнаго знанія не даетъ имъ замѣтить одно существенно важное обстоятельство,—что эти вопросы иного порядка, можетъ быть, болѣе темны и менѣе доступны, но чрезъ то они не перестаютъ существовать какъ вопросы, не теряютъ значенія фактовъ, а если они суть факты, то ихъ нужно признать и изучить и, слѣд., должно существовать и научное знаніе, имѣющее своимъ предметомъ эти вопросы. Съ преклоненіемъ предъ силою только внѣшнихъ фактовъ тѣсно связано господство въ воззрѣніяхъ современной учености понятія *естественнаго закона*, которое ведетъ къ какому-то неразсуждающему нерасположенію ко всему, что включаетъ въ себѣ какой либо намекъ на сверхъестественное, чудесное. Это послѣднее отвергается съ какою-то страшною поспѣшностію, такъ что многіе теперь охотнѣе и скорѣе допускаютъ возможность стеченія всякихъ *естественныхъ* невѣроятностей, чѣмъ рѣшаются допустить существованіе чего либо сверхъестественнаго. Явленіе это можно объяснить опять не инымъ чѣмъ, какъ сосредоточеніемъ вниманія на изученіи только „естественнаго“. Успѣшное приложеніе понятія естественнаго закона къ объясненію явленій внѣшней дѣйствительности, за послѣднѣе время обогатившее человѣчество многими важными открытіями и изобрѣтеніями, возбудило особенное увлеченіе естествознаніемъ, а это вызвало наклонность ума объяснять все естественнымъ образомъ, при помощи естественнаго закона, и породило тотъ энтузіазмъ, съ какимъ стали усиливаться въ этомъ понятіи найти универсальное рѣшеніе *всего*. Все это, безспорно, представляетъ собою крайности и односторонности въ воззрѣніяхъ современной учености, свидѣтельствующія о томъ, что ей недостаетъ истинно научнаго духа. Между тѣмъ нужно замѣтить, что эти односторонности многими умами, даже чуждыми ихъ, но не отличающимися особенною дальновидностію, легко принимаются не за то, что онѣ есть, не за недостатокъ въ господствующихъ воззрѣніяхъ, но прямо за достоинство ихъ. Хотя указанная односторонности въ воззрѣ-

ніяхъ служатъ явнымъ признакомъ и ограниченности умственнаго кругозора, и недостатка силы мысли, оказывающейся неспособной отвлечься отъ однихъ фактовъ и надлежащимъ образомъ присмотрѣться къ другимъ, но такъ какъ онѣ принадлежатъ представителямъ учености и у нихъ прикрываются вывѣскою точнаго и положительнаго метода мышленія и познанія, то людей неопытныхъ въ строгомъ мышленіи нерѣдко и вводятъ въ обольщеніе и заблужденіе, заставляя ихъ скрывающуюся подъ этою вывѣскою ограниченность мысли ошибочно принимать за дѣйствительное достоинство истинно научнаго возрѣнія.

Приведенные примѣры представляютъ *общаго* характера тѣ односторонности въ возрѣніяхъ, которыя проистекаютъ отъ сосредоточенія ума только на одной какой либо области познаваемаго. Но изъ этого же источника проистекаетъ рознь и между самими представителями такъ назыв. положительнаго знанія, принадлежащими къ различнымъ спеціальнымъ отраслямъ его. Такъ какъ одни ученые спеціалисты, сосредоточиваясь только на своей спеціальной отрасли знанія, обыкновенно не обращаютъ вниманія на изслѣдованія другихъ спеціалистовъ, то отсюда проистекаютъ поразительныя противорѣчія между выводами, къ какимъ приходятъ разные спеціалисты, выходя изъ своеобразныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Мало этого: даже предъставители одной и той же науки очень часто приходятъ относительно однихъ и тѣхъ же вопросовъ ко взглядамъ не только разнорѣчивымъ, но и совсѣмъ противоположнымъ, и при этомъ каждый изъ нихъ обыкновенно говоритъ не отъ собственнаго имени, не за собственную отвѣтственность, но непременно отъ имени *науки*, т. е. *свои* взгляды, свою систему онъ выдаетъ за самую науку, представителемъ которой онъ является. Какойнибудь профессиональный ученый, посвятивши нѣсколько лѣтъ изученію и разработкѣ той или другой науки и выработавши какуюнибудь систему ея, только эту систему начинаетъ признавать за истинное выраженіе той науки, которой онъ служитъ, и если другой представитель той же науки выразитъ какоенибудь несогласіе съ этой системой или даже только съ какиминибудь отдѣльными поло-

женіями ея, то первый начинаетъ уличать другого въ „отсталости отъ науки“, въ томъ, что онъ „стоитъ не на высотѣ современнаго состоянія ея“, „не удовлетворяетъ научной мѣркѣ“ и т. п.; а этотъ другой естественно посылаетъ съ своей стороны такой же упрекъ первому. Если мы присмотримся къ современной ученой критикѣ и полемикѣ, то мы не можемъ не увидѣть, что въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ собою этотъ непріятный задоръ—съ одной стороны—ученаго самодовольства, самомнѣнія, и съ другой—нетерпимости, неуваженія къ мнѣніямъ другихъ. Много страдаетъ при этомъ и достоинство ученыхъ, но больше всего страдаетъ ни въ чемъ неповинная сама наука, оттого, что злоупотребляютъ ея именемъ и авторитетомъ, выдавая за нее самодѣльные и иногда только жалкіе суррогаты ея. Все это является прямымъ послѣдствіемъ той узкой спеціализаціи въ ученой дѣятельности, какую теперь мы видимъ,—которая держитъ ученыхъ въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ умственнаго кругозора, подавляетъ свободное широко захватывающее движеніе ихъ мысли и не позволяетъ имъ подняться на болѣе высшую точку зрѣнія, съ которой для нихъ открывалась бы возможность взаимно понимать и цѣнить другъ друга.

Если даже ученые, принадлежащіе къ сферѣ одной и той же спеціальности, проявляютъ нерѣдко такую рознь, такой разладъ, которые дѣлятъ ихъ на различные и иногда совсѣмъ враждебные лагеря, то естественно, что еще большая разногласица и путаница въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ должны происходить въ томъ случаѣ, когда ученые спеціалисты покидаютъ сферу своей спеціальности и начинаютъ разсуждать о вопросахъ иного порядка, въ особенности же о какихъ нибудь общихъ и высшихъ вопросахъ. Въ какую бы сферу спеціальныхъ изслѣдованій ни замыкались ученые, но такъ или иначе они проявляютъ потребность выдти изъ этой сферы, обращаются къ обсужденію тѣхъ или другихъ общихъ вопросовъ и заявляютъ себя попытками построенія какихъ нибудь общихъ воззрѣній. Въ этомъ выражается потребность, лежащая въ самой природѣ и строѣ человѣческаго ума,—это есть неустрашимая потребность ума въ философствованіи, отъ ко-

торой умъ не можетъ освободиться и тогда, когда онъ даже былъ бы враждебно настроенъ противъ философіи. „Скажите человѣку, говоритъ Кантъ, что воздухъ, которымъ дышетъ онъ, отравленъ, онъ всетаки будетъ дышать, потому что не можетъ не дышать; докажите человѣку, что философствовать, искать смысла и основъ всего—вредно, онъ всетаки будетъ философствовать, потому что не можетъ не философствовать“. Потому-то мы и видимъ, что и со стороны представителей разныхъ спеціальныхъ отраслей знанія дѣлаются попытки построения такихъ или иныхъ общихъ воззрѣній, болѣе или менѣе широко захватывающихъ гипотезъ и теорій. Но ясно, во 1-хъ, что тотъ узкій спеціализмъ въ ученой дѣятельности, какой теперь мы видимъ, неизбѣжно ослабляя силу умственного творчества, долженъ совсѣмъ неблагопріятствовать появленію какихъ либо возвышенныхъ умозрѣній, великихъ идей, глубокихъ обобщеній; отсутствіемъ всего этого, говоря вообще, дѣйствительно и характеризуется современная ученость. Во 2-хъ, такъ какъ въ построении общихъ воззрѣній ученые—спеціалисты обыкновенно пользуются только тѣми средствами, тѣми данными, тѣми понятіями, какія они почерпаютъ въ кругу своей спеціальности, и не обращаются къ помощи другихъ средствъ, то ихъ воззрѣнія могутъ быть только односторонними, могутъ освѣщать объясняемыя вещи лишь фальшивымъ свѣтомъ слишкомъ узкихъ и одностороннихъ понятій. Сосредоточеніе ума на одномъ какомъ либо спеціальномъ родѣ занятій всегда, въ большей или меньшей степени, образуетъ нѣкоторый особый складъ и характеръ мысли и общую склонность ума прилагать ко всему только тотъ способъ пониманія и изъясненія, какой именно выработался при извѣстномъ данномъ родѣ занятій. Тотъ математикъ, надъ которымъ смѣялся Беркли и который утверждалъ, что душа должна быть протяженіемъ, и тотъ скрипачъ, который былъ убѣжденъ, что она должна быть гармоніей, безъ преувеличенія могутъ считаться представителями той склонности, какую обнаруживаютъ почти всѣ ученые, преданные только одному какому нибудь роду научнаго труда и желающіе объяснить всѣ явленія жизни, всѣ

вопросы знанія только съ точки зрѣнія тѣхъ понятій, къ ка-кимъ приводятъ ихъ спеціальныя изслѣдованія. Въ силу этого представляется понятнымъ, если современная уче-ность, погруженная въ изученіе явленій естественнаго поряд-ка, проявляетъ какое то инстинктивное, неразумяющее не-расположеніе ко всему сверхъестественному, и стремится обо всемъ судить и все рѣшать только съ точки зрѣнія естествен-наго закона. Приведенными соображеніями вполне объясняет-ся, въ частности, то, что напр. такой первоклассный ученый, какимъ является современный намъ знаменитый французскій химикъ Бертелло, когда начинаетъ разсуждать о религіи, усмат-риваетъ въ ней не иное что, какъ только проявленіе какого-то болѣзненнаго мистицизма. Не чѣмъ инымъ, какъ тою же склонностью ума обо всемъ судить только съ точки зрѣнія извѣстныхъ *привычныхъ* понятій, пужно объяснить и то, что другой не менѣе знаменитый современный ученый, нѣмецкій натуралистъ Геккель, выросшій и воспитавшійся въ атмосфе-рѣ германскаго матеріализма, потомъ склонившійся къ ученію эволюціонизма, пытается примѣнить къ догматамъ христіанской религіи точный математическій и естественно-научный способъ пониманія и, вслѣдствіе того, что эти догматы не поддаются такому пониманію, дерзко шутить надъ ними, находя, напр., что христіанскій догматъ Троичности явно противорѣчитъ ма-тематическому ученію, ибо выражаетъ истину, что $3 \times 1 = 1$. Изъ той же склонности все подводитъ къ одной привычной мѣркѣ, безъ сомнѣнія, возникла и извѣстная теорія знамени-таго итальянскаго психіатра Ломброзо, ставящая геніевъ и всѣхъ людей, выдѣляющихся какими нибудь талантами, на одну линію съ преступниками и сумасшедшими. Хотя всѣ эти уче-ные, подобныхъ которымъ можно бы назвать много, высказы-вая свои крайнія воззрѣнія, и сами, можетъ быть, убѣждены и другихъ стараются увѣрить, что они основываются на науч-ной почвѣ, но истинная наука тутъ совершенно не причемъ, какъ—все равно—не причемъ бываетъ строгая научная меди-цина тогда, когда какой нибудь врачъ—узкій спеціалистъ (какъ это бываетъ теперь нерѣдко) во всѣхъ болѣзняхъ, въ

какихъ къ нему прибѣгаютъ за помощію, усматриваетъ присутствіе и примѣняетъ способы леченія только той болѣзни, какая относится къ его специальности. Все дѣло тутъ заключается въ узкости умственнаго кругозора. Истинная наука имѣетъ свою чуткую неподкупную совѣсть, она точно знаетъ свои права и полномочія, вѣрно и чутко различаетъ, гдѣ она можетъ заявлять свой голосъ и гдѣ не можетъ, что она можетъ говорить и чего не можетъ. Но когда ученый дѣятель замыкается въ тѣсныхъ предѣлахъ какихъ нибудь специальныхъ изслѣдованій, то его умственный кругозоръ необходимо суживается, свободное движеніе мысли подавляется, а отъ этого въ большей или меньшей степени и утрачивается та чуткость и неподкупность научной совѣсти, которая должна отличать ученаго, обладающаго истинно-научнымъ духомъ.

Н. Н. Страховъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Ноября № 21. 1900 года.

Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе).—Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г. (окончаніе).—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Министръ Финансовъ, отношеніемъ отъ 5-го февраля сего года за № 76, сообщилъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода слѣдующее:

Высочайше утвержденнымъ, 25 января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 рублевыхъ билетовъ, образца 1866 г., до 1 января 1902 года.

Озабочиваясь, въ интересахъ населенія Имперіи, повсемѣстнымъ и наиболѣе широкимъ оглашеніемъ сего Высочайшаго повелѣнія, Статсъ-Секретарь Витте просить сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы объявленіе о вышеуказанной льготѣ было печатаемо ежемѣсячно, впредь до истеченія срока, какъ въ Церковныхъ, такъ и въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и чтобы приходскимъ священникамъ, въ особенности же сельскимъ, было поручено разъяснять прихожанамъ настоящее оновѣщеніе Министра Финансовъ:

При означенномъ отношеніи Министра Финансовъ препровождено, для ежемѣсячнаго печатанія въ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нижеслѣдующее объявленіе:

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что

1. Высочайше утвержденнымъ, въ 25 день января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: продлить обмѣнъ кре

дитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужнаго) образца 1866 года

до 1 января 1902 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1901 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе копѣекъ прекращается 31 декабря 1901 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлорыжевому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посрединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил. синею краскою. 10 руб. бил. красною краскою. 25 руб. бил. лиловою краскою.

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

II. Нижеслѣдующіе 7 родовъ кредитныхъ билетовъ оставлены въ обращеніи безъ всякаго ограниченія.

500 руб. бил. Цвѣтъ зеленоватый. Годъ 1898. Портретъ Императора Петра Великаго. 100 руб. бил. Цвѣтъ песочный, правая четверть бѣлая. Годъ 1898. Портретъ Императрицы Екатерины II. 25 руб. бил. Цвѣтъ лиловый. Годъ 1892. Справа портретъ Императора Александра III, видимый на свѣтъ. Слева женская фигура (Россія) со щитомъ. 10 руб. бил. Цвѣтъ красный. Годъ 1894. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 5 руб. бил. Цвѣтъ синий. Годъ 1895. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 3 руб. бил. Цвѣтъ зеленый. Года разные. Двуглавый орелъ посрединѣ. Цифра 3 слѣва. 1 руб. бил. Цвѣтъ желтый. Года разные. Двуглавый орелъ посрединѣ. Цифра 1 слѣва.

Кромѣ того въ текущемъ году будетъ выпущенъ 50—рублевый билетъ. Цвѣтъ синеватый. Годъ 1899. Портретъ Императора Николая I.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управленіе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣеть честь объявить по духовному вѣдомству, для зависящихъ распоряженій.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній.

(Продолженіе *).

Примѣрное распредѣленіе апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ среди сектантскаго населенія ¹⁾).

(Статьи и порядковъ ихъ (обозначенный цифрами) показаны примѣнительно ко второму изданію программъ для церковно-приходскихъ школъ).

Священная Исторія Вѣтхаго Завѣта.

9. *Исторія Іосифа.* Замѣчательно благословеніе дѣтей Іосифа: Іаковъ благословилъ ихъ своими руками крестообразно (Быт. 48, 13—16). У насъ также крестомъ благословляютъ священники и родители.

12. *Устроеніе скинии.* По Божію повелѣнію, на крышкѣ ковчега завѣта и на занавѣси скинии сдѣланы были изображенія или иконы св. херувимовъ славы (Исх. 25, 17—22. 26, 1).

13. *Вступленіе евреевъ въ Ханаанскую землю.* Во время сорокалѣтняго странствованія евреевъ произошло возмущеніе Корея, Дафана и Авирона противъ Моисея и первосвященника Аарона. Возмутители говорили: „полно вамъ; все общество, всѣ святы, и среди нихъ Господь! Почему-же вы ставите себя выше народа Господня?“ Господь страшно навазалъ дерзкихъ возмутителей (Числ. 16, 1—35. Іуд. 1, 11). Кто изъ отступниковъ и противниковъ Церкви говоритъ такъ, и того въ свое время постигнетъ строгій судъ Божій. Наказаніе евреевъ змѣями, и милость Божія посредствомъ мѣднаго змѣя. Мѣдный змѣй прообразовалъ Христа, а древо змѣя прообразовало крестъ Господень (Числ. 21, 4—9. Іоан. 3, 14).

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1900 г. № 20.

1) Составлено свящ. о. Іустиномъ Ольшевскимъ.

15. *Помазаніе Давида.* За неисполненіе воли Божіей, высказанной черезъ святого мужа, Господь отвергъ Саула: непокорность, какъ будто и съ доброю цѣлью, есть такой-же грѣхъ, какъ идолопоклонство (1 Цар. 15—16—29). Саулу подобны отступники и противники св. Церкви. *Побѣда надъ Голиаѳомъ.* Мечъ, которымъ Давидъ поразилъ Голиаѳа, хранили священники при храмѣ, вернувъ его въ священную одежду (1 Цар. 21, 9). Потому-то и у насъ знамена и вещи, которыми оказана намъ милость Божія, хранятся во св. храмѣ.

17. *Построеніе и освященіе храма.* Въ ново-устроенномъ храмѣ много было изображеній св. херувимовъ, и слава Господня наполнила этотъ храмъ (3 Царст. 6, 23—35, 8, 6—11).

19. *Пророкъ Ілія.* Идолы и кумиры суть придуманные злыми и неразумными людьми ложные боги и изображенія ложныхъ боговъ, которыхъ язычники почитали вмѣсто Бога истиннаго и вмѣсто истинныхъ изображеній Его; таковъ языческій богъ Вааль (3 Царст. 18, 17—21). *Пророкъ Елисей.* Отъ привосновенія къ костямъ св. пророка Елисея оживъ умершій (4 Царст. 13, 20—21); посему подобаетъ почитать кости и мощи святыхъ.

20. *Пророкъ Ісаія.* Онъ видѣлъ Господа Саваоѳа (Исаіи 6, 1—5); сообразно сему и у насъ изображаютъ Бога-Отца. *Пророкъ Даниилъ.* Сей пророкъ также видѣлъ Бога-Отца во образѣ Ветхаго днями (Дан. 7, 9—13). Язычники почитали своихъ идоловъ за настоящихъ боговъ, которые будто-бы могутъ ѣсть и пить; таковъ идолъ Вилъ (Дан. 14, 3—22).

21. *Построеніе второго храма.* Второй храмъ по своему устройенію былъ подобенъ первому, т. е. имѣлъ изображенія св. херувимовъ (1 Ездры, 5, 11; Іезек. 41, 17—21; 43, 5. 10—11).

Священная Исторія Новаго Завѣта.

1) *Посѣщеніе Божіею Матерію праведной Елизаветы.* „Отнынѣ ублажать ми вси роди“ (Лук. 1, 48). Слова эти сбылись: всѣ истинные христіане особенно усердно чествуютъ Матерь Божію.

3. *Срѣщеніе Господа Іисуса Христа.* Сорокадневнаго младенца Іисуса принесли во храмъ (Лук. 2, 22); посему и у насъ новорожденныхъ младенцевъ приносятъ въ Божій храмъ.

4. *Проповѣдь св. Іоанна Крестителя.* Онъ питался абридами и дикимъ медомъ (Матѳ. 3, 4); у этого подвижника всегда была постная пища.

5. *Крещеніе Господа Іисуса Христа.* Въ Вѣтхомъ завѣтѣ, на горѣ Хоривѣ (Синаѣ), люди не удостоились видѣть Господа, а только слышали Божій гласъ (Второз. 4, 12—16); въ Новомъ Завѣтѣ, особенно при крещеніи Господа въ рѣкѣ Іорданѣ, люди не только гласъ съ неба слышали, но и видѣли Господа, т. е. здѣсь было истинное и полное Богоявленіе (Лук. 3, 21—22. Іоан. 1, 14—18). Потому-то въ Вѣтхомъ Завѣтѣ не было изображеній Господа, а только св. ангеловъ, въ Новомъ Завѣтѣ мы имѣемъ изображенія не только ангеловъ и святыхъ челоуѣковъ, но и Самого Господа.

6. *Первые ученики Господа.* Діаволъ, когда искушалъ Господа, то въ доказательство приводилъ даже слова Св. Писанія (Матѣ. 4, 1—11). По сему-то в челоуѣка не всякаго слушать нужно, который будто говоритъ отъ Писанія: нужно слушать только людей на сіе поставленныхъ. *Первое чудо.* Господь Спаситель благословляетъ истинныя радости и удовольствія, ибо Ему угодно, чтобы мы вели жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. 2, 1—4, Дѣян. 2, 46—47).

7. *Изгнаніе торгующихъ изъ храма.* У насъ во св. храмѣ, когда берутъ свѣчи, то никакой торговли не бываетъ: челоуѣкъ жертвуетъ деньги, и староста даетъ свѣчку, которую зажигаютъ во славу Божию. Не то было въ храмѣ Іерусалимскомъ: великое безобразіе происходило, когда тамъ находился скотъ и шелъ шумный торгъ,—храмъ дѣлалъ домомъ торговли и вертепомъ разбойниковъ. Господь изгналъ скотъ и торговцевъ (Іоан. 2, 13—17; Матѣ. 21, 12—13) и тѣмъ заповѣдалъ и намъ оказывать подобающую честь дому молитвы или дому Божию, въ которомъ Онъ являетъ Свое присутствіе (Дѣян. 22, 17—18).

9. *Избраніе апостоловъ:* Въ число апостоловъ избранъ былъ Іуда Искаріотскій, его предательство напередъ зналъ всевѣдущій Господь (Лук. 6 13—16); что же удивительнаго, если между тѣми, кого избираютъ невѣдущіе будущаго люди, бываютъ злые? Разумѣется, эти злые, подобно Іудѣ, отдадутъ за себя отвѣтъ Господу.

10. *Заповѣди блаженства.* Блаженны люди гонимые только тогда, когда ихъ преслѣдуютъ, „лжше Мене ради“, т. е. дѣйствительно ради Христа (Матѣ. 5, 11). Такъ гнали православныхъ христіанъ въ древности, когда царями были язычники невѣрные; такъ иконоборцы преслѣдовали православныхъ христіанъ за почитаніе святыхъ иконъ: такъ и теперь гонятъ въ странахъ не христіанскихъ на примѣръ, у турокъ; такъ вездѣ бываетъ съ людьми бла-

гочестивыми и правдивыми, когда надъ ними смѣются и надругаются. Однако этого не должны примѣнять къ себѣ люди злые и отступники отъ Церкви, когда ихъ наказываютъ за сдѣланную ими смуту и зло; такъ, на примѣръ, по справедливости гонимы были и пострадали Оевда и Иуда Галилеянинъ (Дѣян. 5, 34—40).

14. *Воскрешеніе дочери Таира.* Больная женщина по вѣрѣ исцѣлилась чрезъ прикосновеніе къ одеждѣ Спасителя (Матѹ. 9, 20—22); другіе потомъ исцѣлялись отъ своихъ болѣзней по вѣрѣ чрезъ прикосновеніе къ головнымъ платкамъ св. ап. Павла (Дѣян. 19, 11—12) и подъ тѣнію св. ап. Петра (Дѣян. 5, 14—16). Такъ Господь оказываетъ вѣрующимъ людямъ Свою милость черезъ вещи святыхъ и черезъ ихъ изображенія. Потому намъ дороги вещи и изображенія святыхъ, именуемая чудотворными, и мы отдаемъ имъ особую честь.

20. *Притча о богатомъ и Лазарѣ.* Нужно каяться во грѣхахъ при жизни, а послѣ смерти уже поздно (Лук. 16, 25—26). Однако Господь подаетъ утѣшеніе и облегченіе умершимъ по молитвамъ о нихъ св. Церкви; такъ молился объ умершихъ предкахъ прор. Варухъ (Варух. 3, 1—6), молился объ убитыхъ воинахъ Иуда Маккавей (2 Маккав. 12, 41—45).

21. *Благословеніе дѣтей.* Дѣти были особенно близки къ любви Господней: Онъ обнималъ и благословлялъ ихъ (Марк. 10, 15—16). Потому-то у насъ маленькихъ дѣтокъ крестятъ, приносятъ во св. храмъ, причащаютъ ихъ Крови и Тѣла Господнихъ.

23. *Входъ Господень во Иерусалимъ.* Дѣти даже грудные прославляли Господа во храмѣ, а іудейскіе книжники и фарисеи не годовали на нихъ за это и хотѣли воспретить имъ (Матѹ. 21, 15—16). Подобны этимъ книжникамъ и фарисеямъ тѣ люди, которые всячески отдаляютъ дѣтей отъ Господа: не хотятъ крестить ихъ, не приносятъ во святой храмъ, и не причащаютъ ихъ св. Тавнъ.

24. *Тайная вечеря.* На тайной вечери Господь установилъ таинство св. причащенія (Матѹ. 26, 26—28; Лук. 22, 19—20). Какъ Господь установилъ, какъ апостолы показали это на дѣлѣ вездѣ по церквамъ, такъ потомъ было записано св. мужами, такъ оно совершается и у насъ.

25. *Страданія Господа Іисуса Христа.* Въ саду Геосиманскомъ Господь Іисусъ молился Своимъ духомъ и тѣломъ (Лук. 22, 41—44). Молитва однимъ духомъ—важная молитва, но неполная:

необходимо и участіе тѣла въ молитвѣ (1 Коринѣ. 6, 20; Римл. 12, 1). Посему у насъ предлагаются вѣрующимъ благочестивыя тѣлесныя упражненія, каковы—поклоны и посты; посему-то необходимы и обряды. На судѣ у іудейскихъ первосвященниковъ Господа спросили подъ клятвою, и Онъ далъ отвѣтъ (Матѣ. 27, 63—64). Клятва на судѣ и вообще присяга нужна,—ее Самъ Господь допустилъ.

26. *Воскресеніе Христовъ.* Являясь апостоламъ и вѣрующимъ послѣ Своего воскресенія, Господь словесно поучалъ ихъ, какъ и во время земной своей жизни (Дѣян. 1, 3); Самъ Господь не написалъ намъ ничего, ни одной книги. Посему большинство апостоловъ и при томъ о важнѣйшихъ предметахъ вѣры поучали людей изустно и самымъ дѣломъ, а книгъ не писали; напримѣръ, св. апостолы изъ числа двѣнадцати—Андрей, Іаковъ, Филиппъ, Вареоломей, Ѳома, Симонъ Зилотъ, а также почти всѣ семьдесятъ апостоловъ ничего намъ не написали.

И з ъ и с т о р і и Ц е р к в и .

Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Просвѣщенные Духомъ Божіимъ, апостолы стали сами проповѣдывать и устроить церкви. Хотя апостолы проповѣдывали исключительно изустно, но нѣкоторые изъ нихъ (только восемь) написали намъ о дѣлахъ и ученіи Спасителя въ „Евангеліяхъ“, а также собственныя наставленія записывали въ „Посланіяхъ“. Однако они сами говорятъ, что не все они записали о Христѣ (Іоан. 20, 30; 21, 25), не все записали и изъ собственныхъ наставленій (2 Іоан. 1, 12; 3 Іоан. 1, 13—14); многое необходимое они передали христіанамъ изустно (2 Тимое. 2, 2) и самымъ дѣломъ (1 Коринѣ. 11, 20—34). Написанныя апостолами книги и изустныя ихъ наставленія взаимно восполняютъ одно другое и одинаково необходимы для насъ (2 Тимое. 3, 14—15; 2 Ѳессал. 2, 15). То, что апостолы написали, составляетъ собою Св. Писаніе; а то, чему они научили изустно и самымъ дѣломъ, есть св. Преданіе. Св. Писаніе сохраняется въ книгахъ, а Св. Преданіе содержится въ обычаяхъ и установленіяхъ церковныхъ; то и другое вмѣстѣ въ теченіи многихъ вѣковъ сберегла намъ вселенская православная Церковь Христова. Для истиннаго христіанина одинаково дорого Св. Писаніе и Св. Преданіе. Основавши свою Церковь, Господь Іисусъ Христосъ поставилъ для нея

апостоловъ, дабы они проповѣдывали Его ученіе и совершали богослуженіе (Іоан. 20, 21—23). Исполненные Духа Святаго, апостолы вмѣсто себя вездѣ по городамъ рукополагали епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ (Филипп. 1, 1—2, Дѣян. 6, 6; 14, 23). Поставленные апостолами епископы опять отъ себя рукополагали пресвитеровъ и епископовъ (Тит. 1, 5—7) и такъ далѣе. Такъ даръ священства, принятый отъ апостоловъ чрезъ святое рукоположеніе (1 Тимое. 4, 14), сохраняется въ православной Церкви Христовой до настоящаго времени.

Успеніе Божіей Матери. Не только Мать Божія молится о насъ, но молятся и святые праведники; примѣръ прор. Іереміи и первосвящ. Онія (2 Маккав. 15, 12—14). Господь милуетъ грѣшниковъ иногда только вслѣдствіе молитвъ святыхъ о нихъ, какъ это было, напримѣръ, по молитвѣ праведнаго Іова (Іовъ 42, 7—8). Посему и сказано, что наша молитва особенно сильна тогда, когда помогаетъ ей молитва праведнаго (Іаков. 5, 16—18).

Обрѣтеніе Св. Креста Господня. До страданій Спасителя Крестъ былъ орудіемъ и знаменіемъ страданій; послѣ же, когда на крестѣ для нашего спасенія пострадалъ Самъ Господь Христосъ, крестъ сталъ орудіемъ и знаменіемъ нашего спасенія. Это освятило крестъ, и потому онъ дорогъ истинному христіанину. Въ словѣ Божіемъ о св. крестѣ говорится: „слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ сила Божія“ (1 Коринт. 1, 18); св. крестомъ Христовымъ апостолы хвалятся (Галат. 6, 14); онъ называется блаженнымъ древомъ правды (Премудр. Солом. 14, 7; 1 Петр. 2, 24); злые люди и отступники называются врагами креста Христова (Филипп. 3, 17—18). Изъ уваженія и любви ко Христу распятому и Его св. кресту, мы сами крестимся и крестимъ любезные для насъ предметы.

Среди славянскихъ народовъ, родственныхъ намъ, христіанство распространилось прежде всего между Моравами и Болгарами, которые говорили языкомъ совершенно подобнымъ языку нашихъ предковъ, русскихъ людей. Святые Кириллъ и Меѳодій для Моравовъ и Болгаръ составили славянскую грамоту и перевели на славянскій языкъ Св. Писаніе и богослуженіе, отъ нихъ церковно-славянскія книги при св. князѣ Владимірѣ переданы были и намъ. Церковно-славянскій языкъ есть такимъ образомъ языкъ нашихъ предковъ, родной намъ, и потому мы въ немъ почти все понимаемъ. Не такъ у другихъ народовъ не православныхъ: напримѣръ, католики поль-

скіе, нѣмецкіе и иные въ своихъ храмахъ слушаютъ богослуженіе на совершенно непонятномъ для нихъ языкѣ римскимъ. Посему мы дорожимъ своими древне-славянскими книгами.

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г.

(Окончаніе *).

Занятія на курсахъ по предмету счисленія были ведены И. В. Кудревичемъ. Лекторъ кратко, отчетливо и обстоятельно, согласно плану, выработанному практикою предыдущихъ курсовъ, изложилъ систему счисленія въ связи съ пробными уроками по сему предмету и разборомъ ихъ.

Занятія состояли: 1) въ изложеніи систематическаго курса методики счисленія, 2) въ пробныхъ урокахъ, числомъ 8, которые давали бывшіе на курсахъ учителя и учительницы въ 3-хъ отдѣленіяхъ организованной при курсахъ школы и 3) въ разборѣ пробныхъ уроковъ, въ теченіе 4 часовъ, каковой подъ руководствомъ лектора производили курсисты и курсистки.

Пробныхъ уроковъ по счисленію (получасовыхъ) было дано 8, а именно: въ младшемъ отдѣленіи школы учительницей Бѣлопольской былъ данъ урокъ, состоявшій въ обученіи дѣтей счету чиселъ перваго десятка, и учителемъ Трущенко—урокъ, состоявшій въ упражненіяхъ на отсчитываніе и присчитываніе по 2 и по 3 въ предѣлахъ того же десятка; въ среднемъ отдѣленіи школы давали уроки: учительница Полуехтова, занимавшаяся сложеніемъ чиселъ, въ предѣлахъ отъ 10 до 100, діаконъ Брайловскій, занимавшійся вычитаніемъ чиселъ въ тѣхъ же предѣлахъ, и учитель Фіалковскій и Бухаринъ, упражнявшіе учениковъ въ рѣшеніи сложныхъ задачъ на всѣ 4 дѣйствія надъ числами первой сотни; въ старшемъ отдѣленіи да-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 20.

вали уроки учителя Каравановъ и Иванченко, объяснявшіе ученикамъ приемы умноженія многозначныхъ чиселъ.

Послѣ каждаго двухъ, непосредственно другъ за другомъ слѣдовавшихъ пробныхъ уроковъ, происходилъ разборъ этихъ уроковъ: лекторъ предлагалъ желающимъ сдѣлать замѣчанія по поводу каждаго изъ данныхъ уроковъ, дѣлалъ свои дополненія и разьясненія и выводилъ заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ уроковъ.

Курсы счисленія дали слушателямъ точныя руководящія начала постановки преподаванія въ церковно-приходской школѣ.

Кромѣ того на курсахъ по предложенію Его Превосходительства В. И. Шемякина было введено преподаваніе пчеловодства, переплетнаго ремесла для курсистовъ и кройки для учительницъ; послѣдніе два предмета были необязательны для слушателей. На курсахъ дано было мѣсто ознакомленію съ пчеловодствомъ, какъ такого рода занятіемъ, которое при небольшихъ на него издержкахъ и малой тратѣ труда и времени, можетъ дать возможно большее подспорье бѣднѣйшимъ школамъ и ихъ учителямъ. Курсъ пчеловодства былъ прочитанъ проф. Университета прот. Т. И. Буткевичемъ. Особенно интересна его вступительная бесѣда о значеніи пчеловодства для церковно-приходской школы.

Предметомъ бесѣды о Буткевича было: состояніе пчелы на Западѣ, въ Америкѣ, у насъ въ Россіи и другихъ странахъ; породы пчелъ; пчелиное семейство: матка, трутни и рабочія пчелы; размноженіе пчелъ; внутреннее хозяйство улья; характеръ медоносной мѣстности; медоносныя травы; о рамочныхъ ульяхъ; уходъ за пчелами весною, осенью и зимою; кормленіе; искусственное роеніе; этический характеръ пчеловодства; литература по пчеловодству.

Кромѣ того для провѣрки теоретическихъ знаній и закрѣпленія въ памяти слушателей теоретическихъ свѣдѣній по пчеловодству, курсистами была предпринята 11-го іюля экскурсія въ пчеловодный музей.

Профессоръ Буткевичъ демонстрировалъ ульи различныхъ системъ, указывая курсистамъ удобства и существенные недо-

статки системъ наблюдательнаго улья Долиновскаго, Дадана, Берлепша, Шаповаленко, Андріяшева, Англо-американскій и др. Наиболѣе примѣнимымъ по своимъ достоинствамъ, а также по дешевизнѣ и соответствію условіямъ мѣстности, оказался улей свящ. Толмачева, на который было обращено профессоромъ наибольшее вниманіе. Демонстрированіе ульевъ было сопровождаемо сообщеніемъ многихъ практическихъ свѣдѣній, относящихся къ пчеловодству. Кромѣ этого были показаны лучшіе инструменты, необходимые для пчеловодства, центробѣжки для выгонки меда изъ сотовъ и т. п.

Въ заключеніе профессоръ предложилъ желающимъ пополнить свои знанія приобрѣтеніемъ одного изъ слѣдующихъ изданій по пчеловодству: 1) „Пчела и улей“ Ландстрота, 2) Руководство Бутлерова и 3) „Учебникъ пчеловодства“ Потѣхина.

Обладая полною доступностью изложенія, ясностью и обстоятельностью, бесѣды о. Буткевича отличались еще тою оживленностью и увлекательностью, какая обыкновенно свойственна лицамъ, любящимъ дѣло и глубоко преданнымъ ему.

Кромѣ того по приглашенію начальства Епархіальный миссіонеръ прочелъ 3 лекціи о миссіонерскомъ значеніи церковно-приходской школы. Не дѣлая подробнаго изложенія содержанія этихъ воодушевленныхъ и интересныхъ чтеній, мы считаемъ весьма важнымъ припомнить нѣкоторыя мѣста ихъ о той миссіи, которая возложена на церковно-приходскую школу исторіей рускаго народа за истекшее полустолѣтіе.

Въ наше время, такъ приблизительно говорилъ г. Боголюбовъ, на духовенство возложено множество задачъ: оно должно заботиться о духовномъ просвѣщеніи пасомыхъ, къ нему прихожане обращаются за разрѣшеніемъ всякихъ недоразумѣній въ дѣлахъ религіи, ему приходится вести борьбу со всевозможными сектами и ограждать святость церкви отъ вторженія всякихъ лжеученій. Но такъ какъ самымъ удобнымъ моментомъ для наставленія и утвержденія народа въ догматахъ христіанскаго ученія является дѣтскій возрастъ, то церковная школа по этому имѣетъ важное миссіонерское значеніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, если считаютъ нужнымъ на ряду съ

преподаваніемъ Закона Божія, русской грамоты и счисленія сообщать въ школѣ дѣтямъ полезныя свѣдѣнія по пчеловодству, рукодѣлію и переплетному мастерству, то тѣмъ болѣе необходимо вамъ позаботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей, оградить ихъ юный умъ отъ всякихъ сомнѣній въ дѣлахъ религіи.

Вотъ съ этой точки зрѣнія мы рассмотримъ церковно-приходскую школу.

Вспомнимъ тѣ обстоятельства и условія, при которыхъ появилась или собственно возродилась современная церковная школа. Послѣ освобожденія крестьянъ такъ называемое „хождение въ народъ“ сдѣлалось моднымъ для радѣтелей народнаго благосостоянія. Эти хожденія ярко обрисованы въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ, какъ напримѣръ, Глѣба Успенскаго, Достоевскаго и Тургенева.

Эти самозванные радѣтели народнаго блага, пользуясь взволнованнымъ состояніемъ массы въ данную эпоху, хотѣли сдѣлать народъ шаткимъ и склоннымъ пойти за ними. Но въ силу того обстоятельства, что всѣ хожденія этихъ quasi—радѣтелей не имѣютъ никакой системы и здраваго смысла, они, не достигли своей цѣли и религіозный устой нашего народа а также и весь государственный строй остался непоколебимымъ. Но, не смотря на свою неудачу, народники оставили послѣ себя слѣдъ и произвели то сильное волненіе, которое закончилось позорнымъ событіемъ цареубійства. Взволнованная всѣми этими событіями народная масса искала выхода, и вотъ въ это самое время истинные ревнители государственнаго благоустройства вспомнили, что самодержавіе Россіи всегда твердо стояло на основахъ церковности и церковная школа всегда воспитывала своихъ питомцевъ въ духѣ монархизма, и рѣшили снова призвать ее къ просвѣтительной дѣятельности. При такихъ условіяхъ въ 80 годахъ появилась церковно-приходская школа, задача которой состояла въ томъ, чтобы успокоить взволнованную массу. Мы видимъ, такимъ образомъ, что церковная школа въ основѣ своей имѣетъ чисто миссіонерскій характеръ. Но, быть можетъ, кто изъ васъ скажетъ, что шко-

да является такимъ образомъ служанкой миссіи, но нѣтъ. Главная задача миссіи—обращать въ православіе вѣроотступниковъ, а задача школы аналогична съ задачей церкви—поддерживать религіозное просвѣщеніе народа. Духовенство и учителя это врачи духовныхъ недуговъ народа. Какъ врачу естественно узнать происхожденіе болѣзни и ея лѣченіе, такъ точно и учителю необходимо знать, чѣмъ волнуется народъ и какія религіозныя теченія господствуютъ въ народѣ.

Указавъ вслѣдъ затѣмъ на болѣе выдающіяся отрицательныя теченія религіозной жизни, г. миссіонеръ остановился своимъ вниманіемъ на штундо-баптизмѣ, его историческомъ происхожденіи, причинахъ его вызвавшихъ и тѣхъ мѣрахъ борьбы, какія въ практикѣ миссіонеровъ являются наиболѣе дѣйствительными. Чтенія г. Боголюбова не безъ пользы были прослушаны курсистами, пробудивши въ ихъ сознаніи, что и они, какъ учителя церковныхъ школъ, могутъ и внѣ предѣловъ школьной дѣятельности быть полезными на поприщѣ миссіонерства.

Скажемъ нѣсколько словъ и относительно необязательныхъ занятій на курсахъ.

Въ свободные отъ занятій часы Е. Н. Гейцыгъ ознакомила учительницъ съ постановкою преподаванія руководѣлій въ церковно-приходскихъ школахъ, съ программю сего предмета и примѣнимостью ея въ практикѣ школьнаго обученія. Программа по руководѣлію для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ была составлена въ истекшемъ году по порученію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта тою-же Е. Н. Гейцыгъ и въ настоящее время введена въ женскія школы къ руководству учительницъ. Для ознакомленія съ ея содержаніемъ и къ свѣдѣнію учащихъ мы приводимъ ея содержаніе.

1-е отдѣленіе. Изученіе простѣйшихъ швовъ. Стежокъ впереди иголки, стежокъ въ тачку (позади иголки), стежокъ въ строчку, подрубочный стежокъ косой и прямой, сборы.—Эти швы употребляются при шитьѣ полотенець, платковъ, юбокъ и передниковъ. Чулочное вязаніе на двухъ спицахъ на-лицо и наизнанку. Простое вязанье крючкомъ. Плетеніе шнура на ру-

кахъ. Работы: поясъ, шарфъ, мѣшочекъ. *2-е отдѣленіе.* Изученіе соединительныхъ швовъ.—Запошивка, черезъ край, французскій шовъ, фальшивый рубецъ или подшивка, складки, пришиваніе сборокъ, пришиваніе тесемки, пуговиць, крючка и петли, приметка на живую нитку или сметка.—Эти швы требуются при шитьѣ рубашки, наволочки, кофты. Полное вязаніе чулка. Узорчатое вязаніе крючкомъ. Работы: чулокъ, салфеточка, кружево. *3-е отдѣленіе.* Изученіе украшающихъ швовъ.—Глухая и прозрачная строчка, меретка (по выдернутымъ ниткамъ), ёлочка, малороссійская гладь, вышиваніе крестомъ, штопка матерій и чулка, петельный стежокъ, выметываніе петель.—Примѣнительныя работы: простое платье, починка бѣлья, вышиваніе цвѣтной бумагой и нитками: сорочекъ, рушниковъ и скатертей.

Кромѣ ознакомленія дѣвиць съ программой школьнаго обученія рукодѣліямъ по ихъ желанію на курсахъ было организовано обученіе кройкѣ. Всякій знаетъ, какое громадное значеніе имѣетъ для женщины искусство кройки необходимыхъ въ обиходѣ костюмовъ и сколько сбереженій остается въ семьѣ, въ которой мать обладаетъ умѣньемъ шить и кроить. Обученіе кройкѣ было ведено подъ руководствомъ опытной учительницы Ждановой, состоящей при Харьковской ремесленной управѣ экспертомъ швейныхъ работъ. Въ теченіе 18 уроковъ, по 2 ч. каждый день, она обстоятельно и наглядно изложила основаніе системы кройки Ворта, которая по простотѣ и изяществу превосходитъ всѣ нынѣ существующія. Такъ какъ основаніемъ для всѣхъ фасоновъ служить лифъ, то Жданова, ознакомивши учительницъ со способомъ снятія мѣрки и раздѣленіемъ фигуръ, перешла къ изученію лифа. Къ концу курсовъ учительницы настолько уразумѣли общія правила кройки и приобрѣли навыкъ, что совершенно свободно при помощи сантиметра и линейки, не прибѣгая къ выкройкѣ, могли кроить матеріалъ ¹⁾.

¹⁾ Списокъ курсистокъ, обучавшихся кройкѣ и рукодѣліямъ: 1) Варвара Бѣляева, 2) Викторія Бѣляева, 3) Анна Чумакова, 4) Зинаида Полуехтова, 5) Анна Гурѣва, 6) Елена Нивитина, 7) Екатерина Крамаренко, 8) Екатерина Бойко, 9) Ольга Ковалева, 10) Аполливарія Дорошенко, 11) Елисавета Новомірская, 12) Любовь Камышанова, 13) Александра Ломаковская, 14) Марѳа Криштопец-

Какъ необязательный предметъ занятій на курсахъ, было введено обученіе переплетному мастерству. Всѣхъ изучавшихъ это мастерство было 35 учителей ¹⁾. Для удобства занятій преподаваніе мастерства производилось въ двѣ очереди съ двумя группами: съ первою группою съ 18 іюня по 3 іюля и со второю—съ 3 іюля до конца курсовъ. Подъ руководствомъ опытнаго преподавателя г. Шепелева курсисты въ теченіе означеннаго времени вполнѣ освоились съ переплетнымъ мастерствомъ, пройдя въ 10 уроковъ полный курсъ его.

Для пополненія знаній при курсахъ была образована постоянная курсовая бібліотека, въ составъ которой вошли всѣ наиболѣе выдающіеся методическія руководства по всѣмъ предметамъ начальной школы, нотныя сочиненія и всѣ необходимыя учебныя принадлежности, каковы: школьные учебники, тетради, доски, подвижная азбука, щеты и наглядныя пособія по Закону Божію, счисленію и другимъ предметамъ. Бібліотека была въ постоянномъ пользованіи курсистовъ, которые всегда обращались сюда по мѣрѣ ихъ нуждъ за полученіемъ тѣхъ или другихъ пособій. Что касается методикъ по Закону Божію счисленію и учебнаго руководства по церковному пѣнію Рязскаго и Московскій обиходъ, то эти пособія, какъ всегда необходимыя, были розданы курсистамъ въ количествѣ 40 экземпляровъ каждое по одному на 2 слушателей.

ко, 15) Марія Бѣлопольская, 16) Марія Юрковская, 17) Ольга Пономаренко, 18) Марія Пилецкая, 19) Марія Ольховская, 20) Зинаида Гильченко, 21) Александра Цебенко, 22) Параскева Красновутская, 23) Зинovia Орленко.

¹⁾ Имена и фамиліи изучавшихъ мастерство: 1) Самойловъ Андрей, 2) Будяинскій Θεодоръ, 3) Мухинъ Николлай, 4) Колотовскій Иванъ, 5) Насѣдкинъ Григорій, 6) Рубинскій Павелъ, 7) Рубинскій Михаилъ, 8) Брайловскій Θεодоръ, 9) Власовскій Петръ, 10) Ковалевскій Африканъ, 11) Новомірскій Иванъ, 12) Поповъ Иванъ, 13) Каравановъ Павелъ, 14) Митузунъ Иванъ, 15) Улановъ Іустинъ, 16) Столяревскій Георгій, 17) Кошляковъ Иванъ, 18) Шепелевскій Іуліанъ, 19) Трущенко Іпполитъ, 20) Стефановскій Василій, 21) Протопоповъ Леонтій, 22) Мелиховъ Сумеонъ, 23) Бухаринъ Михаилъ, 24) Протопоповъ Павелъ, 25) Андреевковъ Яковъ, 26) Торанскій Григорій, 27) Огинскій Дмитрій, 28) Фіалковскій Михаилъ, 29) Новомірскій Елисей, 30) Фальченко Михаилъ, 31) Цупрунъ Александръ, 32) Мамай Антоній, 33) Масловъ Иванъ, 34) Иванченко Михаилъ, 35) Рубинскій Евграфъ, 36) Титовъ Иванъ.

Кромѣ того съ разрѣшенія начальницы Женскаго Епархіальнаго Училища курсистамъ было предоставлено право пользоваться книгами для чтенія изъ обширной училищной бібліотеки, откуда желающіе могли получать самага разнообразнаго содержанія книги изъ отдѣловъ—религіозно-нравственнаго, педагогическаго, историческаго, беллетристическаго и другихъ.

Для пополненія знаній, приобрѣтаемыхъ на курсахъ, и съ цѣлью отдохновенія отъ занятій курсисты подъ руководствомъ администраціи курсовъ предпринимали экскурсіи въ разныя мѣста.

Желая выразить личную благодарность Преосвященному Иннокентію за его участіе въ совмѣстной молитвѣ при открытіи курсовъ, учителя и ученицы, во главѣ администраціи курсовъ и о. Ректора Семинаріи прот. Іоанна Знаменскаго, 25-го іюня предприняли поѣздку въ Куряжскій Спасо-Преображенскій монастырь, мѣсто пребыванія Чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери и лѣтнее мѣстожительство Преосвященнаго. Божественная Литургія была совершена архіерейскимъ богослуженіемъ; причемъ одновременно съ владычнымъ хоромъ пѣли курсисты въ полномъ составѣ 80 человѣкъ подъ управленіемъ регента архіерейскаго хора М. С. Ведринскаго. Воодушевленное пѣніе соединеннаго хора 80 мужскихъ и женскихъ голосовъ, поставленнаго опытною рукою, производило сильное религіозное впечатлѣніе на предстоящихъ слушателей. Курсистовъ въ особенности одушевляла мысль, что они въ первый разъ въ жизни становятся со служащими Владыкѣ.

По окончаніи Литургіи учителя и учительницы получили любезное предложеніе Владыки откушать чай. Чай былъ приготовленъ на открытомъ воздухѣ, на берегу озера, въ тѣни деревьевъ. Послѣ завтрака слушатели курсовъ явились въ покои Преосвященнаго для выраженія благодарности Владыкѣ и полученія отъ него архипастырскаго благословенія. Привѣтствуя курсистовъ, Владыка сказалъ приблизительно слѣдующее: благодарю васъ, возлюбленные труженики, за пѣніе. Умиленное, простое, строго обиходное пѣніе ваше Богу пріятно, народу любезно, а мнѣ весьма дорого. Мы, пастыри, и вы, учителя церковныхъ школъ, со всѣмъ усердіемъ должны распространять это древне-церков-

ное пѣніе. Нашъ православный народъ, слыша простые церковныя напѣвы, умиляется душевно, глубоко воспринимаетъ ихъ сердцемъ, проникается молитвенными чувствами. Когда же слышитъ онъ такъ называемое пѣніе партесное, изобилующее дешевыми эффектами, вниманіе его отвлекается отъ молитвы, нѣтъ тогда въ душѣ и сердцѣ религіозныхъ чувствъ и молитвеннаго настроенія, портитъ онъ тогда свой религіозно-эстетическій вкусъ и развращается. Какъ прискорбно слышать по-этому, что въ послѣднее время такого рода пѣніе, руководимое доморощенными регентами, начинаетъ распространяться въ нашихъ православныхъ церквахъ. Православному древне-церковному пѣнію всегда враждебна свѣтская выразительность и тѣмъ болѣе въ худшемъ ея смыслѣ, когда она рассчитана на эффектъ и поражаетъ нашъ слухъ, не трогая сердца. Пусть же пѣніе въ церквахъ нашихъ будетъ такимъ, какимъ было оно нынѣ во время Божественной Литургіи, пусть школа церковная-всегдашняя пособница Церкви Христовой, чрезъ ваше посредство привѣтъ къ народу лучшіе напѣвы православной церкви и пробудитъ въ народѣ истинный вкусъ къ молитвенному пѣнію. Еще разъ благодарю васъ, дорогихъ мнѣ труженниковъ, и благословляю на дальнѣйшій вашъ трудъ.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе Владыки курсисты пропѣли: *ἐς πολλὰ ἔτη δέσποτα*, а Епархіальный Наблюдатель В. Давыденко отъ лица всѣхъ учителей и учительницъ выразилъ Преосвященному благодарность за доставленную имъ возможность вмѣстѣ помолиться и оказанный имъ радушный пріемъ.

Благословляя вслѣдъ уходящихъ курсистовъ, Преосвященный сказалъ: Вотъ наша армія, вотъ наши сотрудники, съ которыми мы поведемъ нашъ /православный народъ. Нынѣ всѣ взялись за народъ, всѣ идутъ къ нему на помощь и каждый ведетъ его къ своей цѣли. Народные дома, народные театры, дома трудолюбія, столовыя и чайныя, народныя бібліотеки и читальни, народныя чтенія,—что это какъ не разнообразное проявленіе радѣтелей и просвѣтителей нашего великаго народа. Но мы, православные друзья нашего русскаго народа, твердо всегда будемъ помнить, что одинъ Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ

всѣхъ и что только правильно поставленная церковная школа можетъ оказать на него благотворно воспитательное вліяніе. Благодареніе Богу, что это національная школа, возрожденная великимъ умомъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, въ настоящее время имѣетъ широкое повсемѣстное распространеніе. И что было бы намъ съ нашимъ народомъ, если бы Господь не вложилъ сей великой идеи въ сердце Монарха? Кто бывалъ въ Литвѣ, тотъ видѣлъ и знаетъ, насколько забить тамъ народъ. Невѣжество, пьянство, воровство, развратъ и тому подобныя дурныя пороки господствуютъ здѣсь. А отчего? Оттого, что этотъ народъ, беспомощный и жалкій, росъ подъ вліяніемъ пановъ, а ксензъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на него. Отсутствіе религіозно-нравственнаго воспитанія, при жадности, развратѣ и деспотизмѣ помѣщиковъ, повергло западно-русскій народъ въ ту глубину невѣжества и пороковъ, въ какой погрязаетъ онъ по настоящее время и отъ котораго свободенъ нашъ народъ. Дай же, Богъ, что бы наши церковныя школы шли тѣмъ царскимъ путемъ, какой указанъ имъ и по какому идутъ теперь они подъ руководствомъ нашихъ архипастырей.

29-го іюня, день св. ап. Петра и Павла, учителя и учительницы подъ наблюденіемъ Смотрителя курсовъ И. А. Руднева, обозрѣвали музей изящныхъ искусствъ.

1 іюля въ одномъ изъ залъ училища начальницей Е. Н. Гейцыгъ, въ присутствіи слушателей курсовъ, были демонстрированы картины при помощи волшебнаго фонаря. Въ теченіи 2 ч. предъ глазами курсистовъ прошло около 200 картинъ самаго разнообразнаго содержанія: виды Кавказа и Крыма, картины Сѣверно-русскаго и западно-русскаго края, типы русскіхъ народностей, лучшія въ архитектурномъ отношеніи храмы и т. п. Другая серія картинъ имѣла непосредственное отношеніе къ Священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и можетъ служить хорошей иллюстраціей къ преподаванію сего предмета въ начальной школѣ. Съ особеннымъ интересомъ курсисты ознакомились съ портретами Высокопреосвященнаго Амвросія въ бытность его московскимъ протоіереемъ, викаріемъ московской епархіи и архіепископомъ. Курсисты отнеслись съ боль-

шимъ интересомъ къ картинамъ, со вниманіемъ выслушавъ данныя при семъ объясненія Е. Н. Гейцыгъ.

2 іюля слушатели курсовъ осматривали Харьковское училище слѣпыхъ. Будучи родственнымъ по своимъ цѣлямъ и задачѣ съ другими образовательными учрежденіями, училище слѣпыхъ своею внутрешнею организаціей и характеромъ обученія произвело на курсистовъ новое и сильное впечатлѣніе. Инспекторъ училища К. О. Лейко нагляднымъ образомъ ознакомилъ курсистовъ съ подготовительными фребелевскими упражненіями, имѣющими цѣлю развитіе у слѣпыхъ осязанія, силы пальцевъ, ловкости руки, съ разнаго рода шрифтами, подвижной азбукой, письменными принадлежностями, видами письма, учебными пособіями и, наконецъ, обстоятельно изложилъ послѣдовательный ходъ обученія чтенію и письму.

6 іюля послѣ вечернихъ занятій Е. Н. Гейцыгъ были показаны при помощи волшебнаго фонаря 30 картинъ, относящихся къ исторіи открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ; при этомъ во время демонстраціи картинъ И. А. Рудневъ читалъ брошюру, содержащую подробныя свѣдѣнія объ указанномъ предметѣ.

Ежедневно въ теченіе первыхъ двухъ недѣль подъ руководствомъ Е. Н. Гейцыгъ поочередно, группами отъ 10—15 человекъ, курсисты знакомились съ разнообразными предметами физическаго кабинета, принадлежащаго училищу. Въ числѣ прочихъ предметовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ предметамъ преподаванія: географіи, исторіи, физикѣ и естественной исторіи,—здѣсь есть не мало другихъ предметовъ, представляющихъ интересъ въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ. Курсисты здѣсь тщательно ознакомились съ полезными и вредными насѣкомыми, освѣтительными матеріалами, топливомъ, стекломъ, шерстью, хлопкомъ, бумагою и ихъ производствомъ. Имъ были показаны также полныя коллекціи коралловъ, металловъ, желѣза, минераловъ, образцы почвы разныхъ губерній, образцы солей, разныхъ врянности и множество другихъ предметовъ. Большой интересъ, какъ научное пособіе, для курсистовъ представляли зоологическій атласъ,

атласъ Лимберга, теллурій, типы народовъ всѣхъ расъ и странъ свѣта, электрическая машина и разнообразные приборы по предмету физики. Особенное вниманіе курсистовъ было остановлено на иконописныхъ работахъ ученицъ епархіального училища, открытыхъ имъ 2 года тому назадъ; произведенія кисти юныхъ художницъ отличаются большими достоинствами, показывая, насколько легко овладѣть искусствомъ живописи даже въ непродолжительное время.

7-го іюля курсистомъ И. Трущенко въ присутствіи учителей и учительницъ подъ наблюденіемъ администраціи курсовъ свящ. Петровскимъ было устроено чтеніе разсказа: „Жанна д'Аркъ“; при чемъ одновременно съ чтеніемъ были демонстрируемы туманные картины.

16 іюля Предсѣдателемъ Совѣта прот. Іоанномъ Знаменскимъ въ сослуженіи 10 уѣздныхъ наблюдателей была совершена въ храмѣ училища Божественная литургія.

Одновременно съ курсами съ 15 по 18 іюля былъ открытъ Съѣздъ наблюдателей церковныхъ школъ епархіи для обсужденія вопросовъ, касающихся постановки обученія и воспитанія въ церковныхъ школахъ.

Обычное теченіе трудового дня въ общежитіи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Начинаясь общею утреннею молитвою въ 7^{1/2} ч. учебный день на курсахъ всегда и оканчивался въ 9 ч. вечернею общею молитвою, читаемою курсистами поочередно. Послѣ утренней молитвы—чай, въ 8^{1/2} ч.—начало занятій, оканчивавшихся въ 1 ч. дня съ перемѣнами для отдыха въ 10 м. Въ 1 ч.—обѣдъ; съ 3 до 4—необязательныя занятія по переплетному мастерству, рукодѣлію, кройкѣ и игрѣ на скрипкѣ; въ 4 ч. вечерній чай, съ 5 до 7 ч. 10 м. съ промежутками въ 10 м.—вечернія учебныя занятія и наконецъ въ 8 ч.—ужинъ. Такимъ образомъ для усердныхъ курсистовъ, заявившихъ охоту заниматься по предметамъ необязательнымъ, почти цѣлый день проходилъ въ непрерывныхъ занятіяхъ. Наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней всѣ послѣ обѣденныя занятія обыкновенно отмѣнялись, кромѣ спѣвокъ, имѣвшихъ цѣлію подготовку къ богослуженію. Въ дни воскресные и

праздничные и наканунѣ ихъ слушатели и слушательницы курсовъ неопустительно посѣщали церковныя службы въ храмѣ училища, принимая непосредственное участіе въ ихъ совершеніи чтеніемъ и пѣніемъ. Богослуженіе было совершаемо преподавателемъ пѣнія на курсахъ свящ. о. Іоанномъ Петровскимъ въ сослуженіи курсистовъ—діаконовъ, назначаемыхъ для сего поочереды и чтецовъ. Во время богослуженій всегда пѣлъ хоръ курсистовъ въ полномъ ихъ составѣ подъ управленіемъ регентовъ изъ числа тѣхъ же курсистовъ поочередно. Управляли хоромъ и принимали участіе въ церковномъ богослуженіи слѣдующіе учителя: пс. Иванъ Кашлаковъ, пс. Иванъ Колотовскій, уч. Косьма Любичъ, діак. Захарій Звѣревъ, діак. Іоаннъ Поповъ, пс. Георгій Стелецкій, уч. Константинъ Иваницкій, пс. Ѳеодоръ Будянскій, діак. Ѳеодоръ Брайловскій, пс. Іоаннъ Мигулинъ, пс. Павелъ Каравановъ, Іаковъ Андреевко, діак. Елисей Новомірскій, пс. Григорій Торанскій, пс. Іоаннъ Новомірскій, уч. Михайль Фіалковскій, пс. Александръ Яковлевъ и Леонтій Протопоповъ. Учительница Орленко при управленіи хоромъ обнаружила достаточную опытность и умѣнье справляться даже съ большимъ хоромъ, что является рѣдкостью среди учительницъ.

Порядокъ жизни на курсахъ былъ полный, поведеніе курсистовъ отличалось скромностью и сдержанностью, взаимныя отношенія курсистовъ между собою были желательны. Образцовая дисциплина неизмѣнно поддерживалась опытностью и неослабнымъ вниманіемъ смотрителя курсовъ уѣзднаго наблюдателя И. А. Руднева. Среди курсистовъ за время курсовъ установилась полная нравственная связь, что выразилось въ ихъ общемъ желаніи сняться. При этомъ Высокопреосвященный Амвросій и Преосвященный Інокентій, узнавъ о примѣрномъ усердіи курсистовъ и ихъ благоповеденіи на ихъ просьбу помѣстить на общемъ фотографическомъ снимкѣ Архипастырей отвѣтили своимъ полнымъ согласіемъ.

Въ теченіе курсовъ, при открытіи и закрытіи оныхъ и во время производства экзаменовъ, въ зданіи училища было немало посѣтителей, интересовавшихся курсами въ томъ пли

другомъ отношеніи. Такими лицами были: Преосвященный Иннокентій, епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи; Предсѣдатель Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Ректоръ Семинаріи, прот. Іоаннъ Павловичъ Знаменскій; Прот. Іоаннъ Знаменскій неоднократно посѣщаль курсы, интересуясь постановкою преподаванія по всѣмъ предметамъ курсовой программы: имъ были посѣщаемы чтенія по Закону Божію и образцовый по сему предмету урокъ, бесѣды по русскому языку, пробныя по сему предмету уроки съ ихъ разборомъ, бесѣды по счисленію, пробныя по нему уроки съ ихъ разборомъ и чтенія о миссіонерскомъ значеніи церковно-приходской школы. Кромѣ того о. Предсѣдатель Совѣта принималъ участіе въ производствѣ экзаменовъ въ качествѣ предсѣдателя экзаменаціонной комиссіи по предмету церковнаго пѣнія. Изъ другихъ лицъ курсы посѣтили: проф. Богословія при Харьковскомъ Императорскомъ Университетѣ прот. Т. И. Буткевичъ; члены Совѣта: прот. Іоаннъ Чижевскій, Инспекторъ Семинаріи К. Е. Истомино, прот. Александръ Ѳедоровскій, прот. Николай Ѳедоровъ; Начальница Училища Е. Н. Гейцыгъ, Епархіальный Миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, Предсѣдатель Харьковскаго Уѣзднаго Отдѣленія свящ. Николай Любарскій, члены Отдѣленія, Уѣздные Наблюдатели всѣхъ уѣздовъ, нѣкоторые о. о. благочинные, приходское и иногороднее духовенство и много свѣтскихъ лицъ.

Какъ на отрадный фактъ нельзя не указать, что въ продолженіе курсовъ съ особеннымъ интересомъ курсы были посѣщаемы учителями прежнихъ курсовъ, которые съ разрѣшенія администраціи присутствовали на курсовыхъ занятіяхъ иногда по нѣсколько дней.

По благословенію Его Высокопреосвященства 18 іюля было совершено закрытіе курсовъ, закончившееся благодарственнымъ Господу Богу молебнымъ пѣніемъ и торжественнымъ актомъ, на которомъ Смотрителемъ курсовъ былъ прочитанъ краткій отчетъ о курсахъ.

Вотъ, наконецъ, истекъ четвертый годъ обновленія педагогическихъ силъ путемъ устройства учительскихъ курсовъ. При-

токъ свѣжихъ обновленныхъ силъ растеть, а вмѣстѣ растеть и педагогическое значеніе церковной школы. Свыше 300 учителей, ранѣе слабыхъ и нуждавшихся въ образованіи, не могутъ уже теперь считать себя безпомощными, получивши основныя начатки педагогическихъ знаній. Знанія, приобретаемыя ими съ любовью, въ ихъ практическихъ занятіяхъ подѣ влияніемъ труда и усердія, крѣпнютъ, растутъ, расширяются. А тѣмъ временемъ повсюду въ духовномъ вѣдомствѣ открываются учительскія библіотеки, повсюду во множествѣ рассылаются педагогическія и методическія руководства, педагогическіе журналы,—и уровень познаній учителей, приподнятый рядомъ педагогическихъ курсовъ, еще болѣе повышается, церковная школа одновременно растеть и матеріально обстраивается въ своихъ помѣщеніяхъ, приходитъ въ надлежащій внѣшній видъ. Какъ часто нынѣ въ своихъ свѣтлыхъ высокихъ стѣнахъ принимаетъ она образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ учителя и какъ рѣдко теперь становятся случаи, когда та же школа безпомощна въ томъ и другомъ отношеніяхъ. Быстрый ростъ церковныхъ школъ на ряду съ необычайнымъ подъемомъ ея матеріальнаго благосостоянія въ связи педагогическимъ развитіемъ учащихся въ ней лицъ—характерный фактъ послѣдняго времени. Энергія духовенства, упадавшая было подѣ гнетомъ нужды и отсутствія сотрудниковъ въ школьномъ дѣлѣ, снова пробуждается, чувствуя, что идутъ къ нему на помощь и новыя силы и матеріальныя средства. А вотъ и второклассныя школы, готовящія и частію уже приготовившія кадры юныхъ учителей школъ грамоты, учителей юныхъ возрастомъ, но цѣльныхъ душою горячо любящихъ свою церковь и воспитанныхъ въ любви къ ней. Отраднo сердцу каждаго видѣть и чувствовать этотъ быстрый поступательный ростъ церковныхъ школъ. Пріятно убѣждаться и въ томъ, что печать и общество, ранѣе неумолимо строгія въ отношеніи къ церковнымъ школамъ, уже начинаютъ чувствовать ихъ нравственную силу и будущее величіе. Поистинѣ, должны сказать они, что сила Божія въ немощи совершается. Таково свойство всякаго святаго дѣла!

В. Давыденко.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 Семинарскаго устава, плата за содержаніе своихъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе времени съ 15 ноябля по 1-е декабря взносовъ за вторую треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 25 руб.— съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 руб.— съ инословныхъ воспитанниковъ. Не внесеніе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общежитія.

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Иванъ *Горинъ* 5-го ноябля, по прошенію, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Покровской церкви сл. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда.

— Священникъ Успенской церкви сл. Петро-Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Астремскій*, по прошенію, 5-го сего ноябля переведенъ къ Николаевской церкви сл. Сицилицевки, Харьковскаго уѣзда.

— Священникъ Преображенской церкви сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Кохановскій* перемѣщенъ, согласно прошенію, священникомъ-же Крестовоздвиженской церкви сл. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, 24 октября н. г.

— Священникъ Кресто-Воздвиженской церкви сл. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, Леонтій *Кохановскій*, уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 24-го октября н. г.

— Учитель церковно-приходской школы, Дмитрій *Ветуховъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто къ церкви с. Юрченкова, Волчанскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика къ Покровской Островерховской церкви назначенъ окончившій курсъ въ Сумскомъ Духовномъ училищѣ Николай *Астремскій*.

— Бывшій воспитанникъ Духовной Семинаріи, Михаилъ *Капустянский*, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при домово́й церкви въ с. Хатней, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщики: Старобѣльской Николаевской церкви Георгій *Любарскій* и Славянской Воскресенской церкви Григорій *Петровъ* перемѣщены, по прошенію, одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Островерховки, Григорій *Пантелеимоновъ*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ этой должности.

— Избранный на 5 трехлѣтіе на должность церковнаго старосты къ Рождество-Богородичной церкви с. Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда, крест. Алексѣй *Лысенко* утвержденъ въ этой должности 2 сего ноября.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Иоанно-Вогословской церкви сл. Николаевки, Сумскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ Георгіевъ *Шатанько*; Троицкой церкви С. Проруба, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Павловъ *Кривохижа*; Преображенской церкви сл. Ворожбы крестьянинъ Лука Федоровъ *Моисеенко*; Ахтырской Преображенской церкви 2-й гильдіи купецъ Федоръ Петровъ *Гажіенко*.

— Церковные старосты церквей: Покровской сл. Ободовъ отставной унтеръ-офицеръ Михаилъ *Шатовалъ*, Иоанно-Вогословской сл. Николаевки мѣщанинъ Иванъ *Шатанько*, Успенской сл. Климовки отставной рядовой Савва *Кальченко* и Георгіевской сл. Воробьевки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей *Цвинтарный* награждены похвальными листами.

— Церковный староста Всѣхсвятской церкви сл. Котельвы крестьянинъ Акимъ *Емецъ* уволенъ, согласно прошенію, отъ занимаемой имъ должности.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Моленія о здравіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.—Празднованіе въ Москвѣ столѣтія единовѣрія.—Рѣчь В. К. Саблера по поводу столѣтія единовѣрія.—Юбилей протопресвитера І. Л. Янышева.—Память о протоіерее А. В. Горскаго.—По поводу матеріальнаго положенія преподавателей семинарій.—Благотворное вліяніе на народъ церковно-приходской школы.—Отношеніе сельскихъ прихожанъ къ своимъ пастырямъ.—Плоды ревностной пастырской дѣятельности.—Добрыя стремленія нашего времени.—Дни испытаній и мученій православныхъ христіанъ въ Пекинѣ.

Св. Синодъ, съ глубокимъ сердечнымъ сокрушеніемъ извѣстясь о постыжной Его Императорское Величество Государя Императора болѣзни, постановилъ опредѣленіемъ своимъ отъ 3-го но-

ября: предоставить Первенствующему синодальному члену Преосвященному митрополиту Антоцію уведомить московскую и грузино-имеретивскую синодальныя конторы, епархіальных преосвященныхъ, завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ и протопресвитера военнаго и морского духовенства телеграммой слѣдующаго содержанія: „Святѣйшій Синодъ благословляетъ возносить, впредь до выздоровленія Его Величества, на ектеніяхъ за литургією прошенія объ исцѣленіи Государя Императора отъ болѣзни“. Извѣстіе о болѣзни, постигшей Государя Императора, отодвинуло на задній планъ другія заботы и интересы и приковало все вниманіе русскаго общества къ краткимъ телеграфнымъ бюллетенямъ изъ Ливадіи. Глубоко трогательны и тѣ выраженія всеобщаго соболѣзнованія по случаю болѣзни Государя Императора, о которыхъ сообщаетъ телеграфъ изъ-за границы. Весь міръ отдаетъ дань искренняго уваженія тѣмъ высокимъ стремленіямъ, которыми проникнута вся дѣятельность Государя Императора в которыхъ служатъ міру свѣточемъ лучшихъ христіанскихъ завѣтовъ—миролюбія, справедливости и гуманности. Слава Богу, ходъ болѣзни не внушаетъ опасеній, а молодость Царя—надежнѣйшій помощникъ врачебному искусству. Но глубокое сердечное сокрушеніе охватываетъ русское общество при мысли, что болѣзнь отняла у Государя дни, посвященные отдыху послѣ усиленныхъ, напряженныхъ заботъ и трудовъ минувшаго лѣта. Горячія молитвы, сливающіяся съ лучшими побужденіями любви къ Царю,—вотъ та атмосфера, въ которой усиленно бьются въ эти дни сердца русскихъ людей.

4 ноября населеніе Харькова тепло молилось о скорѣйшемъ выздоровленіи Государя Императора. Молебствія совершены въ здѣшнихъ церквахъ всѣхъ исповѣданій. Кафедральный соборъ былъ переполненъ молящимися. На богослуженіи присутствовали: товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ князь Святополье-Мирскій, губернаторъ гофмейстеръ Тобизенъ, представители всѣхъ учреждений, много военныхъ, гласныя Думы съ городскимъ головой во главѣ и возвращающійся изъ Крыма почетный гражданинъ Харькова генералъ Богдановичъ.

— Въ Москвѣ, 27 октября, торжественно праздновалось столѣтіе единовѣрія. Въ Троицкомъ единовѣрческомъ храмѣ, у Салтыкова моста, литургію совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій, соборнѣ съ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей отцомъ І. Г. Звѣдинскимъ и другимъ едп-

новѣрческимъ духовенствомъ. Во время Богослуженія владыка возвелъ священника о. Звѣздинскаго въ санъ протоіерея. Послѣ литургіи высокопреосвященный Владиміръ прочиталъ посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода, изданное по поводу столѣтняго юбилея единовѣрія. Затѣмъ слѣдовало благодарственное молебствіе съ канономъ, совершенное высокопреосвященнымъ Владиміромъ, соборнѣ съ преосвященными Пареніемъ, епископомъ можайскимъ, и Наанаяломъ, управляющимъ Спасо-Андроніевымъ монастыремъ, и прочимъ духовенствомъ. Молебствіе закончилось возглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, послѣ чего возглашена вѣчная память Императору Павлу I и митрополиту Платону, при которыхъ старообрядцы были приняты въ единеніе съ Православною Церковью; затѣмъ продолжалось по чину многолѣтіе, причемъ «многая лѣта» было провозглашено всѣмъ единовѣрцамъ. При Богослуженіи присутствовали: исполняющій обязанности Московскаго Генераль-Губернатора гофмейстеръ Высочайшаго Двора А. Г. Булыгинъ, Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода сенаторъ В. К. Саблеръ и другія начальствующія лица, члены совѣта братства св. Петра митрополита и множество единовѣрцевъ. По окончаніи молебствія протоіерей І. Г. Звѣздинскій поднесъ высокопреосвященному Владиміру въ знакъ признательности отъ единовѣрцевъ икону Св. Троицы въ серебряно-вызолоченной съ эмалью ризѣ, при поднесеніи сказавъ привѣтственное слово. Владыка, принявъ св. икону, благодарилъ единовѣрцевъ за подношеніе и выразилъ пожеланіе, чтобы они содѣйствовали приведенію въ лоно Православной церкви остальныхъ старообрядцевъ. Затѣмъ владыка долгое время благословлялъ во множествѣ присутствовавшихъ въ храмѣ единовѣрцевъ. Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода раздавалъ воззваніе Св. Синода. Празднество закончилось обѣдомъ въ помѣщеніи единовѣрческой богадѣльни, въ которомъ приняли участіе митрополитъ Владиміръ, В. К. Саблеръ и многія другія лица. На другой день, 28-го октября, въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ отслужена панихида по архимандритѣ Павлѣ, много потрудившемся для установленія и распространенія истинныхъ понятій объ единовѣрствѣ, а затѣмъ дѣтія на могилѣ покойнаго съ произнесеніемъ ему вѣчной памяти. На панихидѣ присутствовалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

«Моск. Вѣд.».

— По поводу столѣтія единовѣрія была произнесена В. К. Са-

блеромъ воспитанникамъ московской духовной семинаріи 29 октября слѣдующая рѣчь.—„Никогда не забуду вчерашней всенощной. Хорошо было стоять въ вашей церкви, переполненной народомъ. Сверху раздавалось умпительное пѣніе искусныхъ пѣвцовъ, а изъ церкви неслись стройные звуки вашего мощнаго хора. Участвовали въ пѣніи и ученики образцовой школы. Чтецы и канонархи обнаруживали замѣчательное искусство Прокимны, «Всякое дыханіе» и «Святъ Господь Богъ нашъ» были пропѣты на гласъ А съ какимъ совершенствомъ были исполнены догматыкъ, антифоны и Евангельская стихира. И въ чтеніи, и въ пѣніи чувствовалась трогательная забота о красотѣ исполненія. Благоговѣйная тишина среди многолюднаго собранія свидѣтельствовала о молитвенномъ настроеніи стоявшихъ во храмѣ. Незамѣтно промелькнуло время отъ 6 до 9 часовъ. Благо вамъ, что въ московской семинаріи упрочилась уставная служба, она привлекаетъ своею полнотою многихъ молящихся и въ васъ воспитываетъ любовь къ красотѣ церковной службы. По выходѣ изъ семинаріи вы, конечно, будете вспоминать о чистой духовной радости, испытанной вами при дѣятельномъ участіи въ церковномъ Богослуженіи. Впечатлѣнія, переживаемыя въ вашемъ возрастѣ, особо живучи. Слышанныя мною, на зарѣ моей церковной жизни, на клиросѣ бѣдной сельской церкви, пѣснопѣнія навсегда запали мнѣ въ душу. Словно вчера я слышалъ пѣніе антифона 6 гласа: „На небо очи мои возвожу“. И вы, несомнѣнно, припомните то, что пѣли здѣсь, и эти свѣтлыя воспоминанія будутъ питать въ васъ доброе молитвенное настроеніе, столь необходимое для всякаго учителя, и особенно для пастыря. Если Христосъ въ молитвѣ проводилъ многіе часы, то какъ же вамъ, будущимъ просвѣтителямъ и пастырямъ, не стремиться къ приобѣтенію молитвенныхъ навыковъ. Какъ не благодарить милосерднаго Бога за всѣ щедроты, которыя Онъ обильно изліялъ на васъ. Посмотрите, какъ хорошо кругомъ васъ, вы живете въ тепломъ, свѣтломъ, удобномъ помѣщеніи, пользуетесь хорошей пищей и имѣете возможность обогатить себя сокровищами знанія. Какъ же не благодарить Бога за мплость Его къ вамъ. Въ молитвѣ вы будете почерпать нравственную мощь, потребу для великаго служенія, къ которому готоваетесь. Для священника нынѣ, помимо обязательнаго для него благоговѣйнаго совершенія требъ, необходима особая забота объ исполненіи многотрудныхъ обязанностей пастырскаго званія. Народъ, мѣстами еще темный, жаждетъ просвѣщенія. Для лю-

дей, обремененныхъ постоянными заботами о насущномъ хлѣбѣ, бѣдныхъ и частно скорбныхъ, нуженъ пастырь добрый, любящій своихъ пасомыхъ, отзывчивый къ ихъ горю, готовый самоотверженно служить имъ. Такой пастырь безъ зова идетъ къ обездоленнымъ, сырымъ и недужнымъ съ словомъ утѣшенія. Онъ помнитъ о своей обязанности пасти словесное стадо, ему ввѣренное, и творить все потребное для вѣчнаго спасенія своихъ пасомыхъ. Троекратный вопросъ, предложенный въ прочтенномъ вчера Евангеліи Христомъ первоверховному апостолу Петру, показываетъ, что высшее проявленіе любви къ Спасителю должно выражаться въ желаніи пасти Христово стадо. Оно и понятно. Самъ Христосъ искупилъ насъ Своею безцѣнною Кровью отъ грѣха, проклятій и смерти и спасеніе содѣлалъ посреди земли. Объ этомъ спасеніи всегда особо пеклась святая церковь. И ради него же было учреждено единовѣріе, столѣтнее основаніе коего торжественно праздновалось третьяго дня. Сто лѣтъ тому назадъ пало средостѣніе вражды, отдѣлявшей многихъ старообрядцевъ отъ святой Христовой церкви. Уразумѣвъ свою неправоту, они покаялись и примирились съ церковью. Радостью о Христѣ Спасителѣ исполнились сердца вѣрныхъ о полученіи спасенія вѣчнаго многими множествомъ людей, вошедшихъ въ общеніе съ святою церковью. Сколько за это время сооружено храмовъ, въ которыхъ, съ разрѣшенія церковной власти, божественная служба совершается безъ всякаго умаленія и прибавленія по книгамъ, печатнымъ по благословенію святѣйшихъ патріарховъ Іова, Гермогена, Филарета, Іосафа и Іосифа. И сіяютъ благолѣпіемъ эти храмы въ обѣихъ столицахъ, въ Стародубѣ, на Ирговзѣ, въ ближнихъ и дальнихъ областяхъ. Въ послѣдніе годы, по отеческой заботливости Богомъ вѣнчанныхъ Царей нашихъ, Императоровъ Александра III и благополучно царствующаго Николая II, близъ этихъ храмовъ начали возникать церковныя школы, истинные разсадники добраго ученія и христіанскаго благочестія. Эти школы даютъ старообрядцамъ возможность ближе знакомиться съ нами, и съ годами, несомнѣнно, будутъ способствовать уменьшенію вражды, раздѣляющей отъ насъ братій нашихъ. Нашему сближенію много способствовала и московская единовѣрческая типографія, издавая книги, почитаемыя старообрядцами, и притомъ воспроизводя при печати, страница въ страницу и строка въ строку, текстъ старинныхъ, любимыхъ насъ четчиковъ, книгъ. Эти изданія неоцѣнимы при бесѣдахъ со ста-

рообрядцами. Многія изъ этихъ книгъ изданы подъ непосредственнымъ наблюденіемъ приснопамятнаго отца архимандрита Павла Прусскаго, всю жизнь свою, послѣ присоединенія къ святой церкви, посвятившаго раскрытію старообрядцамъ истиннаго ученія о церкви и уясненію неправоты ихъ самовольнаго отчужденія отъ единенія церковнаго. Хотя этотъ учительный подвижникъ благочестія и не получилъ богословскаго образованія, но онъ въ совершенствѣ былъ знакомъ со Священнымъ Писаніемъ и со святоотеческими твореніями. Онъ всегда съ любовью принималъ всѣхъ, къ нему приходившихъ. И шли къ нему со всѣхъ концовъ Россіи обремененные сомнѣніями старообрядцы разныхъ толковъ. Всѣмъ онъ давалъ должныя разъясненія, всѣхъ согрѣвалъ участливымъ вниманіемъ. Нерѣдко, въ послѣдніе годы своей жизни, онъ, взнемогая отъ слабости, въ противность совѣтамъ врача и друзей, продолжалъ свои бесѣды съ посѣтителями. Намъ живо помнится его блѣдный ликъ, его почти потухшіе глаза. Казалось, онъ скоро угаснетъ, но какъ только до слуха его доносилась рѣчь о церкви и старообрядцахъ, онъ становился неузнаваемымъ. Глаза загорались какъ бы юношескимъ огнемъ, и изъ устъ слышалась вдохновенная, образная, богатая содержаніемъ рѣчь. Своими писаніями и бесѣдами приснопамятный отецъ Павелъ много способствовалъ уясненію праваго пониманія единовѣрія. Обильный плодъ принесли труды незабвеннаго отца Павла, и ихъ съ усердіемъ продолжаютъ ученики его, проповѣдуя слово истины и раскрывая на бесѣдахъ правое ученіе о церкви. Благодаря разъясненіямъ архіепископа Никифора астраханскаго, митрополита московскаго Филарета, епископовъ, собиравшихся въ 1885 г. въ Казани, и самого Святѣйшаго Синода, нынѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что вѣрные сыны каѳолической греко-россійской церкви, содержащіе глаголемые старые обряды, пребываютъ въ совершенномъ единеніи вѣры съ остальными членами сей церкви. Это соединеніе вѣры есть великое вождельнѣйшее благо, о немъ же возносить предъ Престоломъ Всевышняго повседневныя молитвы святая церковь. Единствомъ вѣры, таинствъ и священноначалія надлежитъ особенно дорожить и не раздѣляться изъ-за обрядовъ, памятуя слова Василія Великаго, обращенныя къ неокесарійцамъ: «хотящимъ ратоваться за обряды церкви стыдъ есть о семъ ратоваться и раздѣляться». Святымъ съ нами союзомъ любви братіямъ единовѣрцамъ припомнимъ слова митрополита Филарета: „вы единовѣрцы намъ и

мы единовѣрцы вамъ“. Преосвященный Аркадій пермскій, этотъ ревностный проповѣдникъ истины, внушалъ старообрядцамъ, что различіе княжной обрядности не нарушаетъ сущности вѣры, различіе языковъ не препятствуетъ быть единой вѣрѣ. Достаточно вспомнить кондакъ св. Пятидесятницы: «егда же огненные языцы раздающе, въ соединеніе вся призва». Благословенно единовѣріе,— поучаетъ въ одной изъ своихъ проповѣдей покойный московскій митрополитъ Сергій,—потому что особенности единовѣрческихъ обрядовъ не заключаютъ въ себѣ мыслей, противныхъ вѣрѣ Христовой. Единовѣрцы идутъ по солнцу, желая идти въ слѣдъ Христа; мы ходимъ противъ солнца, исходя въ срѣтеніе Христу, просвѣщающему насъ и призывающему къ себѣ. Единовѣрческіе священники произносятъ: «и во вѣки вѣкомъ», а мы: «и во вѣки вѣковъ». И въ томъ, и въ другомъ произношеніи смыслъ одинъ— что слава Божія есть вѣчная, и Богу подобаешь поклоненіе вѣчное. Благодатная сила Христовой любви свизываетъ нерушимымъ союзомъ всѣхъ насъ, чадъ святой православной церкви, и чрезъ единеніе вѣры, союзъ этотъ пріобрѣтаетъ особую крѣпость.

Будемъ надѣяться, что вы, дорогие юноши, готовясь къ пастырскому служенію, будете преуспѣвать въ изученіи Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній и проивкнитесь пастырскимъ духомъ, безусловно необходимымъ для проповѣдниковъ истины, посвящающихъ свои силы великому дѣлу служенія церкви“. «Прав. Вѣст.».

— 9-го октября исполнилось полвѣка служебной дѣятельности духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитера придворныхъ соборовъ, Зимняго Дворца и московскаго Благовѣщенскаго, завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ, о. Іоанна Леонтьевича Янышева. Имя юбиляра пользуется почетной извѣстностью. Въ продолженіе послѣднихъ семнадцати лѣтъ онъ состоитъ духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Еще раньше на его долю вышло приготовленіе къ принятію православія датской принцессы Дагмары, нынѣ вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны. Затѣмъ въ 1894 году имъ приготовлена къ принятію православія принцесса Алисса Гессенская, нынѣ Государыня Императрица Александра Θεодоровна. Юбиларъ — сынъ діакона Калужской епархіи. Онъ родился въ 1826 году, образованіе получилъ въ Калужской духовной семинаріи, откуда былъ переведенъ за успѣхъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Въ академіи о. Іоаннъ кончилъ курсъ первымъ магистромъ богословія и былъ

оставленъ при академіи преподавателемъ физико-математическихъ наукъ. Въ концѣ 1851 года онъ былъ назначенъ священникомъ посольской церкви въ Висбаденѣ. Здѣсь юбиляръ занялся изученіемъ богословской и философской литературы Западной Европы и издалъ цѣнный трудъ: „Историческій взглядъ на постепенное отдѣленіе западной церкви отъ православной“. Ученыя занятія юбиляра обратила на него вниманіе, и въ 1856 году молодой богословъ былъ приглашенъ С.-Петербургскимъ университетомъ занять кафедру богословія и одновременно читать логику и психологію. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ о. Янышевъ явился однимъ изъ популярнѣйшихъ и любимыхъ профессоромъ. Лекціи его отличались увлекательнымъ чтеніемъ и умѣньемъ лектора интересно и обстоятельно разрабатывать сложные богословскіе и философскіе вопросы. Университетскія аудиторіи не могли вмѣстить всѣхъ студентовъ, желавшихъ слушать профессора Янышева, и онъ былъ вынужденъ читать лекціи въ актовомъ залѣ. Апологетическое направленіе его богословскихъ лекцій имѣло въ то же время и практически-христіанскій характеръ. Усиленная профессорская дѣятельность скоро разстроила слабое здоровье юбиляра. Черезъ два года по вступленіи въ университетъ онъ долженъ былъ къ общему сожалѣнію покинуть его и уѣхать въ Берлинъ, опредѣлившись священникомъ русской посольской церкви. Въ Берлинѣ о. Янышевъ былъ возведенъ въ званіе протоіерея. Въ 1859 году онъ переехалъ въ посольскую церковь въ Висбаденѣ и жилъ здѣсь въ продолженіе семи лѣтъ, продолжая заниматься изученіемъ богословскихъ и философскихъ наукъ. Въ 1866 году юбиляръ былъ вновь призванъ въ Петербургъ и назначенъ ректоромъ здѣшней духовной академіи. Неся новыя обязанности, читая студентамъ нравственное богословіе и педагогику, руководя ихъ занятіями въ дѣлѣ проповѣдничества и редактируя «Христіанское чтеніе», о. Янышевъ принималъ одновременно дѣятельное участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ касавшихся нашего духовенства. Особенно видную роль игралъ онъ въ дѣлѣ преобразованія духовныхъ академій. Его труды по выработкѣ новаго академическаго устава, а также введеніе новаго устава въ дѣйствіе въ Петербургской академіи, были отмѣчены почетной наградой—мѣтрой. Будучи ректоромъ, юбиляръ былъ командированъ въ 1874 и 1875 годахъ на конгрессъ старокатоликовъ, собиравшійся два раза. На конгрессѣ ему пришлось играть важнѣйшую роль въ дѣлѣ попытки сближенія старокатоли-

ковъ съ православною церковью. Въ 1883 году юбиляръ занялъ высокій постъ духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ. Ученые труды о. Янышева создали ему обширную извѣстность. Имя его, какъ автора многочисленныхъ и цѣнныхъ сочиненій, знакомо не только въ Россіи, но и за границей. Его ученый трудъ „Сущность христіанства съ нравственной точки зрѣнія“, появившійся въ печати въ первый разъ въ 1887 г., обратилъ на себя вниманіе всѣхъ интересующихся богословскими вопросами. Изъ другихъ его сочиненій назовемъ: „Письма и заявленія Деллингера о ватиканскихъ декретахъ“, „Руководство къ обученію католической вѣры въ высшихъ школахъ“, „Катехизисъ“, изданный въ Боннѣ по порученію старокатолическаго синода, „Объ отношеніяхъ старокатоликовъ къ православію“, „Къ вопросу о старокатоликахъ“, „Точно ли вѣроученіе англо-американской церкви есть православное вѣроученіе“ (сочиненіе это переведено на нѣмецкій языкъ) и др. Во вниманіе къ высокимъ научнымъ достоинствамъ его сочиненій, юбиляръ избранъ почетнымъ членомъ Казанской духовной академіи и удостоенъ 17-го марта 1900 г. ученой степени доктора богословія (causa honoris).

«Нов. Вр.»

— Въ среду 11 октября 1900 года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины знаменитаго ректора Московской духовной академіи, протоіерея Александра Васильевича Горскаго (род. 1812 г., скон. 1875). День его памяти былъ ознаменованъ торжественной панихидой, совершенной преосвященнѣйшимъ ректоромъ академіи, епископомъ Арсеніемъ, съ многочисленнымъ академическимъ духовенствомъ. Въ виду будничнаго дня, предполагаемое ученое собраніе въ память А. В. Горскаго отложено было на 22 октября. Въ этотъ день утромъ преосвященнымъ Арсеніемъ ректоромъ академіи, въ сослуженіи всего академическаго братства, была совершена литургія, во время которой профессоромъ Н. А. Заозерскимъ было произнесено глубоко прочувствованное и назидательное слово. Послѣ литургіи, на могилѣ Горскаго (въ академическомъ саду) была совершена панихида, а затѣмъ профессора, съ ихъ семьями, и студенты собрались въ актовомъ залѣ, гдѣ былъ произнесенъ цѣлый рядъ рѣчей, раздѣленныхъ приличнымъ случаю гимнами, исполненными студенческимъ хоромъ. Доцентъ по кафедрѣ церковной исторіи С. И. Смирновъ предложилъ біографическій очеркъ покойнаго. Затѣмъ слѣдовала рѣчь профессора по кафедрѣ исторіи русской литературы Г. А. Воскресенскаго, который выяснилъ „значеніе Горскаго для бо-

гословской науки“. Далѣе профессоръ по кафедрѣ исторіи западныхъ исповѣданій В. А. Соколовъ, какъ студентъ того времени и съ точки зрѣнія тогдашняго студенчества, охарактеризовалъ отношеніе о. прот. Горскаго къ студентамъ и академіи. Наконецъ, подѣлился со слушателями своими весьма интересными воспоминаніями маститый профессоръ по кафедрѣ естественно-научной апологетики Д. Θ. Голубинскій,—это живое хранилище академическихъ преланій цѣлаго полустолѣтія. Слушатели очень сожалѣли, что предположенная по программѣ рѣчь профессора В. О. Ключевского за краткостью времени не была произнесена. Не осталась безъ слѣда память о прот. А. В. Горскомъ и среди научныхъ занятій студентовъ академіи. Однимъ изъ оканчивающихъ курсъ академіи студентовъ разрабатывается вопросъ о значеніи А. В., какъ историка русской церкви. «Моск. Цер. Вѣд.».

— Тверской енархіальный съѣздъ слушалъ отношеніе правленія тверской духовной семинаріи, въ которомъ изложено ходатайство преподавателей семинаріи о возвышеніи получаемаго ими вознагражденія за преподаваніе. Свое ходатайство наставники семинаріи основывали на дороговизнѣ въ Твери многихъ потребностей первой необходимости и главнымъ образомъ—пищевыхъ продуктовъ, а также и на томъ, что въ кассѣ семинаріи вслѣдствіе закрытія одного изъ параллельныхъ отдѣленій, ежегодно должно оставаться 4,000—5,000 р. Съѣздъ отклонилъ удовлетвореніе ходатайства, съ одной стороны, потому, что по его мнѣнію преподаватели получаютъ вполне достаточное содержаніе и во-вторыхъ, что если-бы сумму, оставшуюся свободною отъ временнаго закрытія параллельнаго отдѣленія, назначить на увеличеніе содержанія преподавателей, то въ будущемъ, при возможной необходимости открытія вновь параллельнаго отдѣленія, духовенству пришлось-бы изыскивать новыя для того средства. Высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ тверской и кашинскій, положилъ слѣдующую резолюцію на этомъ протоколѣ съѣзда: „Очень жаль, что о.о. депутаты не нашли возможности увеличить скудное содержаніе семинарскихъ преподавателей при увеличившейся въ Твери дороговизнѣ. Между преподавателями есть несущіе тяжелый трудъ чтенія и исправленія письменныхъ работъ, изъ-за которыхъ у нихъ и вечера проходятъ въ прочитываніи ученическихъ сочиненій. Въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ (и даже въ духовныхъ мужскихъ училищахъ) полагается особая плата учителямъ русскаго

языка за чтеніе письменныхъ работъ; слѣдовало-бы о.о. депутатамъ обратить вниманіе на преподавателей, по своей каедрѣ обязанныхъ прочитывать и исправлять письменныя работы воспитанниковъ". Вотъ насущный вопросъ, который по всей справедливости требуетъ своего разрѣшенія во всѣхъ епархіяхъ. Отвѣтъ тверскаго епархіальнаго съѣзда слишкомъ сухъ и безучастенъ къ труженикамъ науки въ мѣстной духовной семи наріи. Если члены съѣзда имѣли въ виду предусматривать возможность новаго открытія параллельнаго отдѣленія въ одномъ изъ классовъ, ничто не могло имъ препятствовать выдать оставшуюся сумму преподавателямъ семинаріи въ видѣ временнаго пособія, что было-бы въ отношеніи къ нимъ вполне участливо и справедливо. *«С.-Петерб. Дух. Вѣстн.»*.

— По вопросу о благотворномъ вліяніи церковной школы на народъ, журналъ «Кормчій» пишетъ слѣдующее.—Церковная школа дорога русскому народу за свой строго-церковный характеръ и за то религіозно-нравственное и воспитывающее вліяніе, какое она оказываетъ на крестьянскихъ дѣтей, а чрезъ нихъ на взрослое населеніе. Ежедневныя общія молитвы—утреннія и (въ большинствѣ школъ) вечернія,—читаемыя по часослову, теплившаяся предъ иконою во время уроковъ лампада, ежедневныя занятія закономъ Божиимъ, чтенія на урокахъ часослова и псалтири, обязательное посѣщеніе учениками праздничнаго и воскреснаго богослуженія, участіе избранныхъ учениковъ, по большей части, одѣтыхъ въ стихари, въ чтеніи и ихъ прислуживаніе въ алтарѣ, церковно-школьныя хоры на клиросѣ, пѣніе извѣстныхъ молитвословій цѣлою школою,—все это располагаетъ крестьянъ къ церковной школѣ и заставляеть ихъ относиться къ ней довѣрчиво. Связываютъ крестьянское населеніе съ церковною школою и устраиваемыя въ ней народныя чтенія съ туманными картинами, дѣтскіе праздники (рождественскія елки), бібліотеки-читальни и пр. Видятъ крестьяне и осязательно, такъ сказать, благотворное вліяніе церковной школы на ихъ дѣтей, видятъ, какъ ихъ дѣти становятся почтительными къ старшимъ, послушными своимъ родителямъ, усердными къ молитвѣ и храму Божію и почтительными къ „батюшкѣ“. Видя все это, и взрослое крестьянское населеніе невольно подчиняется нравственно-воспитательному вліянію дѣтей-школьниковъ. „Вліяніе молитвеннаго строя школы, говорится въ одномъ годичномъ отчетѣ Рязанской епархіи, отзывается и на частныхъ семьяхъ. Бываютъ такіе случаи: встаетъ утромъ крестьянская семья, умывается, уче-

никъ-грамотей зажигаетъ предъ иконами лампадку, беретъ часословъ и внятно читаетъ вслухъ утреннія молитвы, а семья благоговѣнно слушаетъ и молится. Стройное и умилительное пѣніе школьниковъ въ храмѣ располагаетъ народъ къ церковной службѣ и такимъ образомъ привлекаетъ въ храмъ массу молящихся“. Въ долгіе осенніе и зимніе вечера дѣтп-школьники занимаютъ своихъ домашнихъ разказами изъ того, что слышали и усвоили въ школѣ, особенно по закону Божію, и такимъ образомъ являются проводниками благотворнаго вліянія школы на народъ. Особенно это нужно сказать относительно тѣхъ школъ, гдѣ есть бібліотеки для вѣкъкласснаго чтенія съ полнымъ отдѣломъ религіозно-нравственныхъ книгъ. Народъ любитъ и съ увлеченіемъ читаетъ и слушаетъ сказанія о подвижникахъ, о святыхъ мѣстахъ, о путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ и т. п. Школьники въ домѣ крестьянина въ этомъ случаѣ составляютъ истинное счастье и великое приобрѣтеніе. Лучшимъ доказательствомъ благотворнаго вліянія церковной школы на мѣстное населеніе служатъ довѣріе къ ней, изъ года въ годъ возрастающее, раскольниковъ и даже сектантовъ и вліяніе ея на ихъ дѣтей-учениковъ.

— Въ епархіальныхъ періодическихъ изданіяхъ по временамъ дѣлаются сообщенія о приговорахъ сельскихъ крестьянскихъ обществъ, въ которыхъ съ благодарностью указывается крестьянами на труды сельскихъ священниковъ для приходовъ. Одинъ изъ такихъ приговоровъ составленъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ одномъ изъ селъ саратовской губерніи. На сходѣ крестьянъ этого села было единогласно рѣшено: выразить приходскому священнику о. Н. Ш. общую благодарность прихожанъ за обновленіе, расширеніе и украшеніе приходской церкви, увеличеніе церковной утвари и ризницы на изысканныя и экономно употребленныя имъ суммы, за расширеніе и благоустроеніе церковной школы, за пастырскую заботливость по обученію прихожанъ и ихъ дѣтей вѣрѣ и жизни христіанской. Съ этою послѣднею цѣлію священникъ основалъ воскресную школу для взрослыхъ и воскресныя чтенія, усердно проповѣдуетъ слово Божіе какъ въ церкви, такъ и при посѣщеніи домовъ прихожанъ; вмѣстѣ съ тѣмъ своею жизнью онъ даетъ прихожанамъ добрый примѣръ трезвости, воздержанія, скромности, помогаетъ прихожанамъ въ нуждахъ, особенно въ болѣзняхъ, осматривая больныхъ и бесплатно давая имъ лѣкарства. Въ изъявленіе благодарности за эти труды, прихожане рѣшили поднести священ-

нику сооруженную на добровольные взносы икону св. Николая Чудотворца, вмѣстѣ съ копіей приговора, занесеннаго въ книгу общественныхъ приговоровъ. Поднося икону съ словами: „Дорогой батюшка! Прими отъ насъ эту св. икону въ знакъ нашей общей глубокой признательности и благодарности“, сельскій староста—камъ читаемъ въ епархіальномъ журналѣ—„заплакалъ и опустился на колѣни. Вмѣстѣ съ нимъ и весь народъ повергся ницъ. По грубымъ щекамъ мужиковъ заструились слезы“. «Цер. Вѣстн.»

— Въ одномъ изъ сообщеній, перепечатанномъ «Холм. Варш. Епарх. Вѣстн.» изъ «Московскихъ Вѣдомостей», по поводу недавняго посѣщенія православнымъ епископомъ села Полосокъ на Подляшѣ, выражено: „Приходъ этотъ въ свое время немало привнесъ скорби священнику, принявшему его изъ уни. Рядъ достойныхъ пастырей произвелъ крупную перемѣну въ приходѣ, и народъ изъ упорствующаго сталъ православнымъ, любящимъ свою церковь, богослужебный чинъ и своего пастыря“. Въ другомъ сообщеніи, появившемся въ «Подол. Епарх. Вѣд.», приводится рассказъ одного старца-священника, уже 56-й годъ несущаго званіе священника, изложенный въ одной частной бесѣдѣ. Упомянувъ о данной имъ при рукоположеніи клятвѣ — свято нести свое званіе и о напутственныхъ словахъ рукополагавшаго епископа: „будь же достоинъ званія своего“, этотъ пастырь говорилъ своему собесѣднику: „Слова владыки я всегда помнилъ, чтобы не поскользнуться на жизненномъ пути. А споткнуться можно было. Приѣхалъ я на приходъ съ женою, и кромѣ одного рубля тридцати коп., оставшихся отъ десятирублеваго приданаго, коровки и одной рыбки, у меня ровно ничего не было. Приходъ считался однимъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ епархіи; церковный домъ—полуразвалившійся; построекъ никакихъ; церковь—ветхая. Жить было очень тяжело. Матушка сама мыла полъ церкви. Большого труда стоило привлечь и расположить къ себѣ крестьянъ. Въ селѣ помѣщикъ былъ католикъ, былъ костелъ и ксендзъ, который велъ пропаганду на самыхъ широкихъ началахъ, чувствуя у себя подъ ногами почву. Это было тяжелое время, время искуса. Съ помощью Божіею, я выдержалъ искусъ. Теперь провожу я параллель между прежнимъ момъ сельцомъ и настоящимъ, и думаю: я сдѣлалъ свое дѣло. У меня и церковь прекрасная, и школы четыре а главное—народъ чудный, настоящій русскій народъ, съ хорошимъ сердцемъ и доброю душою. Всѣ вѣдь прихожане тепереш-

ніе взрослые на моихъ глазахъ; я съ матушкою воспиталъ и взлѣлывалъ ихъ. Что я скажу, то прихожане и дѣлаютъ: они знаютъ, что, кромѣ добра, я имъ ничего не желаю. Пьянства въ приходѣ совершенно нѣтъ; каждый прихожанинъ—членъ общества трезвости. Въ селѣ нѣтъ ни одного неграмотнаго. Придешь въ церковь, тамъ стройный хоръ и общее пѣніе. Какое счастье и отрада—видѣть плоды своего труда!—Усердіемъ причтовъ и мірянъ, достигнуто то, что нѣкоторыя мѣстности въ большихъ русскихъ городахъ, еще недавно отличавшіяся крайней распущенностью нравовъ, теперь сильно измѣнились къ лучшему. Въ замѣткѣ «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.», посвященной религіозно нравственной жизни одной мѣстности въ Тифлисѣ, носящей названіе Колючей балки, выражено, что въ очень недавнее время атмосферой Колючей балки была грязная атмосфера находившихся здѣсь духановъ. Съ утра до поздней ночи каждый день только и слышны были здѣсь крики и перебранки пьяныхъ мужчинъ и женщинъ; по улицѣ иногда почти нельзя было пройти: то тутъ, то тамъ валялись на землѣ пьяные. Съ пьянствомъ распространялся развратъ, растлѣвавшій даже малолѣтнихъ дѣтей. Но вотъ явился здѣсь молитвенный домъ, въ которомъ стало раздаваться живое слово христіанской проповѣди, и жизнь въ Колючей балкѣ пошла иначе. Духаны стали постепенно терять возможность дальнѣйшаго существованія и должны были закрыться; изъ нихъ остался только одинъ, да и то на краю. Весьма выразительно свидѣтельствуется объ этой перемѣнѣ и радостная готовность мѣстныхъ обывателей и обывательницъ—отдавать свои небольшія трудовыя сбереженія на устройство здѣсь церкви вмѣсто молитвеннаго дома. «Цер. Вѣстн.».

— Временами, чаще всего по поводу разныхъ крупныхъ криминальныхъ дѣлъ и преступленій, которыми вообще такъ богато новое время, возникаютъ и весьма многихъ у насъ заинтересовываютъ разсужденія о томъ, можно ли усматривать значительное и постоянное измѣненіе къ лучшему въ нравственной жизни массы русскаго населенія. Объ этомъ предметѣ, занимавшемъ многихъ у насъ и на минувшихъ недѣляхъ, судятъ не одинаково. Иногда слышатся голоса пессимистическіе, которые и находятъ безспорное подтвержденіе въ соотвѣтствующихъ отдѣльныхъ, крупныхъ и мелкихъ, явленіяхъ русской жизни; выражаются и мнѣнія иного рода, и эти послѣдніе мнѣнія повидному вѣрнѣе отображаютъ общее нравственное состояніе населенія. Во всякомъ случаѣ ко-

личество явленій, съ хорошей стороны обрисовывающихъ нравственныя понятія и стремленія нашего времени, весьма многочисленны. Къ такому выводу располагаютъ и тѣ фактическія сообщенія, которыя появились въ духовной и не-духовной періодической печати за послѣднія недѣли. При всемъ эгоизмѣ, характеризующемъ наше время, и нынѣ, какъ видно и изъ вновь оглашенныхъ фактовъ, въ глазахъ очень многихъ заботы о личномъ благополучіи не исключаютъ внимательнаго отношенія къ благополучію другихъ; нынѣ найдены, раскрываются и примѣняются многія новыя формы помощи бѣднымъ, больнымъ и всякаго рода несчастнымъ людямъ, въ прежнее время совсѣмъ неизвѣстныя или мало извѣстныя (каково на примѣръ устройство санаторій для прокаженныхъ, одна изъ которыхъ открыта на-дняхъ въ Ташкентѣ, или предполагаемое учрежденіе особыхъ лѣчебницъ для алкоголиковъ, въ родѣ устроенной въ Финляндіи, на островѣ Куусаари, лѣчебницы доктора Ольдерогге); нынѣ нерѣдко возбуждаются вопросы чисто моральнаго свойства, имѣющіе громадное общественное значеніе, и этими вопросами видимо живо и участливо интересуются очень многіе, — признакъ опять добрый. Характерно и то, что въ одной изъ лучшихъ и распространеннѣйшихъ свѣтскихъ газетъ была помѣщена на-дняхъ горячая статья извѣстнаго писателя по поводу нерѣдко наблюдаемой нынѣ погони за удовольствіями безъ разбора, приводящей къ нравственной распущенности. Возмущеніе почтеннаго автора тѣми условіями жизни, которыми эта распущенность создается, въ томъ числѣ—господствомъ на примѣръ оперетки въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городскихъ обществахъ и посѣщеніяхъ опереточныхъ представленій не только родителями, но ихъ малолѣтними дѣтьми, его горячія рѣчи о трудѣ во имя требованій суроваго долга, въ качествѣ обнаруженій общественной мысли, представляютъ явленіе, имѣющее безспорную важность.

«Церк. Вѣстн.».

— Во время послѣдняго народнаго возстанія въ Китаѣ противъ христіанъ и европейцевъ, бывшаго въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ текущаго года, какъ объ этомъ сообщается въ донесеніи Св. Синоду начальника Пекинской миссіи, архимандрита Иннокентія, мятежниками «и-хэ туанцами» или «боксерами», между прочимъ были сожжены: 1) въ ночь на 1 іюня подворье русской духовной миссіи въ Пекинѣ, съ бібліотекой, мужской и женской школами и богдѣльней при немъ; 2) 8 іюня русское владѣніе въ Пеки-

нѣ, причѣмъ памятники разрушены, могилы разрыты и кости почившихъ выброшены изъ могилъ; 3) 25 мая вечеромъ православная церковь съ подворьемъ въ деревнѣ Дунь-динь-ань; 4) православная церковь съ подворьемъ въ городѣ Калганѣ и 5) молитвенный домъ съ подворьемъ въ м. Пейтаго. Уцѣлѣли отъ погрома: церковь при дипломатической миссіи въ Пекинѣ, хотя, при бомбардированіи посольства, крыша у колокольни и церкви была пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ гранатами, и церковь съ подворьемъ въ городѣ Ханькоу. Отъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ осталась только груда мусора. Все разграблено и сожжено и даже самыя основанія зданій уничтожены. Отъ большаго фасада миссіи не оставлено ни одного дерева, а всѣ колодцы наполнены трупами убитыхъ христіанъ и завалены камнями. вмѣстѣ съ зданіями погибло все казенное и частное имущество и сожжены всѣ книги и документы. Спасены только нѣсколько цѣнныхъ сосудовъ и облаченій и икона святителя Николая, вывезенная албазинцами изъ Россіи. Члены духовной миссіи оставили миссію за 4 дня до ея сожженія, именно 26 мая, и переселились въ дипломатическую миссію, по настоятельному требованію русскаго посланника въ Пекинѣ. Имъ позволено было взять съ собою въ дипломатическую миссію только самое необходимое и болѣе цѣнныя вещи. Все прочее движимое и недвижимое имущество миссіи было передано подъ опеку русскимъ посольствомъ китайскому правительству, и приставлена къ нашему подворью, въ видѣ охраны, полурота китайскихъ солдатъ. По показанію очевидцевъ, мятежники напали на духовную миссію въ 11 часовъ ночи 31 мая, и къ 8 час. утра 1 іюня отъ миссіи остались однѣ обгорѣлыя стѣны, но и тѣ потомъ были разрушены, а камни и кирпичи отъ нихъ китайцами растасканы. Приставленная къ русскому подворью стража разбѣжалась прежде, чѣмъ явились сюда мятежники, не сдѣлавъ по нимъ ни одного выстрѣла. Одновременно съ нашей миссіей, въ ту же ночь, боксерами разграблены и сожжены и другія иностранныя миссіи въ Пекинѣ, которыя находились внѣ европейскаго квартала и не защищались европейскими солдатами. Боксеры всячески старались уничтожить европейскій кварталъ, въ которомъ укрѣпились всѣ европейцы города Пекина и китайскіе христіане (около 3,000 человѣкъ обою пола и возраста, изъ нихъ европейцевъ около 1,000 человѣкъ), и католическій монастырь, расположенный въ самомъ Императорскомъ городѣ, хорошо укрѣпленный и

имѣвшій часть европейскаго десанта и болѣе 1,000 хорошо воору-
женныхъ китаецевъ-католиковъ. Европейцы, имѣя десантъ въ 400
человѣкъ и нѣсколько пушекъ, едва держались въ помѣщеніяхъ
инстранныхъ дипломатическихъ миссій. Въ одно время, еще въ
самомъ началѣ осады, ими покинуты были всѣ дипломатическія
миссіи, и всѣ собрались для послѣдней обороны въ англійское
посольство. Только благодаря какому-то чуду удалось вскорѣ опять
отбить у мятежниковъ нѣсколько миссій и занять ближайшую часть
городской стѣны, иначе гибель для всѣхъ была бы неминуема.
Вся часть города, прилегающая къ посольствамъ, была выжжена
мятежниками. Имъ удалось истребить огнемъ и часть диплома-
тическихъ миссій и нѣсколько европейскихъ лавокъ и домовъ въ
самомъ кварталѣ европейцевъ. Все, что европейцы могли отстоять
отъ огня, боксеры старались уничтожить пулями и гранатами.
Европейскія помѣщенія буквально, какъ градомъ обсыпались со
всѣхъ сторонъ пулями, гранатами и шрапнелями: немало было
убитыхъ и раненыхъ среди европейцевъ, и большая часть жилищъ
ихъ была пробита пулями и полуразрушена гранатами и шрапне-
лями. Приэтомъ осаждаемымъ приходилось терпѣть тяжкія лишенія
отъ недостатка пищи и всего необходимаго: питались почти
все время исключительно одной кониной и рисомъ и то въ по-
слѣднее время въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе ху-
даго питанія къ концу осады появилось немало тяжелыхъ желу-
дочныхъ заболѣваній, отъ чего даже умерли двое русскихъ матро-
совъ. Это еще болѣе удручающе дѣйствовало на всѣхъ. Въ послѣд-
нее время осады мало кто изъ осажденныхъ питалъ твердую на-
дежду на избавленіе. Богъ послалъ избавленіе въ самую послѣднюю
минуту, когда не оставалось болѣе никакой надежды на спасеніе.
1 августа, когда китайцы менѣе всего ожидали, вопли соединен-
ныя войска въ Пекинѣ, а 3 августа русская духовная миссія, съ
согласія главнокомандующаго соединенными отрядами генералъ-
лейтенанта Ливенча и русскаго посланника въ Пекинѣ, могла пе-
реселиться изъ южной части города въ сѣверную, поближе къ
своей паствѣ, въ кумирню Юнь-хэ-гунѣ. Подъ помѣщеніе духовной
миссіи, въ благодарность за спасеніе отъ мародеровъ, завѣдующимъ
дворцомъ и ламами уступленъ временный дворецъ китайскаго
императора, куда онъ, въ прежнее время пріѣзжалъ поститься
предъ тѣмъ, какъ совершать извѣстный обрядъ въ „храмѣ земли“,
который находится неподалеку отсюда, за Аньдинъ-мыньскими во-

ротами. Если нашей миссіи дѣйствительно удастся закрѣпить за собой кумирню Юнь-хэ-гунь, то это будетъ великимъ пріобрѣтеніемъ для нея: это самая богатая и большая кумирня въ Пекинѣ и здѣсь всего лучше можно было бы укрѣпиться на будущее время отъ врага. Въ главномъ зданіи дворца было наскоро приспособлено временное помѣщеніе для церкви, освященное архимандритомъ Иннокентіемъ 5 августа въ 8 часовъ вечера. Въ праздникъ Преображенія въ первый разъ Богъ благословилъ членовъ миссіи помолиться со своими, оставшимися въ живыхъ отъ погрома мятежниковъ, православными китайцами въ новомъ помѣщеніи и затѣмъ приступить къ возсозданію нашей маленькой православной общины въ Пекинѣ. Православныхъ китайцевъ, избѣжавшихъ смерти до 16 августа, объявилось 65 человекъ обою пола. Всѣхъ ихъ, за немногими исключеніями, пришлось пріютить въ стѣнахъ новаго помѣщенія миссіи, чтобы тѣмъ избавить отъ насплія и грабежа и спасти отъ отчаянія и голодной смерти. Съѣстные припасы страшно вздорожали, и подвоза ни откуда не было. Все, что какими-либо судьбами уцѣлѣло, приходилось получать съ бою и платить въ три—дорога. При такихъ безпорядкахъ, единственное убѣжище для христіанъ представляли духовныя миссіи. Поэтому въ миссіи бѣгутъ всѣ и истинно-вѣрующіе, и отпадшіе отъ вѣры во время господства мятежниковъ. Нѣкоторые изъ отпадшихъ каялись въ своемъ грѣхѣ и оплакивали свое преступленіе, но большинство, изъ опасенія потерять послѣднее убѣжище, скрывали свою вину и отрицали свое отпаденіе отъ вѣры. Невозможно было разбираться, кто достоинъ и кто нѣтъ церковнаго покровительства, когда приходилось щедро благотворить, чтобы вмѣстѣ съ недостойными спасти отъ отчаянія и голодной смерти достойнѣйшихъ. Къ великому прискорбію, всѣ лучшіе изъ православныхъ христіанъ перебиты. Въ числѣ другихъ убиты: священникъ Митрофанъ Цзв, китизаторъ Павелъ Ванъ, старшій учитель и регентъ Иннокентій Фанъ, наблюдатель метеорологической станціи Петръ Ли, завѣдующій типографіей Капитонъ Ишъ, пономари в пѣвчіе, старшая учительница Ія Вэнъ, всѣ почти ученицы женской школы и призрѣваемые въ богадѣльнѣ. Если вѣрить показаніямъ китайцевъ, всѣхъ православныхъ избито болѣе 300 человекъ. Главнымъ днемъ избіенія христіанъ въ Пекинѣ считается 10 іюня (27 китайскаго мѣсяца). Въ этотъ день въ 10 часовъ вечера, одновременно во всѣхъ частяхъ города п—хэтуанцы (боксеры) устроили

торжественно съ факелами въшествіе на жилища христіанъ: христіанамъ распарывали животы, отрубали головы и сожигали вмѣстѣ съ ихъ жилищами; многихъ изъ христіанъ выводили за городъ и здѣсь при релігіозной языческой обстановкѣ казнили въ кумирняхъ и сожгали въ кострахъ. Православныхъ христіанъ много было замучено въ кумирнѣ за Аньдинъ-мыньскими воротами. Спаслись немногіе и то тѣ только, которые успѣли во время убѣжать за городъ иль имѣли возможность подкупить боксеровъ и отрекались отъ вѣры. Въ новомъ помѣщеніи миссіи изъ русскихъ миссіонеровъ къ 16 августа оставался только архимандритъ Иннокентій; іеромонахъ Авраамъ жилъ въ дипломатической миссіи для нуждъ русской колоніи, которая съ приходомъ войскъ сильно увеличилась, а діаконъ В. Скрижалинъ, по разстроенному здоровью, долженъ былъ уѣхать на родину, въ Россію. Въ настоящее время члены миссіи и служащіе при ней находятся въ Тянь-Цзянѣ.

«С.-Петербург. Дух. Вѣст.»

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

ВЫШЛИ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

Преосвященнаго Никанора, Епископа Орловскаго:

Объясненіе посланія въ Галатамъ	50	коп.
— — — Ефесемъ	50	"
— — — Филиппійцамъ	50	"
Объясненіе Литургіи изд. 2-е	50	"
О самопознаніи	25	"
О любви къ себѣ	25	"

Выписывающимъ эти книги изъ канцеляріи Преосвященнаго пересылаются бесплатно; а выписывающимъ на 25 руб. и больше дѣляется уступка 10 и 20%

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

(Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Преподавателя Харьковской Духовной Семинаріи С. В. БУЛГАКОВА.
Цѣна 5 руб., перес.—60 коп., съ налож. платеж.—70 коп. Въ Харьковѣ книга продается у автора (зданіе Духовной Семинаріи) и въ Губернской Типографіи (Петровской переулочъ, близъ Николаевской площади, д. № 17). Приславшимъ по адресу автора 6 руб. книга высылается въ прочемъ перешлетѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную.

На 1901 годъ.

Въ будущемъ 1901 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянныя рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и вѣшней политики;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстные извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проэктъ и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научныя очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ. *Редакторъ Ефимовичъ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ Петровскій пер., д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

СЪ БЛАГОСЛОВЕНІЯ БОЖІЯ

открыта подписка на 1901 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ, РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧИЙ“

(четырнадцатый годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкой, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкой.

„Кормчій“ одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по Россійской артиллеріи.

Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ рекомендованъ къ выпискѣ по войскамъ Московскаго военнаго округа.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ бібліотеки народныхъ училищъ для выѣ класснаго чтенія учащихъ и взрослыхъ. Училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ допущенъ въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

Одобрень и рекомендованъ Епархіальными Начальствами: Московскимъ, Костромскимъ, Пензенскимъ, Тульскимъ, Томскимъ, Енисейскимъ, Минскимъ, Астраханскимъ, Подольскимъ и Рижскимъ Училищнымъ Совѣтомъ.

„Кормчій“ имѣетъ своею главною цѣлю, какъ показываетъ и самое названіе, указывать православному христіанину тотъ истинно-добрый путь ко спасенію, который церковію православною предначертанъ для всѣхъ чадъ ея.

Въ 1901 году въ журналѣ „Кормчій“ попрежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами извѣстный кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Ордынка, домъ Важиной, (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).

Редакторы: Протоіерей (С. П. Ляпидевскій.
(І. Н. Бухаревъ.
Издатель Священникъ С. С. Ляпидевскій.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЛИСТЫ. Каждый листокъ съ рисункомъ. Рекомендуются для собесѣдованія съ народомъ. На всѣ воскресные и праздничные дни, на великій постъ и страстную недѣлю, а также по житіямъ святыхъ. За 1000 листковъ 5 рубл. безъ перес., пересылка по разстоянію. За 100 листковъ 60 к. безъ пересылки и 80 коп. съ пересылкой. Можно выписывать сразу на цѣлый годъ. Адресъ: Москва, редакція „Кормчій“.

Новая книга. Задушевные дружескія бесѣды пастыря съ воинами въ часы досуга. Священника С. Ляпидевскаго. Бесѣды эти написаны самымъ общедоступнымъ, живымъ языкомъ, приспособительно къ пониманію и положенію простаго народа и, по своему разнообразному содержанію, могутъ служить добрымъ чтеніемъ не только для Христолюбиваго воинства, но и вообще для православнаго народа русскаго. Цѣна 25 коп., съ пересылкою 35 коп. Выписывающіе 10 и болѣе экз. платятъ за экз. 30 коп. съ перес. Складъ изданія у автора: Москва, Лефортово, Военная Тюрьма, кв. священника. P.S. Отзывъ о сей книжкѣ см. «Цѣрковныя Вѣдомости, издаваем. при Св. Синодѣ» за 1900 годъ № 32.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 годъ (изд. XVI годъ)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

5 рублей безъ до-
ставк. **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ** 6 рублей съ до-
став. и перес.
ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

подъ редакціею А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-
нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содер-
жанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отече-
ственными изданіями. Одобрень всѣми вѣдомствами.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1901 ГОДА ПОЛУЧАТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№. } **12** ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ,
Каждый номеръ въ размѣрѣ 16 } каждая объем. 180—240 стран.,
стр. съ рисунками изъ исторіи русскаго } заключающ. въ себѣ: историч. повѣсти
народа и русской православной церкви. } и разск., описанія святыхъ т. п.

И КРОМѢ ТОГО, БУДЕТЪ ВЫДАНО, БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,

ПОРТРЕТЪ

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО,

исполненный на металлѣ, 12 красокъ, размѣромъ 5½×7 вершковъ

ВЪ РЕЛЬЕФНОЙ ОВАЛЬНОЙ РАМѢ.

Въ 12 книжкахъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ будетъ дано:

1) Разказы и черты изъ жизни Русскихъ Императоровъ, Императрицъ и Великихъ Князей (съ портретами и рисунками). Составилъ И. В. Преображенскій.	6) Алипій изъ Тагасты. Повѣсть изъ исторіи церкви IV вѣка.
2) Небесами побѣжденные. Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ А. И. Лаврова.	7) Жестокое испытаніе. Бытовая повѣсть въ 2-хъ частяхъ А. И. Красницкаго
3) Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Историко-этнографическій очеркъ, Прот. І. Бѣллева.	8) и 9) По евангельскимъ слѣдамъ. Картины изъ земной жизни Спасителя. Л. Шнеллера.
4) Въ дали вѣновь. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ А. И. Лаврова.	10) Милости Божія надъ царями и правителями земли русской. Н. В. Мягкова.
5) Царскій духовникъ. Историческая повѣсть. В. П. Лебедева.	11) Сыны Арія. Повѣсть изъ исторіи борьбы съ аріанствомъ запада. Гено.
	12) Великій страдалецъ. Историческая повѣсть В. П. Лебедева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**
безъ доставки въ Слб. ПЯТЬ руб.

Съ доставкой и перес. во все города Россійской имперіи ШЕСТЬ руб. За гра-
ницу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и
къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Открыта подписка на 1901 годъ НА ДВА изданія:

и.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Деятельный годъ изданія. Съ 1901 г. газета будетъ издаваться по расширенной программѣ. Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отмѣлая событія въ возможной полнотѣ и въ яркой, живой и общедоступной формѣ. Помимо обширной хроники, въ „Новостяхъ дня“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденція отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ—изъ Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Нью-Йорка и друг. Подписная цѣна: на годъ 8 р., на 6 мѣсяцевъ—5 р., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяць—1 р.

и.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ

Девятый годъ изданія. Несмотря на свою дешевизну, журналъ „Семья“ представляетъ собою вполне изящное изданіе, въ которомъ помѣщается разнообразный интересный текстъ, масса портретовъ (іерарховъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п. и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня. Подписная цѣна: на годъ съ доставкой—3 р. Адресъ: Москва, Красныя ворота, с. д.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ежемесячный журналъ, заключающій въ себѣ обзоръ всѣхъ выдающихся и наиболее интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Задача изданія—помощь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболее характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особыя заботы о томъ, чтобы № планія доставляла возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. По мѣрѣ надобности въ журналѣ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, а также литературно-критическія и научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ. Съ 1-хъ книжекъ журнала въ будущемъ году начнется печатаніе романа М. Долгинскаго—„Подъ гнетомъ подозрѣній“. Открыта подписка на 1901 г. (7-й годъ изданія). Цѣна на годъ съ дост. и пер. ТРИ руб. Адресъ: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, д. 10—Отъ жителей С.-Петербурга подписка принимается въ кн. маг. Попова (уг. Невскаго пр. и Фонтанки). Редакторъ-издатель И. В. Сиворцовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1901 ГОДЪ НА

С Ъ В Е Р Ъ

XIV-й годъ изданія.

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Въ 1901 году гг. подписчики „СЪВЕРА“ получаютъ: 52 №№ роскошно иллюстрированного журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; 52 №№ еженедѣльнаго обозрѣнія политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала „СЪВЕРЪ“; 12 №№ журнала „ПARIЖСКІЯ МОДЫ, ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО“, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указаній, необходимыхъ для хозяйства и домашняго обихода; 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ рукодѣлій; кромѣ того, на основаніи приобрѣтеннаго отъ автора права печатанія всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведеній, редакція, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченіе одного 1901 года, въ книгахъ „БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора.

24 ТОМА СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. Д. МОРДОВЦЕВА,

въ которые войдутъ: 1) „За чьи грѣхи?“, ист. пов. 2) „Сагайдачный“, ист. пов. 3) „Господинъ Великій Новгородъ“, ист. ром. 4) „Наносная бѣда“, ист. пов. 5) „Царь и гетманъ“, ист. ром. 6) „Нашъ Одиссей“, ист. ром. 7) „Двѣнадцатый годъ“, ист. ром. 8) „Великій расколъ“, ист. ром. 9) „Авантюристы“, ист. пов. 10) „Соловецкое сидѣнье“, ист. пов. 11) „Между Сциллою и Харибдой“, ист. пов. 12) „Кумъ Иванъ“, быль. 13) „Онъ идетъ“, быль. 14) „Сила вѣры“, быль. 15) „Замурованная паридца“, ист. пов. 16) „Ванька Каинъ“, ист. оч. 17) „Понизовая вольница“, ист. мат. 18) „Русскіе чародѣи и чародѣйки“, ист. оч. Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ 20 руб. Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получаютъ роскошный альбомъ: „Галлерей русскихъ писателей и художниковъ“, въ который войдутъ исполненные фототипографурой портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ ихъ біографіями и характеристиками. Подписная цѣна остается прежняя: Безъ доставки въ С.-Петербургъ 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ: 1) въ конт. Л. и Э. Метцель и К^о; 2) въ вн. маг. Альшвангъ и Герлахъ (прот. Мал. театра) 6 р. 25 к. Безъ дост. въ Одессѣ въ кіоскахъ Г. В. Свистунова 6 р. 50 к. Съ перес. во всѣ города и мѣстн. 7 р. На 1/2 года съ дост. и перес. 3 р. 50 к., на 3 м. — 1 р. 75 к., на 1 м. — 60 к. За границу — 11 р. Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и помѣсячно. Поручительство гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе въ концѣ года подписную плату сполна получаютъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками. Подписки просятъ адресовать въ Главную контору журнала „Сверъ“ (СПБ., Невскій пр., 170) на имя издателя Ник. Ѡ. Мертца.

ДЛЯ ШКОЛЬ, ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ!

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ, ФОНОГРАФЫ, ГРАФОФНЫ, ГРАММОФОНЫ.

ПѢНІЕ ДУХОВНОЕ, МАЛОРОССІЙСКОЕ, ОПЕРНОЕ И ОРКЕСТРЫ. КАРТИНЫ И БРОШЮРЫ ДЛЯ ЧТЕНІЯ СЪ ФОНАРЕМЪ.

Новые Прейсъ-Куранты бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 годъ

журналъ политическій, литературно-художественный и сатирический
СЪ КАРРИКАТУРАМИ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ.

Развлечение вступаетъ въ 43 годъ своего существованія. Девизъ журнала: За шутку не сердись, Въ обиду не вдавайся, А впрочемъ... берегись! Въ дурномъ не попадайся! Цѣль журнала: „развлекать“ скучающую столичную и провинціальную публику и заставлять смѣяться надъ другими и очень часто надъ самимъ собой. Развлечение въ 1901 г. дастъ своимъ подписчикамъ: Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ перомъ, карандашомъ и въ краскахъ извѣстныхъ каррикуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинцій (провинціальныя злобы дня и курьезы будутъ помѣщаться въ текстѣ и рисункахъ). Въ продолженіи всего года будутъ помѣщаться юмористическія иллюстраціи въ краскахъ къ произведеніямъ болѣе извѣстныхъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей, каррикуры политическаго характера, портреты извѣстныхъ артистовъ и художниковъ въ юмористическомъ духѣ и т. п. Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ выслана премія: „ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ“ (для дѣтей старшаго возраста, отъ 40 до 100 лѣтъ). Годовая цѣна журнала шесть рублей, съ преміей семь рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ три рубля, въ мартѣ одинъ руб., въ апрѣлѣ одинъ руб. и въ маѣ одинъ руб. (Пробный № высылается за три семикопеечныя марки). Адресъ: Москва, Петровка, Богословскій переулокъ, домъ Кабанова, противъ театра Корша.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества

„Начальное народное образованіе въ Россіи“

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНОВЪ

И. В. Э. Общества Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолускаго.

Въ программу изданія, являющагося результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входятъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно-воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ свыше 200 печатныхъ листовъ большаго формата въ 8 томахъ in folio и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ диаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣздамъ и городамъ Имперіи. Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей, въ прочныхъ папкахъ 28 рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 15 рублей и при выходѣ третьяго и четвертаго томовъ по 5 рублей. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена. Первые два тома изданія (LIX+825 стр.) вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ 6 рублей. Слѣдующей томъ печатается. Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербургѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея овященнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и всеобщая Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мирянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покое воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 гг.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. Б.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православенъ-ли integer simion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. Б. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и соображенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.